

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

К 60-летию кафедры
«История, мировая и отечественная культура»

**ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
РАБОТНИКОВ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»
БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Под редакцией В. А. Божанова, С. В. Боголейша

Минск
БНТУ
2016

УДК 378.62 (476) (091) (082)
ББК 74.58я5
Ю13

Р е ц е н з е н т ы:

канд. ист. наук, доцент, зав. Центром новой и новейшей истории
Беларуси Института истории НАН Беларуси *Н. В. Смахович*;
канд. ист. наук, доцент, зам. декана факультета технологий
управления и гуманитаризации БНТУ *Е. Г. Богданович*

В сборнике рассматриваются вопросы, связанные с проблемами исторического, политического, культурного развития белорусского народа в различные исторические периоды. Часть материалов связана с историей кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ.

Материалы сборника могут быть полезны как для профессорско-преподавательского состава, так и для студентов, всех интересующихся историей Беларуси.

Выполнено в рамках научной темы кафедры на 2016–2020 гг.: «Белорусская государственность: становление, развитие, особенности».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юбилейная дата всегда является богатой почвой для размышлений, оценок, понимания прожитого, пережитого, состоявшегося. 60-летний юбилей нашей кафедры – это в первую очередь судьбы людей, которые в свое время связали свою жизнь с работой в ВУЗе. Серьезные испытания выпали на то поколение работников, которое пришло на кафедру после освобождения г. Минска от немецко-фашистских захватчиков. В разрушенных, разграбленных врагом зданиях, при минимальном количестве учебной и методической литературы они самоотверженно и терпеливо восстанавливали и продолжали учебный процесс, разрабатывали учебные и методические пособия, вовлекали студентов в учебный процесс и научно-исследовательскую работу.

Другим, пришедшим в университет позже, надо было совершенствовать начатое, достраивая, перестраивая учебный процесс, номенклатуру учебных дисциплин и их содержание, методологию преподавания в соответствии с потребностями страны. Непростым был период распада СССР и формирования суверенной Республики Беларусь. Потребовалась коренная перестройка и предметной, и содержательной сторон преподавания. Возникали новации – Белорусоведение, Политическая история и т.д. И все же однозначно понятное и точное возобладало: История Беларуси утвердилась как главная учебная дисциплина кафедры, как один из важнейших предметов гуманитарного блока в университете. Преподавателям предстояла непростая работа по переосмыслению истории Беларуси, освоению новых спецкурсов, которая была качественно и добросовестно выполнена.

Именно благодаря упорному труду многих поколений высококвалифицированных преподавателей, самоотверженному их отношению к делу кафедра росла, совершенствовалась, приобретая академизм, прочный научный фундамент, обеспечивая высокий уровень исторической подготовки студентов, идейной и воспитательной работы со студентами.

Сегодня кафедра гордится не только своей историей, которая вершилась в унисон с жизнью страны. В системе гуманитарного образования БНТУ она утвердилась как высокопрофессиональный центр изучения и преподавания истории нашего Отечества, инициативного проведения научных конференций, подготовки и публикации научных и учебно-методических трудов преподавателей по ключевым проблемам белорусской истории, мировой и отечественной культуры. Преподавательская полка научных публикаций сотрудников кафедры впечатляет своим объемом и диапазоном интересов. На вооружение берутся наиболее эффективные методики организации учебного процесса. Ректарат БНТУ неоднократно отмечал наградами кафедру, в том числе признавая ее лучшей среди гуманитарных кафедр университета. Ряд преподавателей имеют награды со стороны Министерства образования Республики Беларусь.

История кафедры свершилась, биография кафедры продолжается. Современность требует от историков фундаментальных аргументов в осмыслении и изложении исторического прошлого страны, высокого профессионализма и эрудиции в понимании факторов ее развития, умения сопоставлять опыт истории с актуальными обстоятельствами и процессами, доносить живую историю до сознания и чувств студенческой молодежи.

ЖЫЎ, КАБ ПОМНІЛІ (аб Ермалаеве У.Ф.)

Арбузаў А.Ц.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

У кожнага чалавека ў жыцці ёсць моманты, аб якіх пазней прыходзіцца шкадаваць. Не паспеў запытаць, дапамагчы, падтрымаць... Вось і я вельмі шкадую аб тым, што ў дні сустрэч за трыццаць год сяброўства многага не паспеў: не паспеў запытаць і аб пакутах і здзеках акупантаў над ім у часы вайны, і аб яшчэ больш цяжкім пасляваенным яго жыцці і інш. І толькі цяпер пазнаў цяжар страты Чалавека з вялікай літары, слаўнага сына беларускай зямлі Уладзіміра Фаміча Ермалаева. Да самага апошняга дня ён безупынку працаваў, у тым ліку над сваёй новай, шостаю кніжкай. Здаў яе ў друк, прылёг адпачыць і заснуў назаўсёды, адляцеў у вечнасць.

Нарадзіўся будучы паэт 2 студзеня 1933 г. у вёсцы Галавачы Дрыбінскага (зараз Горацкага раёна) Магілёўскай вобласці ў сям’і настаўніка і калгасніцы. Дзяцінства і юнацкія гады прайшлі ў вёсцы Пятухоўка Чаускага раёна. У пачатку Вялікай Айчыннай вайны сям’я Ермалаевых пераехала ў вёску Залесе Мсціслаўскага раёна Магілёўскай вобласці, на радзіму маці. Бацька паэта Фама Васільевіч быў настаўнікам, працаваў загадчыкам пачатковай школы і разам з аднавяскоўцамі быў мабілізаваны на барацьбу з фашыстамі. На фронце ваяваў у чыне малодшага лейтэнанта, кіраваў стралковым узводам, быў паранены і кантужаны. Загінуў 19 кастрычніка 1944 г. у жорсткім баю на польскай зямлі. Так што васьмігадовы юнак Воўка Ермалаеў замяніў у сям’і бацьку і разам з маці і сястрой удосталы паспытаў гаркавага хлеба безбацькаўшчыны.

Нараджаны ў сям’і настаўніка, ён рана авалодаў граматай, рана пачаў лічыць, пісаць. Закончыўшы Залескую пачатковую школу з ганаровай граматай, ён тры гады ў любое надвор’е, па бездарожжы хадзіў за сем кіламетраў у вёску Шыркавічы ў школу-сямігодку. Пасля яе заканчэння Уладзімір Ермалаеў паступіў у Мсціслаўскае педагагічнае вучылішча, у якім і пачаў спрабаваць свае творчыя сілы ў мастацкай літаратуры. Першыя вершы запісваў у школьных сшытках, лепшыя аддаваў друкаваць на старонках Мсціслаўскай раённай “Калгаснай газеты”. Зараз гэтая газета носіць

назву “Святло Кастрычніка”. Яе юбілею, у прыватнасці, паэт прысвяціў верш “Жадаю я табе, раёнка.” Пазней ён друкаваўся ў абласных газетах і рэспубліканскай “Чырвонай Змене”. Закончыў Мсціслаўскае педагагічнае вучылішча паэт з чырвоным дыпламам. У ліпені – жніўні 1953 г. У.Ф. Ермалаеў працаваў выхавателем Іўеўскага дзіцячага дома Гродзенскай вобласці і адначасова рыхтаваўся да паступлення ў ВНУ.

З верасня 1953 г. У.Ф. Ермалаеў студэнт Мінскага педагагічнага інстытута імя А.М. Горкага. Падчас навучэння ў ВНУ прымаў актыўны ўдзел у грамадскай працы, быў абраны сакратаром камітэта камсамола. Студэнцкія гады, жыццё ў інтэрнаце, грамадская дзейнасць пазнаёмілі і звязалі яго назаўсёды з Галінай Міхайлаўнай Алісенка, студэнткай бібліятэчнага факультэта педінстытута.

Таленавіты студэнт паспяваў усюды: і ў грамадскай дзейнасці, і на падпрацоўках, і на “выдатна” “грыз” навуку. Быў “калінінскім” стыпендыятам і педінстытут закончыў з чырвоным дыпламам. Атрымаў вышэйшую адукацыю настаўніка гісторыі, беларускай мовы і літаратуры і разам з Г.М. Алісенка быў накіраваны на самастойную працу ў горад Смаргонь, дзе ён працаваў настаўнікам вячэрняй школы, а яго каханка – у раённай бібліятэцы. У дзень Кастрычніцкай рэвалюцыі згулялі вяселле, стварылі сям’ю і ў 1959 г. у іх нарадзіўся сын Валерый, пазней у 1967 г. – дачка Вікторыя. Зараз у сямействе Ермалаевых тры ўнукі і адна ўнучка.

Маладога, працавітага настаўніка ў хуткім часе прыкмецілі і запрасілі працаваць інспектарам Смаргонскага раённага аддзела адукацыі. Але доўга пабыць на пасадзе інспектара не давялося. На раённай камсамольскай канферэнцыі ў снежні 1959 г. яго абралі другім сакратаром Смаргонскага райкама камсамола. У сакавіку 1960 г. прынялі ў члены КПСС, а ў верасні 1961 г. Уладзімір Фаміч ужо стаў першым сакратаром гэтага ж райкама камсамола.

Па накіраванню Гродзенскага абкама Кампартыі Беларусі з верасня 1962 г. У.Ф. Ермалаеў вучыўся ў Мінскай Вышэйшай партыйнай школе, але ўжо ў маі 1963 г. на бюро ЦК ЛКСМБ быў зацверджаны на пасаду інструктара аддзела школьнай і студэнцкай моладзі ЦК ЛКСМБ. За самаадданую працу з моладдзю ЦК УЛКСМ узнагародзіў яго Ганаровым Знакам “За актыўную работу ў камсамоле”. З кастрычніка 1964 г. У.Ф. Ермалаеў – старшы рэфэрэнт, кіраўнік сектара па працы з замежнымі студэнтамі і

іншаземных сувязей Міністэрства вышэйшай адукацыі БССР, а затым – загадчык аддзела па навучанню іншаземных студэнтаў і іншаземных сувязей.

Пасля работы ў Міністэрстве пачаўся перыяд выкладчыцкай дзейнасці. У кастрычніку 1968 г. ён быў зацверджаны на пасаду намесніка дырэктара рэспубліканскага міжгаліновага Інстытута павышэння кваліфікацыі кіруючых працаўнікоў і спецыялістаў галін народнай гаспадаркі БССР і адначасова працаваў старшым выкладчыкам. Са жніўня 1975 г. восем гадоў Уладзімір Фаміч працаваў выкладчыкам кафедры “Гісторыя КПСС” Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў. Адначасова вучыўся ў завочнай аспірантуры пры Мінскім педагагічным інстытуце імя А.М. Горкага. 7 красавіка 1982 г. Ермалаеў У.Ф. паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму “Дзейнасць Кампартыі Беларусі па ўмацаванню сувязей навукі з прамысловай вытворчасцю”. У 1983 г. ён выконваў абавязкі дацэнта кафедры “Навуковы камунізм” Мінскага радыётэхнічнага інстытута. У кастрычніку 1983 г. быў абраны па конкурсу старшым выкладчыкам, а ў снежні 1985 г. – дацэнтам кафедры “Гісторыя КПСС” Беларускага палітэхнічнага інстытута. У красавіку 1991 г. кафедра “Гісторыя КПСС” атрымала назву кафедра “Гісторыя, сусветная і айчынная культура”, а БПІ быў перайменаваны ў Беларускаю дзяржаўную палітэхнічную акадэмію, з красавіка 2002 г. – у Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт.

Працуючы выкладчыкам да ліпеня 1994 г., У.Ф. Ермалаеў вялікую ўвагу ўдзяляў павышэнню лектарскага майстэрства і навукова-метадычнай кваліфікацыі, падрыхтаваў і надрукаваў звыш 30 навуковых прац, прысвечаных пытанням сувязі навукі з прамысловай вытворчасцю. Ён актыўна ўдзельнічаў у грамадска-палітычным жыцці ВНУ, горада, рэспублікі, уваходзіў у склад рэдкалегій інстытуцкіх газет, з’яўляўся пазаштатным лектарам аддзела прапаганды Мінскага абкама Кампартыі Беларусі, старшынёй навукова-метадычнага Савета пры праўленні Мінскай абласной арганізацыі “Веды”, старшынёй секцыі лектараў-міжнароднікаў. Ермалаеў У.Ф. карыстаўся вялікай павагай сярод прафесарска-выкладчыцкіх калектываў і студэнцкай моладзі, сярод працаўнікоў Рэспублікі Беларусь. Таварыства “Веды” у 1989 і 1990 гады надрукавала дзве яго брашуры “Методыка падрыхтоўкі і

чытанне лекцый па праблемам знешнепалітычнай дзейнасці КПСС і Савецкай дзяржавы” і сумесна з Арбузавым А.Ц. – “Агульна-еўрапейскі дом: канцэпцыя і рэаліі”.

Лічыцца, што з ліпеня 1994 г. У.Ф. Ермалаеў на заслужаным адпачынку, пенсіянер. Але такому чалавеку не да адпачынку: ён пабудоваў дачу ў Крыжоўцы, узброіўся пішучай машынкай і на прыродзе, пад божым сонцам распачаў актыўную літаратурную працу. Усе раннія сатырычныя гумарэскі Уладзіміра Ермалаева, як гэта не парадаксальна, пачалі публікавацца падчас бурлівых сацыяльных перамен, на ўзмежжы разбурэння Савецкага Саюза, калі, здавалася б, не да вясялосці. Друкаваліся яны ў часопісу “Вожык”, газеце “Літаратура і мастацтва” і іншых выданнях, гучалі па рэспубліканскім радыё і тэлебачанні. І менавіта ў той час, калі Беларусь атрымала самастойнасць і незалежнасць, вельмі хутка ў Уладзіміра Фаміча з’явілася як бы другое дыханне, успыхнула зорка беларускага сатырыка-гумарыста.

Усёй сваёй творчасцю ён сцвярджаў, што пра жыццё беларускае і гісторыю, пра зямлю і прыроду, пра людзей зямлі гэтай, роднага краю, пра ўсё гэта трэба пісаць, чытаць, выкладаць і размаўляць па-беларуску. У гэтым сэнсе творчасць яго – гэта творчасць сына зямлі беларускай: па жыццёвым матэрыяле, па ідэйнай накіраванасці, праблематыцы, вобразнай сістэме, па духоўна-эмацыянальнай напоўненасці. Жыццём, лёсам, часам У.Ф. Ермалаеў, як і іншыя паэты яго пакалення, з самага дзяцінства быў далучаны да жыцця народнага, можна сказаць, жыў гэтым жыццём. І вось такі сацыяльны стан выпяваў унутрана – у свядомасці, у душы, угрунтоўваў пачуццё, усведамленне асабістай адказнасці за ўсё, што тварылася ў жыцці. Тут агульнае было асабістым, асабістае ў істотных момантах выяўляла агульнае.

Багацце жыццёвага матэрыялу, эмацыянальны напор непасрэдных ураджанняў, унутраная прага непасрэднага ўдзелу былі настолькі моцнымі, жыццёва і творча неабходнымі, што публіцыстычна-лірычны струмень прарываўся ў самую мастацкую паэтычную стыхію. Асабліва адчуваецца гэта ў творах з аўтабіяграфічнай асновай, прысвечаных сваім паплечнікам, сябрам (вершы “Вы шуміце...”, “Тудэма – сюдэма”, “Сказ пра дачніка Пятра”, кніга “Пераход колькасці ў колкасці” і інш.).

Трэба сказаць, што напісанне значнай часткі пародый, гумарыстычных вершаў менавіта прыйшлося на перабудоўчую неразбярэху. Яе зігзагі і грымасы многімі чытачамі ацэньваліся неадназначна. Большасць сатырычных і гумарыстычных вершаў, варта дадаць, звязана было з падзеямі постперабудовачнага часу. Незадаволены фактам адрыву навукоўцаў-выкладчыкаў ад іх непасрэднай працы і пасылам у калгас па нарыхтоўку сенажу для жывёлы, У.Ф. Ермалаеў адаслаў тэлеграму на імя Генеральнага сакратара ЦК КПСС Гарбачова М.С. Ён і пазней заўсёды заставаўся смелым, рашучым і накіроўваў свае вострыя сатырычныя стрэлы на хібы і недахопы ў жыцці, супраць курэння і п'янства, а сваіх "герояў" выстаўляў на ўсеагульнае высмейванне.

За трыццаць год кіпучай творчасці з-пад пяра У.Ф. Ермалаева выйшла столькі твораў сатыры і гумару, што, хочаш – не хочаш, настаў час "выстраліць" іх асобнай кніжкай. Услед за кніжкай "Хто не смяецца, той не есць" (1994) з'яўляюцца кнігі "Пераход колькасці ў колкасці" (1997), затым "Радком па кумпалу" (1998), "Дулі будуць апасля" (2004), "Смехам закаханія" (2008).

Памкненне да гармоніі ў душы і "выпраменьванне" душэўнай цеплыні сфарміравала жыццёвае крэда паэта. У яго лірыцы прырода і чалавек знітаняўся ў адно цэлае праз адчуванне прыгажосці (вершы "Нарачанская легенда", "Лімі і Ліма", "Знаёмая незнаёмка", "Любоў мая азёрная" і інш.), тонка спалучаны настальгічны сум аб мінулым і спакойна ўзнёслы тон бадзёрага аптымізму (вершы "Прыазёрны вальс", "Піяністка", "Нарачанскае лета"). У.Ф. Ермалаеў сузірае свет с пазіцыі апавядальніка-назіральніка і дае парадку незнаёмаму яму чалавеку, як знайсці выйсце да Бога. Не быў набожны, але верыў, што смех не грэх, а дар Божы і лічыў, што лепш жартаваць, чым гараваць і добры смех з'яўляецца найлепшым лекарам.

Ермалаеў У.Ф. любіў выступаць сярод людзей, простых людзей і асабліва сярод людзей на адпачынку. З лекцыямі і творчымі вечарынамі ён аб'ездзіў усю Беларусь, асабліва любіў працаўнікоў нарачанскага краю, выступаць у санаторыях "Нарач", "Белая Русь", "Прыазёрны" і інш. Напісаў нават "Нарачанскі гімн", пакладзены на музыку. Яго вершы, мініяцюры былі ў асноўным гумарыстычнага і сатырычнага характару. Але асаблівага поспеху ён дабіўся як вялікі мастак-парадыст. З пад яго пяра выйшлі шматлікія літаратурныя пароды як на сваіх блізкіх сяброў, паплечнікаў, так і амаль на ўсіх

сучасных паэтаў. Пасля публікацыі трох зборнікаў У.Ф. Ермалаева ў 1998 г. прынялі ў Саюз пісьменнікаў Беларусі, дзе ён прымаў актыўны ўдзел ў грамадскім жыцці пісьменнікаў і карыстаўся вялікім аўтарытэтам, павагай калег па рабоце, сяброў, шматлікіх прыхільнікаў паэтычнага, дасціпнага мастацкага беларускага слова.

Больш дваццаці гадоў выступаў Уладзімір Фаміч у розных установах, калгасах, саўгасах, на прадпрыемствах Беларусі і ўсюды яго сустракалі з павагай. У яго прамовах, сатырычных і гумарыстычных вершах уражвае дакладнае веданне глыбінь жыцця беларусаў, іх літаратуры, гісторыі. Як сапраўдны майстар, сын вёскі, сатырык, ён умела выкарыстоўваў багацце роднай беларускай мовы, у тым ліку розныя ўстойлівыя словазлучэнні. Там, дзе вядзецца размова пра грамадска-важныя справы, ён бескампрамісна едкі, гаворыць прама і адкрыта, нярэдка востра і рэзка. Часцей усяго ў творах паэта праглядваюцца канкрэтныя сітуацыі з нашага паўсядзённага жыцця. Трывогай і болям прасякнуты яго вершы “Цана абутку”, “Калгаснікам”, “Пустое месца” і інш.

Сярод чытачоў вялікую папулярнасць паэту, аднаму з лепшых парадыстаў краіны, прынеслі кнігі “Дулі будуць апасля” і “Смехам закаханыя”, дзе надрукаваны не толькі гумарыстычныя пародыі, але і лірыка, і сатыра. У кнізе “Смехам закаханыя” убачыла свет і, нарэшце, упершыню з 1984 г. была надрукавана і яго першая праца часоў выкладчыцкай дзейнасці ў БПШ – “Кафедральны сенаж”. Гэту сельскую, цікавую паэму спачатку Арбузаў А.Ц. надрукаваў, сбрашураваў у колькасці 5 асобнікаў, якія затым “хадзілі па руках”, і толькі праз 24 гады яна была надрукавана ў кнізе выдавецтвам “БелАніГал”.

Уладзімір Фаміч як паэт-лірык вельмі любіў музыку. У яго было шмат рознай радыё-тэлеаўдыётэхнікі, меў свой густ. З радыё ён клаўся спаць і пад звесткі радыё падымаўся. Любіў і вырошчваў вельмі прыгожыя ружы, розныя кветкі, увогуле усё прыгожае. Калі выходзіў у сад, агарод, уключаў на ганку радыё альбо магнітафон, настройваў гучнасць, каб слухач не толькі самому, але каб чулі і суседзі. Каб не надакучалі спевы, ён часта абнаўляў рэпертуар, меў сваю фонатэку. Любіў агарод, альпійскія горкі для кветак і, вядома, сад, якога не хапала ў дзяцінстве. Падчас савецка-фінляндскай вайны зімой 1939-1940 гг. сады ў Беларусі павымярзалі. Так што ў маленстве яму не прышлося з’есці не толькі цукерку, але часам нават і яблычка.

У Фаміча на дачы яблыкаў кожны год было столькі, што прыходзілася мяшкамі развазіць сябрам, астаткі тачкамі адвозіў у лес.

Ён вельмі любіў сваю сям’ю. Адзначыў залатое вяселле са сваёй адзінай каханкай Галінай Міхайлаўнай. Дачакаўся ад сына двух хлапцоў і ад дачкі – унука і ўнучку. На вяселлі старэйшага ўнука Уладзіміра паспеў паскакаць з маладзейшай унучкай Каралінай. Як і Галіна Міхайлаўна, Уладзімір Фаміч усё аддаваў сям’і: любоў і цеплыню душы, матэрыяльныя здабыткі, – усё. Любіў бываць прыстойна ў гасцях і яшчэ больш прымаць тых гасцей, сяброў: землякоў Ларчанку У.І., Ждана О.А., Максюту О.М. і інш. А калі збіраліся да яго на вул. Захарава такія ж паэты-парадзісты, як ён, то гэта быў такі “капуснік”, якому пазайздросцілі б усе выдавецтвы і многія сцэнарысты. Для ўсіх, каму давалося бываць там, такія сустрэчы засталіся ў памяці на ўсё жыццё.

У сувязі з васьмідзесяцігадовым юбілеем Уладзіміра Фаміча Ермалаева Саюз пісьменнікаў Рэспублікі Беларусь адзначыў яго сваёй вышэйшай узнагародай – медалём “За вялікі ўклад у літаратуру”. Гэта ўзнагарода як бы ўскалыхнула яго і натхніла на новыя творчыя здабыткі. Так і з’явілася ў 2015 г. новая, шостая кніжка паэта ў самай прэстыжнай серыі “Бібліятэка Саюза пісьменнікаў Беларусі” пад назвай “Смех у мех, а сум у торбу” у выдавецтве “Чатыры чвэрці”. У час працы над кнігай Уладзімір Фаміч з удзячнасцю прымаў не толькі парады сяброў, але і прапановы супрацоўнікаў выдавецтва – рэдактара Ірыны Чарняўскай і дырэктара Ліліяны Анцуг, якая нават змясціла свой артыкул “Замест некролога, або нататкі выдаўца”.

Як сцвярджалі ў свой час мэтры інтэлектуальнай думкі, смех – гэта найкарацейшая адлегласць паміж людзьмі, а што зрабілася смешным, тое ўжо не можа быць небяспечным. І не трэба заганыць смех у які-небудзь мех, усё роўна ён адтуль, як шыла, вытыркнецца. Таму апошняе выданне твораў Ермалаева У.Ф. і носіць назву “Смех у мех, а сум у торбу”. А плюшкіны ды манілавы, хіхікалы і трындычыхі, на жаль, не перавяліся і ў наш камп’ютарна-лазерны век. І таму Уладзімір Фаміч Ермалаеў са сваімі творамі знаходзіцца і назаўсёды застанеца ў страю. Ён жыў, каб памяталі, і пакінуў такі след, што светлая памяць пра таленавітага паэта, вучонага, выдатнага чалавека, выкладчыка кафедры “Гісторыя, сусветная і айчынная культура” назаўсёды застанеца ў нашых сэрцах.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» БНТУ

Баландин К.И.,
кандидат исторических наук, профессор

Образованная в 1956 г. в результате разделения кафедры марксизма-ленинизма кафедры «История КПСС» Белорусского политехнического института (с мая 1990 г. – «Политическая история», с сентября 1992 г. – «История, мировая и отечественная культура» – К.Б.) проводила многостороннюю работу по улучшению кадрового состава преподавателей, организации учебного процесса и совершенствованию методики преподавания, развитию научных исследований, воспитанию студенческой молодежи. Кафедрой руководили в эти годы: Соломахо Степан Лукич (1959 – 1971 гг., к.и.н., доцент, заслуженный работник высшей школы БССР), Волохович Леонид Игнатьевич (1971 – 1972 гг., к.и.н., доцент, заслуженный работник высшей школы БССР), Журов Анатолий Ефимович (1972 – 1977 гг., д.и.н., профессор), Хацкевич Александр Фёдорович (1977 – 1992 гг., д.и.н., профессор, заслуженный работник высшей школы БССР), Давыдов Виктор Романович (июнь – ноябрь 1992 г., к.и.н., доцент), Алдакушин Геннадий Андреевич (1992 – 1993 гг., к.и.н., доцент), Баландин Константин Иванович (1993 – 2009 гг., к.и.н., доцент, одновременно с 2000 по 2010 гг. – проректор БНТУ), Хромченко Дмитрий Николаевич (2009 – 2011 гг., к.и.н., доцент), Божанов Владимир Александрович (с 2011 г. по настоящее время, д.и.н., профессор).

В 1970-е – начале 1980-х гг. на кафедре работал многочисленный коллектив – около 45 человек преподавателей и лаборантов. Специфика времени накладывала свой отпечаток на кадровый состав. В эти годы на кафедре работали ветераны Великой Отечественной войны, бывшие партизаны доцент Соломахо С.Л., д.и.н., профессор Журов А.Е., д.и.н., профессор Хацкевич А.Ф., доцент Карташёв Г.Е., к.и.н., доц. Журавский И.А., старшие преподаватели Кукушкин Ф.Р., Николайчик И.И., Зуев Е.М., к.и.н., доцент Мачуленко А.И., к.и.н., доцент Злобин Н.И., к.и.н., доцент Ефимчик А.И., преподаватели Амирова З.Н., Чумаков А.В., лаборант Чудаева В.П. Преподавательской работе на кафедре посвятили себя также д.и.н.,

профессор Саладков И.И. кандидаты наук Алдакушин Г.А., Люблинская И.И., Дробышевская М.С., Гребёнкина А.А., Иванова Д.Б., Пильщиков М.Г., Zenченко А.Ф., Сивограков В.М., Воробей Н.С., Грищенко Л.В., старший преподаватель Носикова Н.В., преподаватель Леонкова В.И. Позднее пришли на кафедру Лойко Т.В., Баландин К.И., Лившиц С.Ю., Арбузов А.Т., Воривончик Л.Д., Шибалко В.В., Ермолаев В.Ф., Ляшко М.П., Станишевская Л.П., Вишневская И.В., Хромченко Д.Н., Давыдов В.Р., Климашенок В.В., Жуков В.П., Зубов И.И., преподаватели Корабельникова Л.Е., Браточкин А.В. и другие. Подготовили и успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук лаборанты Галиновская Т.И. и Мытько В.Г., старший преподаватель Якубинская А.Д.

Заведующими кабинетом кафедры в разное время трудились офицеры в отставке полковники Гонов Н.Н., Сегов А.П., Борщёв А.И., Альшевский П.П., Прашкович Л.К., лаборантами работали Чудаева В.П., Зварич В.З., Пекова Л.М., Белявцева Е.В., Давыдова В.А., Труханович Л.А., Грабун Т., Миронова Н.В., Шатравко Л.Г.

В 1980 – 1990-е гг. после выхода в отставку на кафедру пришли работать полковники Хандогин И.Ф. (к.и.н., доцент), Горбунов Л.П., Снегирь В.И., Антонов И.П., Михалёв Л.А., подполковник Долготович Б.Д. к. и.н., доцент), Бородавко А.Т., Станакин В.И. и другие. Многие из них пришли из Высшего инженерно-зенитного ракетного училища.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. на кафедре была и своя аспирантура, дававшая приток молодых сил. Успешно защитили кандидатские диссертации аспиранты В.К. Коршук, К.И. Баландин, Э.Я. Курпатин. В дальнейшем аспирантура была закрыта и молодые кадры приходили на кафедру в основном из БГУ или Минского пединститута. В частности, в 1990-е гг. и позднее на кафедру пришли выпускники аспирантуры этих и других вузов Богданович Е.Г., Лепеш О.В., Сервачинский И.Ю., Якубинская А.Д., Богданович А.И., Беляев А.В., Кукса А.Н., Давидович А.В., Перзашкевич О.В. и другие. Все они стали кандидатами наук, доцентами. Пополнялась кафедра и опытными работниками из других вузов и организаций. Среди них доценты Киселёв В.К., Щавлинский Н.Б., Белькевич Н.Н. (в настоящее время – первый проректор Института правоведения), Протченко В.З., старший преподаватель Ширшо-

ва Л.В. В 2011 г. кафедру пополнили д.и.н., профессор Божанов В.А., д.и.н. Семёнова Л.Н., к.и.н. Боголейша С.В. В начале 1990-х гг., когда перестраивалась система преподавания гуманитарных дисциплин, с кафедры философских наук на кафедру «История, мировая и отечественная культура» были переведены д.ф.н., профессор Салеев В.А., доцент Карпушевская Л.А., преподаватели Киселёва С.А., Косяк Л.В., Волнистый А.Г.

Преподаватели кафедры регулярно проходили повышение квалификации в Республиканском институте высшей школы, Академии наук, в различных вузах Беларуси и СССР. В 1995 – 1996 и в 1999 гг. дважды проходила стажировку в США к. и. н., доцент Мытько В.Г. Это позволило ей ознакомиться с жизнью белорусской диаспоры в США, изучить зарубежную научную литературу по этой проблеме и использовать полученные знания в подготовке научных статей и преподавании курсов белорусоведения и истории Беларуси. Повышению профессиональной квалификации сотрудников кафедры способствовала и работа научно-методического семинара, действовавшего на кафедре в 1970 – 1990-е гг., на заседаниях которого заслушивались выступления по проблемным вопросам развития исторической науки. На семинарах развёртывалась широкая дискуссия по обсуждаемым вопросам. Высокий уровень идейно-теоретических знаний на семинарах демонстрировали Г.А. Алдакушин, Л.И. Волохович, А.Е. Журов, Д.Б. Иванова, И.И. Люблинская, С.Н. Стёпин, А.С. Халипов, А.Ф. Хацкевич и др. Повышению профессионального мастерства содействовало и проведение открытых лекционных и семинарских занятий, заслушивание докладов на кафедральных научных конференциях, а также оказание помощи студентам в подборе литературы, подготовке рефератов и докладов на студенческие научные конференции.

Проявили свою высокую общественную активность, научную зрелость и в итоге были выдвинуты на должности заместителей деканов разных факультетов Богданович Е.Г., Сервачинский И.Ю., Кукса А.Н. Деканами факультета по работе с иностранными студентами работали члены кафедры Л.И. Волохович, Г.А. Алдакушин. Заместителем секретаря парткома, а затем проректором Белорусского национального технического университета стал К.И. Балдин.

В соответствии с происходившими политическими изменениями в стране курс истории КПСС был упразднён, а вместо него была введена учебная дисциплина «Социально–политическая история XX века», а позднее по примеру других вузов, в том числе и вузов западных стран, было введено множество новых, альтернативных предметов, спецкурсов, что давало студентам возможность выбора изучаемой дисциплины. В их числе «Экономическая история Беларуси», «Белорусоведение» (с 1994 – 1995 учебного года), «История мировой и отечественной культуры», позднее «История Великой Отечественной войны (в контексте Второй мировой войны)», «История Беларуси (в контексте мировой истории, с 1998 г.) и другие. В итоге преподавателям кафедры пришлось много поработать, чтобы на высоком уровне вести лекционные и практические занятия по новым дисциплинам. К тому же количество часов на указанные дисциплины значительно уменьшилось. Под руководством заведующего кафедрой того времени К.И. Баландина в помощь преподавателям были подготовлены и изданы программы и планы семинарских занятий по таким курсам, как «Эстетика», «Культурология», «История Беларуси», «Белорусоведение». Введение новых дисциплин повысило интерес студентов к изучаемым предметам и в то же время привело к расширению числа преподаваемых дисциплин каждым преподавателем. Это было связано и с увеличением учебной нагрузки с 550 часов до 650, а затем до 750 и до 800, что в свою очередь привело к уменьшению штатного состава кафедры. В новых условиях преподаватели кафедры проходили переподготовку, повышали свою квалификацию на различных семинарах, курсах.

Провозглашение Беларуси суверенитета усилило внимание представителей гуманитарных дисциплин к изучению различных исторических проблем республики. Так, преподаватели кафедры стали глубже заниматься проблемами истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси, истории культуры Беларуси, истории белорусской государственности и др. Доцент Долгович Б.Д., например, подготовил и издал такие книги, как «Беларусь в годы Великой Отечественной войны» (1994), «Герои Советского Союза – почётные граждане белорусских городов» (1995), «Твои сыновья, Беларусь!» (2000). В последней работе впервые собран обобщающий материал о военачальниках, генералах и адмиралах – уроженцах Беларуси. Доцент Богданович Е.Г. является соав-

тором монографии «Государственность Беларуси» (1999). Заведующий кафедрой К.И. Баландин в 1993 – 1996 гг. издал 10 учебно-методических пособий по проблемам культуры, в 1998 – 2000 гг. принял участие в работе четырёх международных научных конференций за пределами Беларуси (Польша, Швеция). Широкий интерес у работников вуза вызвала подготовленная коллективом кафедры (руководитель авторского коллектива К.И. Баландин) «История Белорусского национального технического университета», изданная в 2005 г. и переизданная в 2010 г.

Профессор В.А. Божанов издал книги «Беларусь в интеграционных проектах» (2013 г., в соавторстве), «Политика: кто, как, зачем её создаёт» (2014) и др.

По инициативе заведующего кафедрой В.А.Божанова (с 2011 г.) проводившиеся кафедральные научные конференции превратились в республиканские, что подняло их статус. В частности, преподаватели исторических кафедр вузов, ученые института истории Национальной академии наук Беларуси активно, с большим интересом участвовали в республиканских научно-теоретических конференциях: «Консолидация белорусского народа во второй половине XIX – начале XXI вв.» (2012), «Белорусские земли в составе Российского государства (1772 – 1917)» (2013), «Войны XIV – XX вв. в судьбах белорусского народа» (2014), «Высшее образование в Беларуси: истоки и современность» (2015) и др. Кроме того, в 2010 – 2015 гг. вышло 5 сборников научных трудов кафедры.

Сотрудники кафедры исследовали и множество других исторических тем. Так, доцент Н.Б. Щавлинский много лет изучал историю развития белорусской авиации, что позволило ему издать ряд интересных книг. В их числе: «Национальный аэропорт Минск. Исторический очерк» (2004), «История создания и развития гражданской авиации Беларуси (1933 – середина 1980 гг.)» (2011) и др. Он же издал монографию «Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914 – 1918)» (2009).

Профессор кафедры, к.и.н., доцент Баландин К.И. издал учебные пособия “Культурология” (2010, гриф Министерства образования, в соавторстве), «Гісторыя культуры Беларусі” (2014), “Гісторыя Беларусі” (2015, 10 п. л., гриф УМО, соавтор доц. Хромченко Д.Н.); д.и.н. Семёнова Л. Н. опубликовала монографию «Ремесленный

Минск на исходе XIX столетия» (2015), к.и.н. С.В. Боголейша издала монографию «Беларуска-літоўскія ўзаемаадносіны ў 1915 – 1924 гг.» (2014), к.и.н., доцент А.Н. Кукса издал книгу «Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917 – 1922 гг.» (2010). Опубликовали книги по актуальным проблемам белорусской истории доценты А.И. Богданович, О.Н. Лепеш, А.Д. Якубинская и другие.

Огромное внимание в рассматриваемый период сотрудники кафедры уделяли идейно-патриотическому воспитанию студенческой молодёжи. В этих целях широко использовались пропаганда патриотических традиций, подготовка рефератов и докладов, экскурсии студентов в музеи республики и музей БНТУ, встречи с ветеранами войны и труда, научные конференции, конкурсы и др. Преподаватели кафедры организовывали экскурсии студентов в Национальный художественный музей Республики Беларусь, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и др., проводили научные конференции по проблемам войны, культуры и др., совместно с военной кафедрой – ежегодные конкурсы среди студентов 1 – 2 курсов на знание истории Великой Отечественной войны, публиковали материалы в вузовской газете «Вести БНТУ», в районных и областных газетах Беларуси, в зарубежных изданиях. В свое время совместно с комитетом ЛКСМБ БПИ кафедра привлекла многих студентов к проведению патриотической акции «Память», в ходе которой студенты собирали материалы об участниках войны, оказали различную помощь 615 ветеранам, шефствовали в 1976 – 1978 гг. над 216 памятниками героям минувшей войны. Молодые патриоты записали около 200 воспоминаний участников войны, оформили 63 альбома.

Военно-патриотическое воспитание особенно усилилось в канун 60-летия и 65-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, 60-летия и 65-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. К знаменательным военно-историческим юбилеям кафедра издала более 15 книг по проблемам войны и десятки статей. Долготович Б.Д. издал книги «Военачальники земли белорусской», «От парада надежды – к параду Победы», «Адмиралы земли белорусской», «Кавалеры ордена Славы», «Вооружённые силы Республики Беларусь. 90 лет на страже Отечества», «ДОСААФ Республики Беларусь: Люди. События.

Факты» и др. Он же является соавтором учебников по истории войны для высших учебных заведений и школ. В 2010 г. работники кафедры Долготович Б.Д., Хромченко Д.Н. совместно с директором Института истории Национальной академии наук Беларуси Коваленей А.А. издали учебно-методическое пособие с грифом УМО Министерства образования Республики Беларусь «С верой в Победу. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 100 вопросов и ответов», переизданное в 2014 г.

Работники кафедры тесно сотрудничали с вузовской организацией ветеранов войны и труда, которая объединяла в своих рядах бывших фронтовиков, партизан, подпольщиков. Студенты с большим интересом слушали выступления ветеранов войны – работников кафедры Чумакова А.В., Хацкевича А.Ф., Мачуленко А.И., Зуева Е.М., Чудаеву В.П., генерала Верясова Н.М. и др. Такая работа велась как в учебных группах, потоках, так и в общежитиях. Совместно с военной кафедрой (позднее – военно-техническим факультетом), управлением воспитательной работы с молодёжью и комитетом ПО ОО БРСМ преподаватели кафедры истории ежегодно проводят викторины на лучшее знание истории войны, чему предшествовала большая подготовительная работа. Сотрудники кафедры Б.Д. Долготович, И.Ю. Сервачинский, В.К. Киселёв и др. приняли активное участие в работе «круглых столов», радио и телепередачах, посвященных юбилеям Победы.

В последние годы кафедра совместно с культурно-просветительским и историко-образовательным центром ежегодно стала проводить конкурс «Муза в техническом интерьере», участники которого пишут стихи, сочиняют эссе, поют песни и др. Вполне закономерно, что по итогам смотра-конкурса на лучшую гуманитарную кафедру кафедра «История, мировая и отечественная культура» неоднократно занимала призовые и первые места, в том числе первое место в честь 80-летия, 85-летия, 90-летия и 95-летия университета. О высоком авторитете кафедры свидетельствует и тот факт, что в свое время (конец 1980-х гг.) с её работой знакомился секретарь ЦК Компартии Беларуси А.Т. Кузьмин

Важным направлением воспитательной работы кафедры со студентами являлось кураторство. Кураторами работали Стёпин С.Н., Кедрик Т.В., Киселёва С.А., Корнеенкова И.А., Лойко Т.В., Ширшова Л.В. Некоторое время кураторство осуществлялось и над ино-

странными землячествами. На высоком уровне проводили такую работу Н.А. Богушевич (непальское землячество), К.И. Баландин (иорданское землячество) и др. Иностранные студенты с помощью кураторов знакомились с законодательством Беларуси по вопросам обучения зарубежных учащихся, организовывали вечера, встречи с работниками органов внутренних дел, знакомились с белорусскими городами, музеем Брестской крепости, Белорусским государственным музеем Истории Великой Отечественной войны и др. Кроме того, в период каникул во время экскурсионных поездок кураторы иностранных землячеств знакомили зарубежных студентов с развитием экономики, культуры Азербайджана, Армении, Узбекистана, России и других бывших союзных республик СССР. Часть сотрудников кафедры проводили работу со студентами и в ходе летних трудовых семестров. В их числе Баландин К.И., (участник 11 трудовых семестров), Арбузов А.Т., Белькевич Н.Н.

В 1970 – 1980-е гг. в БПИ активно работал факультет общественных профессий (ФОП), который возглавлял доктор педагогических наук, профессор инженерно-педагогического факультета Пальчевский Б.В. Работники кафедры тесно сотрудничали с отделениями данного факультета. К.И. Баландин, например, возглавлял отделение журналистики. Совместно с доцентом Пильщиковым М.Г., а также приглашёнными работниками средств массовой информации проводились занятия со студентами по учебной программе. Практику же слушатели отделения проходили в вузовской газете «Советский инженер» (позднее «Вести БГПА»).

Работники кафедры вели большую идейно-пропагандистскую работу и за пределами вуза. Особенно это проявлялось в рамках республиканского общества «Знание». В пропаганде научных знаний среди населения республики принимали активное участие многие сотрудники кафедры. В трудовых коллективах, в системе политической учёбы многократно выступали с лекциями, беседами на различные актуальные темы Арбузов А.Т., Воробей Н.С, В.Ф. Ермолаев, А.И. Ефимчик, С.Ю. Лившиц, В.К. Киселёв, Пильщиков М.Г., Хандогин И.Ф. (международная тематика), Воривончик Л.Д., Баландин К.И. (заместитель председателя комиссии по пропаганде знаний среди молодёжи при правлении общества «Знание» БССР, молодёжная тематика) и др.

В этот период расцвёл поэтический талант доцента кафедры Владимира Фомича Ермолаева, который писал стихи, пародии, юморески в основном на белорусском языке и печатал их в вузовской «малотиражке», журнале «Вожык», газете «Літаратура і мастацтва». Особенно хорошо получались у молодого поэта пародии. В тот период трудовые коллективы, в том числе и вузовские, шефствовали над некоторыми районами, колхозами, совхозами. В частности, БПИ шефствовал над Воложинским и Мядельским районами. Трудовые будни сотрудников кафедры по заготовке кормов для крупного рогатого скота в колхозе «Верный путь» Воложинского района были удачно отражены В.Ф. Ермолаевым в юмористической поэме «Кафедраўны сенаж». Собранные работы позволили поэту издать несколько сборников своих стихов. В их числе: «Хто не смяецца, той не есць» (1994), «Радком па кумпалу» (1998), «Дулі будуць апасля» (2004), «Смехам закаханыя» (2008) и др. Он был принят в Союз белорусских писателей.

Активно действовала и кафедральная профсоюзная организация, долгие годы которую возглавлял к. и. н., доцент Мачуленко А.И. – душа коллектива. Под руководством профбюро (в настоящее время председатель профбюро старший преподаватель С.А. Киселёва) проходили кафедральные субботники, экскурсионные поездки, спортивно-массовые мероприятия, организовывались поздравления членов коллектива с днём рождения, оказывалась материальная помощь нуждающимся.

История свидетельствует, что кафедра «История, мировая и отечественная культура в 1970-е – 2000-е гг. вела активную и многостороннюю работу по организации учебного процесса, научных исследований, воспитанию студентов. Об эффективности этой работы говорит тот факт, что кафедра неоднократно занимала первые места в смотре-конкурсе на лучшую вузовскую гуманитарную кафедру, первое место на лучший кафедральный стенд в честь 85 – летия университета, издала десятки монографий, учебных пособий, научно-популярных изданий, проводила эффективную идейно-воспитательную работу.

ЖУРОВ А.Е. – «КОМСОМОЛЬСКИЙ» ПРОФЕССОР

Баландин К.И.,
кандидат исторических наук, профессор

Видный историк, доктор исторических наук, профессор Анатолий Ефимович Журов родился 24 февраля 1922 г. в г. Гомеле в семье рабочих. В 1939 г. он окончил среднюю школу в Гомеле и поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета. В 1940 г. был призван в Красную армию, принимал активное участие в Великой Отечественной войне. В начале войны был тяжело ранен.

У него была высокая тяга к знаниям, но военное время наложило свой отпечаток на его дальнейшую судьбу. Вот почему, не закончив учёбу в Ленинграде, Журов А.Е. становится студентом заочного отделения Гомельского педагогического института (1944 – 1947 гг.). В последующем он закончил и Высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). В 1946 г. Журов избирается секретарём Гомельского обкома ЛКСМ Белоруссии. В 1948 г. он переходит на педагогическую работу. Высокий уровень знаний, хорошее понимание истории, научная пытливость позволили ему в дальнейшем стать известным учёным, доктором исторических наук, профессором. В 1952 г. в Ленинградском государственном университете Журов А.Е. успешно защищает кандидатскую диссертацию. В октябре 1967 г. он защитил в Минске докторскую диссертацию, посвящённую созданию и деятельности комсомола Белоруссии в 1918 – 1925 гг. В декабре 1967 г. ему присвоено звание профессора.

В 1948 – 1955 гг. Журов А. Е. работал заведующим кафедрой «Основы марксизма-ленинизма» в Оршанском учительском институте, в 1955 – 1961 гг. – доцентом кафедры «История КПСС» Минского государственного педагогического института, в 1961 – 1966 гг. – заведующим кафедрой «Основы марксизма-ленинизма» в Белорусском государственном театрально-художественном институте, с 1967 г. – в Белорусском государственном университете. В 1972 г. становится заведующим кафедрой «История КПСС» Белорусского политехнического института. Его отличали глубокие знания, разнообразные научные интересы, интересовали вопросы повышения эффективности методики преподавания. Больше всего его

привлекала история комсомола Беларуси, история молодёжи. Вот почему после большой поисковой работы «комсомольский» учёный публикует такие книги, как: «Як быў створаны камсамол Беларусі» (1958), «В боях рождённый. Краткий очерк истории комсомола Белоруссии» (1967), «Ленін – моладзі» (1969), «Под руководством партии. Деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии. 1917 – 1925» (1970), «Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии (в соавторстве, 1975), «Ленин – молодёжи» (1976), сборник статей «Коммунистическое воспитание студентов технических вузов» (1975) и др.

В своих работах учёный раскрыл проблемы социально-экономического развития Беларуси в послеоктябрьский период, роль молодого поколения в построении нового общества, показал высокий энтузиазм юношей и девушек, раскрыл роль большевистской партии в создании 24 сентября 1920 г ЛКСМБ – Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи Белоруссии, отразил работу комсомольцев по ликвидации безграмотности и малограмотности, восстановлению заводов и фабрик, а также многочисленные дискуссии, характерные для того времени, о путях развития комсомола, о поведении юношей и девушек и другие проблемы 20-х гг. XX в. За большой вклад в раскрытие истории комсомола Белоруссии А.Е. Журов был удостоен премии Ленинского комсомола Белоруссии.

Будучи человеком высокой культуры, хорошо знающим художественную литературу, он подготовил учебное пособие «Художественная литература в курсе истории КПСС». Всего им опубликовано более 80 научно-методических работ. Он мечтал исследовать в архивах события 1937-1938 гг. в Беларуси, но не дожил до перестроечных времен (ушёл из жизни 15 июня 1977 г.).

Журов А.Е. уделял большое внимание кадрам высокой квалификации, внимательно вычитывал материалы своих подопечных – молодых учёных. Он подготовил 14 кандидатов исторических наук (Смолик А.И., Баландин К.И., Шульга Л.А. и др.). Как видный, принципиальный и объективный учёный, он являлся членом ряда научных советов по защите диссертаций. Анатолий Ефимович поддерживал тесные связи с Высшей комсомольской школой при ЦК ВЛКСМ, где его хорошо знали, часто оппонировал диссертации.

Несмотря на свою хромоту (след войны), Журов был лёгок на подъём, готов в любую минуту заменить заболевшего преподавателя. Он любил приходить на занятия к молодым педагогам, высказывать свои пожелания, подсказывать методические приёмы и тем самым помогал становлению преподавателя. Будучи членом Республиканского общества «Знание», Анатолий Ефимович часто выступал с лекциями перед студентами и трудящимися республики. Журов А.Е. был награждён орденом Красной Звезды, медалями.

ИСТОРИЯ: ТРУДНЫЕ ДОРОГИ ПОЗНАНИЯ

Божанов В.А.,
доктор исторических наук, профессор

История сложилась как определенный набор явлений и фактов более или менее отдаленного прошлого. У каждого человека на нее может быть свой взгляд, свое отношение. Появляется разнобой, который некоторые воспринимают как отсутствие объективной правды о прошедших временах. Современная историческая наука вполне убедительно свидетельствует, что исследовательская работа о человеческом прошлом способна дать о нем вполне объективную информацию, оставляя при этом поле для дальнейших уточнений, пересмотра прежних позиций и т. д. Для этого используются накопленные знания, все более глубокое понимание истории, новые способы и методики ее изучения. Путь к исторической истине лежит через невероятно сложный и запутанный лабиринт понимания, мнений всех тех, кто берется за реконструкцию прошедших событий.

В определенные исторические периоды накопленный опыт подготовки исторических работ подсказывал необходимость перехода к новому пониманию освещения истории. С эпохой эллинизма, например, связано эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности. И хотя оно в значительной степени было связано с философией, мифом, религией, искусством, моралью и т.д., тем не менее, формировалось специфическое историческое знание, что поз-

воляет называть историческими сочинения таких авторов, как Геродот, Фукидид, Ксенафонт, Полибий, Ливий, Тацит и др. [1, с. 56-57].

В Средневековье история понималась как разворачивание замысла Бога, библейская история от сотворения мира являлась непреложной истиной. С конца XIV в. историческая литература приобрела гуманистическую направленность. Это работы историков Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини и др. Кстати, именно в это время вместо термина «хроника» в обиход входит термин «*historia*». Эпоха Просвещения дала всесторонний подход к человеческой деятельности: просвещение, литература, религия, право, народонаселение.

Одной из наиболее популярных тем в период Просвещения была тема единой человеческой природы, которая трактовалась как изначально заданная человеку на все времена. Это способствовало поиску универсальных законов, вытекающих из этих общих для человеческого рода качеств (Юм, Монтескье, Руссо, Вико, Гердер, Кондорсе, Вольтер, Кант). Между XVIII и XIX вв. возрос интерес к историческим исследованиям и сформировался принцип историзма, что означало рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей. В результате на общество удалось взглянуть как на нечто цельное и взаимосвязанное, что позволяет глубже понять отдельные его элементы [2, с. 152].

Важным путеводителем для историков стала идея Фрэнсиса Бэкона, сконцентрированная в знаменитом выражении «Знание – сила» («*Knowledge itself is power*»), то есть, признании поступательного прогресса общества на основе развития научно-технической мысли. Однако со временем стало ясно, что роль рациональности и разума в истории оказалась сильно преувеличенной. События показали, что прогресс в определенные периоды прерывается регрессом, откатом назад, возвратом к прежним порядкам. Как заметил И. Берлин, «не существует лестницы, по которой можно было бы взойти от античности к современности» [3, с. 15]. Понимание этого позволило наполнить исторические работы многовекторными вариантами общественного развития, потенциальными пучками исторических

возможностей и причинами складывания событий так, как они фактически сложились. Историческое развитие стало восприниматься в соответствии с гегелевской идеей как борьба противоположностей. История уходит от трафаретности, наполняется живыми обстоятельствами и альтернативами.

Коренной перелом наступает в последней трети XIX в., когда формируются современные представления о структуре знания. Во-первых, в этот период концептуализируется понятие общественных наук как эмпирико-теоретического знания о социальной реальности, отличной от других видов знания. Во-вторых, выделяются самостоятельные общественно-научные дисциплины (политология, социология, экономическая наука, этнология, психология и т.д.). И именно тогда происходит размежевание «истории» как общественно-научного знания о прошлой социальной реальности и всех остальных общественных наук (наук о человеке) [4, с. 58].

В конце XX в. в общественных науках произошёл переход к новым методологическим позициям, основанным на синергетике. Сформулированы главные критерии нового стиля мышления: 1) предметом науки является не только закономерное общее, но и случайное; 2) естественный порядок мироздания не инертен, а активен и подвижен; 3) детерминизм в развитии мира не исключает случайностей; 4) развитие многовариантно и альтернативно; 5) развитие происходит через неустойчивость; 6) процесс развития предполагает рост или свертывание разнообразия [цит. по: 5, с. 105].

В конце XX – начале XXI вв. историческая наука стала огромным и гетерогенным полем исследования, характеризующимся удивительной диверсификацией подходов. Сегодня любой аспект человеческого опыта имеет своего историка: от одежды до государства. Естественно, множество неисториков, взявшихся за историческое писание, обходилось минимумом правил из арсенала исторической науки. В результате в исторической науке сложились следующие проблемы: а) проблема когеренции: сегодня в истории нет какого-либо одного всеми разделяемого гранд-норматива, то есть, появилось множество областей исследований, часто имеющих между собой очень мало точек соприкосновения; б) проблема значимости (важности) исторических работ: обычно историки не уверены в том, что какое-либо исследование «важно» или «значительно», у них нет общего критерия выявления точного значения трудов по истории; в)

проблема отношения между историей как академической дисциплиной и другими смежными с ней областями исследования прошлого; г) проблема исторической репрезентации: соотношение между традиционно репрезентированной историей и такими новыми способами репрезентации, как художественные и документальные фильмы, музеи «живой истории», медиа и пр. [1, с. 7].

Пытаясь решить эту проблему, крупнейший немецкий теоретик истории Й. Розен выдвинул план «восстановления последовательности истории посредством соединения модернизма с постмодернизмом». Поэтому, утверждает он, «мы должны признать на деле, что существует лишь множество историй, а не единственная история как фактическое бытие. Но, тем не менее, – и это мое модернистское продолжение аргументации – нам нужна идея единства исторического опыта» [цит. по: 6, с. 12]. Замечу, что эта мысль восходит к классике истории, в данном случае к Лаппо-Данилевскому А.С., который в свое время призывал историков интересоваться «целостной «действительностью» или целокупностью фактов, связанных между собою, а не разрозненными или оторванными друг от друга обломками действительности» [7, с. 331]. Обосновывая свою позицию, Лаппо-Данилевский указывал на то, что ряд индивидуальных изменений мы конструируем в «процессе постепенного возрастающего единства человеческого сознания в коллективном субъекте – человечестве, благодаря которому оно и приобретает все большее историческое значение», воздействие индивидуальности на целое дает нам исторический факт. Мы можем заключить, что процесс дробления истории на множество «историй» как процесс специализации всякой науки неизбежен. Главное же, видимо, состоит в том, чтобы не было потеряно общее пространство исторического знания со своими правилами, нормами, понятиями как единое осмысление прошлого, как история отечества и история человечества. При этом знание истории должно помочь понять, как разворачивалась нить жизни, «как выработывалась и складывалась современная действительность» [8, с. 216]. Существование мира не как множества, а как неделимой целостности является наиболее реальным и достоверным объективным фактом.

Существенное значение имело понимание историками, насколько близко к реальности могут быть воспроизведены прошедшие события. Часто этому мешает современное понимание тех событий.

Ведь в отличие от естественных наук историк никоим образом не может повторить то, что произошло. Любое действие происходит однажды и невоспроизводимо как предмет наблюдений. Поэтому в последнее время и утверждается понимание прошлого как «другого», которое можно понять лишь через дискурс, категории, субъективные ощущения некоторых участников, то есть, через социальную и культурную антропологию. Необходимо приблизить историческую интерпретацию к ее прошлому оригиналу, чтобы она давала ответ на вопрос, «как этот мир должен был бы выглядеть для других людей и обществ» [3, с. 112–113].

Все чаще историю трактуют как науку, к которой добавлено искусство. Лаппо-Данилевский по этому поводу отмечал: «Человек, не обладающий достаточной силой творческого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком». Для этого, по мнению Лаппо-Данилевского, историк должен уметь преодолевать современные взгляды, привычные состояния, чтобы «воспроизводить в себе» чужое сознание, глубоко погружаться в чужие интересы, быть восприимчивым к разнообразнейшим проявлениям человеческой жизни и сопереживать их, уметь связать изучаемые события в более или менее смелую гипотезу. Однако при этом Лаппо-Данилевский предостерегал историков от соблазна «полного воспроизведения индивидуального во всей его совокупности» и советовал пользоваться «некоторым отвлечением для упрощения действительности» [7, с. 233].

Наличие у историка собственного индивидуального творчества Лаппо-Данилевский ставил выше владения исторической методологией. На особые качества историка обращали внимание античные историки. Они были уверены, что историк должен путешествовать либо лично быть участником событий, в крайнем случае, хотя бы посетить места событий и беседовать с очевидцами. Именно в этом случае возникает историческое повествование, наполненное колоритом, духом эпохи, атмосферой свершаемых событий, оригинальными подробностями и наблюдениями. Этими качествами отличаются труды Карлейля, Тарле, Сказкина, Ключевского, Соловьева, исторические романы Г. Сенкевича, Л.Н. Толстого, Яна. Известно, какую огромную работу по поиску документов и сбору различных

сведений о пугачевском восстании провел для написания повести «Капитанская дочь» А.С.Пушкин.*

В то же время практическая реализация того или иного варианта возможных альтернатив нередко вызывает ощущение своей предопределенности, заданности. Ученые приходят к выводу о сходстве законов развития био и космосферы, о единстве мира внутри нас и мира вокруг нас. По крайней мере, например, существуют доказательства, что поведение и физиология людей, животных, бактерий зависят от положения тела по отношению к магнитным полюсам Земли. Наше тело, мозг и, в конечном счете, сознание становятся «частями квантомеханического описания физической Вселенной» [16, с. 92, 179]. Эта связь еще находится в стадии разработки. Решения, отбор, преимущество – все это возникает в результате и разумных усилий человека, и процессов в глобальном пространстве. Отсюда следует, что историку надо вникать в законы природы, космоса, бытия, материи. Может быть, сейчас такой подход еще не столь актуален, но за этим горизонты нового исторического мышления, которое так или иначе надо постепенно осваивать.

В центре внимания историка находится факт как строительный материал прошлого. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что интерес историка должен сосредотачиваться не на смене фактов, а на изменениях, происходящих в самих фактах, что предопределено волевым воздействием индивидуальности на среду [9, с. 296, 323].

Историку, не желающему заниматься простым сканированием исторического прошлого, важно понять его через мысли, переживания, восприятия, термины, язык тех, кто в то время жил, например, Бонапарта, Александра Македонского, Евфросиньи Полоцкой, Франциска Скарины, Петра Мироновича Машерова. Любая интерпретация останется формальной, «замороженной», если она не отражает мысли, язык, ощущения людей той эпохи, которые хоть и не похожи на нас, но не настолько, чтобы мы не могли их понять.

Для гуманитарных наук рефлексия имеет значительно более широкий диапазон утверждений, чем в естественных науках, через ко-

* Без Пушкина нельзя представить себе эпохи 20-30-х годов, как нельзя без его произведений написать истории первой половины нашего века... за ним останется страница в нашей истории - Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. Т. IX . М., 1979. С. 78.

торый удается создать не закон, а лишь воспроизвести определенную логику возможного хода событий, отнюдь не обязательных в новом контексте. Отсюда многовариантность и спорность трактовок истории. Причем спорность касается как достоверности тех или иных событий и дат, так и оценочных заключений по ним. Историк, «входя» в историческое прошлое и обращаясь к прошлым деяниям людей, делает определенные выводы о значимости происшедшего, его влиянии на последующее развитие. Именно на этом оселке выявляются противоречия в суждениях, взглядах, определении значимости и т.д. И все же, если бы все дело было в разночтениях, то история просто исчезла бы с научного поля и вернулась бы к ее мифическим, сказочно-фантастическим повествованиям боянов. Со всем уважением относясь к истории Геродота, в то же время следует признать, сколь много она содержит выдумок (о вмешательстве божественных сил в ход исторических событий, об Арионе, вынесенном на берег дельфином, об одноглазых людях и пр.) [см.: 10]. Еще известный арабский историк, философ, социолог Ибн Холдун (1332–1406) призывал раскрывать сущность истории, освобождаясь от влияния мифов, легенд и фантазий, ибо, по его мнению, история человеческого общества – это не история героев, пророков и царей [см.: 11, с. 15].

Историки все же приходят к согласию о критериях исторического исследования, признания определенных исторических фактов и событий, их дат, периодизации истории, ее персоналий, формирования и использования специфической терминологии и т. д. Это позволяет существовать единому научному полю истории, профессионализации ее исследований, определенному взаимопониманию историков. «Науки плод сладчайший и прелестный» (Лука Пачолли) историкам столь же доступен, как и представителям других наук.

Под исторической наукой традиционно понимают изучение прошлых событий, деятельности людей, тенденций и традиций в различных сферах общественного бытия, имевших историческое значение [12, с. 26]. Не все лежит на поверхности, не все очевидно. Поэтому история становится все более ясной и достоверной по мере расширения изучаемой источниковой базы. И здесь вопреки высказыванию Козьмы Пруткова «необъятное не обнимешь» историку необходимо засучить рукава и «перелопатить» предельно все, на что он способен по состоянию своего здоровья и силы воли. Овла-

дение всеми источниками – тот идеал, к которому следует стремиться при всей невозможности его полного достижения [13, с. 64].

Объемность источников позволяет их сопоставлять, взаимно дополнять, выявлять наиболее достоверные из них. Это дает первоначальную канву для истолкования прошлого. Однако, чтобы справиться с огромным набором фактов и явлений, надо создавать гипотезы, которые определяют критерии их отбора в заданном направлении. Научный метод подтверждения или опровержения гипотезы двигает познание вперед. При этом надо смириться с тем, что придется перебрать много гипотез: от первой пришедшей на ум до того количества последующих, каждая из которых будет лишь приближать к истине и никогда не превратится в истину.

Дело в том, что научное объяснение принадлежит субъекту познания – человеку. Последний не только констатирует наличие источников, но и пропускает их через свой интеллект, характер, стереотипы, склонности, возраст и т.д. В результате у историка возникает интуитивное ощущение хода исторических событий, индивидуальная экранизация их в своем сознании. Это неизбежно и прекрасно. В дискуссионной атмосфере часто звучат настойчивые пожелания от аудитории к выступающим высказать в отношении рассматриваемой проблемы их «сугубо личное» мнение. Масса усваивает стереотипы и лишь индивид способен их преодолевать.

Английский историк Д. Тош сформулировал три фундаментальных принципа исторического сознания. Первый, который он называет наиболее фундаментальным из них, – это различие, то есть, «признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть» [там же, с. 10]. Историк-ученый должен понимать, что его время и время предыдущих поколений разнятся ценностями, приоритетами, страхами и надеждами. Трудно современному историку себе представить, почему представители ВКЛ на Люблинском сейме пошли на подписание унии с Королевством Польши о создании единого государства – Речи Посполитой. Ведь с позиции сегодняшнего дня очевидно, сколь невыгоден он был для ВКЛ. Однако в отличие от нас, знающих последующий процесс, очевидность для наших предков крылась, видимо, в ощущении безисходности перед внешними угрозами. Как говорил один из делегатов сейма, «мы на своих плечах принесли грозящую нам опасность». Это ощущение для нас

труднодоступно, ибо в исследовательской работе мы оперируем рациональными, разумными доводами.

Вторым компонентом исторического сознания для Тоша является контекст. Любое событие появлялось, жило, развивалось и исчезало как результат многочисленных и разновекторных факторов. Стоит только изолировать предмет исследования от окружающей обстановки и он становится однозначным, то есть, не таким, каким был на самом деле. Надо попытаться поставить себя в контекст развивавшихся событий, а не свершившихся. Третий фундаментальный аспект исторического сознания, по Тошу, – «это понимание истории как процесса, связи между событиями во времени» [там же, с. 12]. Факты и события появляются не вдруг, не из неоткуда. Им предшествуют предпосылки, варианты, которые происходят во времени, хотя и не обязательно последовательно. То, что, в конечном счете, свершилось, есть результат устремлений разноречивых претендентов на событийность. Во время перестройки в СССР пробудился бурный поток разноречивых желаний, мнений, энергий, лидеров, позиций. В конечном итоге победило стремление кардинально изменить страну.

Соблюдение указанных принципов в историческом исследовании по существу и отличает профессионального историка от любителя. Только разобрав клубок событий, установив их взаимодействию в обстоятельствах и времени, можно более-менее правдиво осветить исторический процесс. К сожалению, нередко случаи присвоения каким-то фактам статуса «важного», «исторически неизбежного» и тогда можно не утруждать себя научным поиском доказательств, серьезных доводов. Например, нередко встречается клише: «Киевская Русь создалась по причине разрушительных набегов со стороны степных племен», «Киевская Русь распалась из-за разрушительных набегов степных племен». Вряд ли такое клише позволяет понять действительную историю Киевской Руси. «История, – подчеркивает Д. Тош, – это перечень альтернатив, и он становится только богаче, если исследователь не оглядывается постоянно на текущие события» [там же, с. 26]. Нужно рассматривать не только сами факты, а трансформацию свершившихся фактов в сфере уже новых отношений.

Тош неоднократно в своей работе оговаривается, что при всей значимости истории не надо абсолютизировать прошлый опыт, представлять историю как «учебник жизни» или, как заметил Ключ-

чевский, «изящное назидание». Каждое событие уникально и не может повториться в изменившихся условиях, так же, как нельзя использовать в зрелом возрасте опыт своей давней юности. Ссылки на прецеденты из далекого прошлого Тош называет «бесплодным занятием».

Исторические прецеденты позволяют нам понять, что при каких-то условиях может произойти то-то. Однако автоматически этого не будет. Не надо общественные науки сравнивать с математикой или физикой, где при любых условиях тождество состоится неизбежно при определенных X , Y , Z или угол падения так же неизбежно будет равен углу отражения как в V в. до н.э., так и в XXI в. н.э., как в Китае, так и в Бразилии, как в Арктике, так и в Сахаре. История учит, что все в жизни происходит из наших и многих других желаний и устремлений, и чем больше мы изучим в современной обстановке этих желаний и устремлений, тем более будет ясен нам «момент истины», которая проявляется в том числе и через историческую перспективу. История учит горизонтальному мышлению, наделяет специалиста способностью мыслить шире, не замыкаться в конкретной технической среде, не смотреть на мир «взглядом из туннеля».

Время всегда задает ритмы научного мышления. С середины XIX до середины XX вв. господствовала модернистская парадигма однолинейного восходящего развития научного знания и общества. Постмодернисты заявили о своей новизне путем освобождения от абсолютизации рационального исследования. На место упорядоченности и целевой предопределенности они поставили проблему уникальности явлений и фактов. «Истолкование смысла, – утверждает Тош, – занимает центральное место в работе историка. Без него источники «не заговорят» и мы никогда не приблизимся к пониманию прошлого» [там же, с. 191]. Оно состоит в уяснении того, как люди воспринимали окружающий их мир, как они представляют его развитие и себя в нем. И здесь, конечно, для историков ценным представляется коллективное восприятие. А это уже восходит к понятию культуры как системы восприятий, характеризующей общество и сплачивающей его членов.

При рассмотрении системы общества можно использовать две модели: функциональную и трансформационную. Первая работает на сохранение общества, вторая – на его развитие. Первая подчиня-

ет деятельность людей неким общим стандартам. В этом случае реализуется экстенсивная социальность.

Вторая модель сводит общество к набору функций, задаваемых социальной системой. Общество предстает как результат взаимодействия человеческих индивидов. Оно возникает и воспроизводится в совместной и индивидуальной жизни людей на основе связывания их различных качеств, сил и способностей.

Современное общество находится в транзитном состоянии, в движении от первой модели ко второй и речь должна идти о радикальных сдвигах в понимании и использовании методологического инструментария [14, с. 6]. Строительными элементами новой онтологии видятся процессуальность, временность, континуальность-дискретность, событийность. И теперь онтология не рисует картину, она фиксирует, ориентирует и предупреждает, она теперь не столько карта, сколько компас. Онтология обращается к существу бытия: оно находится в становлении, оно имеет свое возникновение и уничтожение. С точки зрения методологической не то существенно, что люди или вещи рассматриваются в процессах, а то, как способ бытия вещей воплощает процессы, как способ бытия людей реализует и модифицирует социальный процесс, как характеристики вещей и людей выражают ход процессов и определяют их логику [там же, с. 8]. Индивид рассматривается как узел социальных связей, демонстрирующий собой многомерность социального процесса. Возникающая прерывность деятельности людей обеспечивает возможность новой «сборки» в иных формах совместного или индивидуального развития [там же, с. 9]. Совместно-разделенная деятельность позволяет образовывать все новые конфигурации социальности.

Картина современности, которую мы получаем таким образом, существенно отличается, скажем, от картины индустриальной эпохи с ее механизированными системами, социальными механизмами, рычагами управления и индивидами. Исходя из вышеуказанного, современность предстает как совокупность тенденций, порождающих определенный тип проблем. Современность раскрывается как работа со временем, с динамикой социальности, с культурным разнообразием. Иными словами, современность – не просто состояние. Это состояние в особом смысле, состояние разных социальных и природных компонентов, разных потоков социального бытия в

сложной динамической системе, требующей для своего воспроизводства постоянной подпитки качественной человеческой деятельностью [там же, с. 11–12].

Подводя итог некоторым мыслям о методологии истории, можно сказать, что современные историки сильно связаны в своем постижении исторической истины с необходимостью владеть достаточным уровнем профессионализма, пользоваться инструментарием научного исследования. Время постмодерна требует рассматривать прошлое во всем его многообразии, в огромном калейдоскопе фактов, событий, противоречий, альтернатив, закономерностей и случайностей – всего, что присуще живой действительности. И, несомненно, историк должен приложить к этому свою энергию, интерес, сопереживание, огромное желание постичь историческую истину, которая открывает глаза на день насущный, на день грядущий.

Использованная литература

1. Кукарцева, М.А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире. / М.А. Кукарцева // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. – М., 2011.
2. Гранин, Л.Е. От Конфуция до Конта. Становление теории, методологии и философии истории: учеб. пособие. / Л.Е. Гранин. – М., 2012.
3. Берлин, И. Философия свободы. Европа. / И. Берлин. – 2-е изд. – М., 2014.
4. Савельева, И.М., Полетаев А.В. История в системе социального знания / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. – М., 2011.
5. Миницкий, Н.И. Методы конструирования научного и образовательного исторического знания. / Н.И. Миницкий. – Минск, 2006.
6. Ионов, И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. / И.Н. Ионов. – М., 2007.
7. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания. Пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петербургского университета в 19.09/10 учебном году / А.С. Лаппо-Данилевский. – Санкт-Петербург, 2016.
8. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М., 1989. – 7 т.

9. Методология історіі. Вып. II. Пособіе къ лекціямъ, читанымъ студентамъ Санкт-Петербургскаго университета въ 19 10/11 году / Лаппо-Данилевскій А.С. – Санкт-Петербургъ, 1913.

10. Геродот. Історія: в 9 кн. / Геродот // Режим доступа www.vehi/istoriya/grecia/gerodot/01.html.

11. Нимх Гатас. Методология історіі в інтерпретаціі Ібн Хальдуна: автореф. дисс ...канд. іст. наук. / Гатас Нимх. – Львов, 1991.

12. Хвостова, К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука. / К.В. Хвостова // Вопросы философии. – 2014. – № 10.

13. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Пер. с англ. / Д. Тош. – М., 2000.

14. Кемеров, В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии. / В.Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2014. – № 2.

15. Гусев, С.С. «Культура невозможного»: смена познавательных ориентаций. / С.С. Гусев // Философские науки. – 2014. – № 6.

16. Фурса, Е.Я. Мироздание – мир волн, резонансов и...ничего более. / Е.Я. Фурса. – Минск, 2007.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДОСТОЙНЫХ ТРАДИЦИЙ КАФЕДРЫ

Щавлинский Н.Б.,
кандидат исторических наук, доцент

В сентябре 2016 г. кафедре «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета исполняется 60 лет.

Сегодня кафедру возглавляет за всю ее историю девятый заведующий – Божанов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, отметивший недавно свой 70-летний юбилей. Родился Владимир Александрович 27 февраля 1946 г. в г. Таганроге Ростовской области (Россия). Затем вместе с родителями переехал в г. Минск. В 1963 г. закончил 41-ю среднюю школу г. Минска, работал некоторое время рабочим на Минском заводе отопительного оборудования, заводе 407 Гражданской авиации, поступил на физи-

ческий факультет Белорусского государственного университета. Однако В.А. Божанов очень скоро понял, что выбрал неправильный профессиональный путь и после второго курса забрал документы. Затем три года службы в ракетных войсках Советских Вооруженных Сил, после демобилизации в 1969 г. поступил на историко-филологический факультет Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (в настоящее время Российский университет дружбы народов). Университетская жизнь была многогранной и динамичной. Владимир Божанов наряду с отличной учебной работой вел активную общественно-политическую работу, выезжал в составе студенческих отрядов в Казахстан, на Байкало-Амурскую магистраль, где проявил себя как способный организатор молодежи.

После окончания с отличием университета он в 1974 г. поступил в заочную аспирантуру этого же университета по кафедре истории СССР и одновременно работал секретарем комитета комсомола Минского железнодорожного узла (с правами райкома комсомола), затем заместителем секретаря парткома Минского городского управления грузового автотранспорта. В 1978 г. Владимир Александрович защитил кандидатскую диссертацию «Роль рабочего класса в формировании первого советского правительства», в результате чего ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

После этого В.А. Божанов работал заведующим отделом райкома партии г. Минска, старшим преподавателем Минской высшей партийной школы. Некоторое время он возглавлял лекторскую группу Минского обкома партии, затем вернулся к преподавательской деятельности в Минскую партийную школу, которую вскоре присоединили к Белорусскому государственному университету.

В 1992 г. Владимир Александрович поступил в докторантуру БГУ, а после ее завершения в 1996 г. работал в частном учебном заведении образования «Институт парламентаризма и предпринимательства» деканом социально-экономического факультета и одновременно заведующим кафедрой гуманитарных дисциплин. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Правящая партия в условиях однопартийной советской системы в СССР (1920-е гг.)», после чего ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

В том же году В. Божанов был приглашен на работу в Академию управления при Президенте Республики Беларусь на должность заведующего кафедрой политологии. В 2003 г. ему было присвоено ученое звание профессора, после чего он перешел на работу в Республиканский институт высшей школы при БГУ на должность профессора.

С 2011 г. Владимир Александрович руководит кафедрой «История, мировая и отечественная культура» в Белорусском национальном техническом университете. Помимо преподавательской деятельности, он ведет большую научно-организационную работу, является заместителем председателя Редакционного Совета журнала «Евразийский Союз» (г. Москва) и членом Редакционного Совета журнала «Вопросы политологии» (г. Москва). Под его руководством и рецензированием ежегодно издаются сборники материалов научных конференций, проходящих на базе кафедры. По его инициативе на кафедре стал регулярно обобщаться и помещаться на стенде опыт лучших преподавателей и учебных групп, внедрена рейтинговая система преподавания и контроля знаний студентов, которая позволяет стимулировать учебу студентов, существенно улучшать качество изучения ими учебных дисциплин.

За годы научной деятельности Владимир Александрович опубликовал более 150-ти работ, в том числе свыше 10-ти книг и монографий, в числе которых «Восхождение к абсолютной власти: советское государство в 1920-е гг.», «Парламентаризм в Беларуси» (в соавторстве) и др. За личный вклад в подготовку и воспитание научных кадров, развитие системы образования, научных исследований он награжден дипломами и грамотами, а в 2014 г. – нагрудным знаком Союза писателей Беларуси «За вялікі ўклад у літаратуру».

У Владимира Александровича двое сыновей, шестеро внуков. На всех хватает времени и здоровья, впереди много планов, забот и свершений.

ВЫТОКІ БЕЛАРУСКАЙ ХРЫСЦІАНСКАЙ ДЭМАКРАТЫ

Багдановіч А.Г.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Адной з першых легальных палітычных арганізацый у Беларусі ў пачатку XX ст. была Канстытуцыйна-каталіцкая партыя Літвы і Беларусі, створаная ў канцы 1905-пачатку 1906 гг. віленскім каталіцкім епіскапам Э. Ропам. Менавіта яна паклала пачатак арганізацыйнаму афармленню беларускага хрысціянска-дэмакратычнага руху. Ідэалогія Канстытуцыйна-каталіцкай партыі Літвы і Беларусі спалучала лібералізм кадэцкага накірунку ў адносінах да палітычнага жыцця, кансерватызм у падыходах да сацыяльна-эканамічных праблем Беларусі і Літвы і ідэалы хрысціянскай дэмакратыі.

Так, праграмныя палажэнні ККП ЛіБ прадугледжвалі рэфармаванне дзяржаўнага ладу Расіі – пераўтварэнне яе ў прававую дзяржаву з вяршэнствам закона ва ўсіх сферах жыцця грамадства. Пры гэтым у праграме ККП ЛіБ неаднаразова падкрэслівалася, што Расійская дзяржава павінна як мага шырэй развіваць мясцовае самакіраванне, у тым ліку і краёвую аўтаномію Беларусі і Літвы [1].

Беларускі хрысціянска-дэмакратычны рух пачатку XX ст. знайшоў свой лагічны працяг у заснаванні так званай Хрысціянска-дэмакратычнай злучнасці беларусаў – клерыкальнай нацыянальнай партыі, што ўзнікла ў маі 1917 г. у Петраградзе. Заснавальнікамі і галоўнымі ідэолагамі партыі былі беларускія ксяндзы Абрантовіч Ф., Хвецка Л., Станкевіч А., Гадлеўскі В., Будзька Ф., Зязюля А. (Астрамовіч А.С.), Сваяк К. (Стаповіч К.) і інш. Друкаваны орган – газета “Беларуская крыніца”.

24-25 мая 1917 г. Злучнасць правяла ў Мінску з’езд беларускага каталіцкага духавенства. У прынятай на з’ездзе рэзалюцыі вылучаліся патрабаванні шырокай аўтаноміі Беларусі ў Расійскай Федэратыўнай Дэмакратычнай рэспубліцы, навучання ў школах на беларускай мове, паступовага пераходу на беларускую мову ў богаслужэнні [7, с. 87]. На гэтым з’ездзе пастанавілі выдаваць у Пецярбурзе беларускія кнігі для школ і беларускую газету

“Бацькаўшчына”. Пазней аднак назва была зменена і замест “Бацькаўшчыны” стала выходзіць “Беларуская крыніца”.

Беларускія хрысціянскія дэмакраты (хадэкі) не прымалі актыўнага ўдзелу ў Першым Усебеларускім з’ездзе (снежань 1917 г., Мінск). У выканаўчы камітэт Савета з’езду ніхто з сяброў БХДЗ не ўвайшоў. Не былі прадстаўлены хадэкі і ў першым беларускім нацыянальным урадзе – Народным сакратарыяце.

Сябры ХДЗБ увайшлі ў склад Мінскага Беларускага прадстаўніцтва – палітычнага аб’яднання, створанага 25 лютага 1918 г. з прадстаўнікоў Беларускай народнай партыі сацыялістаў, Партыі сацыялістаў-аўтанамістаў, Беларускай хрысціянскай дэмакратыі, Беларускага праваслаўнага аб’яднання, Беларускага саюза зямельных уласнікаў і інш. У праграмным дакуменце аб’яднанне заявіла, што “прадстаўляе інтарэсы беларускага народа і з’яўляецца палітычным цэнтрам”, які абараняе незалежнасць Беларусі, культуру і самабытнасць беларускага народа [8, с. 115].

Увогуле, на першым этапе сваёй дзейнасці (1917–1918 гг.) сябрамі Злучнасці былі амаль выключна католікі. Што ж датычыцца палітычных поглядаў ХДЗБ, то яна, як і пераважная большасць тагачасных беларускіх нацыянальных партый, аб незалежнасці яшчэ не гаварыла, а толькі аб аўтаномнай Беларусі ў межах Расійскай Дэмакратычнай Федэратыўнай рэспублікі. Пры гэтым першасная ўвага надавалася культурна-асветніцкай працы сярод каталіцкага насельніцтва Беларусі. Актыўная палітычная дзейнасць не была вызначальнай для беларускай хрысціянскай дэмакратыі ў гэты пераломны час.

24 жніўня 1919 г. выйшаў першы нумар “Беларускай крыніцы” у Вільні. З гэтага часу менавіта Вільня становіцца цэнтрам дзейнасці беларускіх хадэкаў. 14–16 лютага 1918 г. у Петраградзе прайшоў З’езд беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў. У верасні гэтага ж года ў Мінску адбыўся сход беларускіх хадэкаў. Менавіта на гэтых двух форумах і былі абмеркаваны і прыняты асноўныя палажэнні Статута і Праграмы ХДЗБ. Асобнай брашурай Статут і Праграма партыі былі выдадзены ў 1920 г. у Мінску [3]. Статут, перш за ўсё, вызначыў назву партыі – “Хрысціянская дэмакратычная злучнасць беларусаў”, па-другое, абвясціў асноўную мэту ХДЗБ – “зарганізаванне ўсіх тых, хто хоча жыць, апіраючыся на сацыяльную справядлівасць і хрысціянскую міласць, паводле асноў

хрысціянскага светапогляду” [3, с. 1]. У адпаведнасці са Статутам вышэйшым органам партыі з’яўляўся Галоўны ўрад ў складзе 10 сяброў Злучнасці і 1 патрона – каталіцкага ксяндза. Сябрам Злучнасці мог стаць “кожны хрысціянін, каторы прызнае ўставу Злучнасці і стараецца гэтую ўставу ўвесці ў жыццё” [3, с. 3]. 20 і больш сяброў Злучнасці маглі заснаваць гурток. У прэамбуле Праграмы ішла гутарка пра ідэалагічныя і арганізацыйныя вытокі ХДЗБ, падкрэслівалася яе сувязь з агульнаеўрапейскім хрысціянска-дэмакратычным рухам, з хрысціянска-дэмакратычнымі арганізацыямі ў Польшчы і Расіі.

У першым пункце Праграмы ХДЗБ ахарактарызавала сябе як арганізацыю грамадскую, “эвалюцыйную, надпалітычную, міжнародную”, што хоча завесці на свеце “лад на аснове хрысціянскай і дэмакратычнай справядлівасці, роўнасці, міласці і свабоды” [3, с. 9]. У гэтым жа раздзеле вызначалася палітычнае крэда хрысціянскіх дэмакратаў — змаганне з капіталізмам, як адной з найважнейшых прычын беднасці і галечы працоўных мас і ўсталяванне такога ладу, “каб кожнаму чалавеку магчыма было сваёю працаю здабыць сабе неабходнае і карыстаць з усяго культурнага багацця”. Падкрэслівалася, што хрысціянскія дэмакраты супраць усякіх прывілеяў класавых [3, с. 9].

Што тычыцца нацыянальнай праграмы беларускіх хадэкаў, то яна ўключала ў сябе “прызнанне права існавання, развіцця і кіравання сабой хоць бы найменшага народу кожнага.... У адносінах да малых народаў, як Літва, Латвія, Беларусь, Украіна, трэба стаяць на грунце поўнага іх самаазначэння” [3, с. 9–10]. ХДЗБ, як партыя клерыкальная, прызнала рэлігію як “найважнейшую падставу існавання людскога, без каторай няпоўным і неспакойным было б жыццё як аднаго чалавека, так і ўсіх народаў”. Пры гэтым для Беларусі вылучалася асобнае патрабаванне: “зблізіць усіх католікаў і праваслаўных і аб’яднаць іх ў адной веры з рознымі абрадамі” [3, с. 10–11].

Значнае месца ў Праграме адводзілася пытанням развіцця сям’і і школы. Мэтай абвяшчалася “ўмацаванне сям’і хрысціянскай”. Пры гэтым для хадэкаў прадстаўлялася бяспрэчнай цесная сувязь паміж сям’ёй і школай. Адсюль ставілася задача: “ўвясці навучанне пачатковае ў роднай мове; увясці навуку рэлігіі каталіцкай ва ўсе школы ўрадавыя і прыватныя ў роднай мове моладзі...” [3, с. 11].

Эканамічная праграма Злучнасці не выходзіла за рамкі еўрапейскага лібералізму. ХДЗБ прызнала прыватную ўласнасць “падставай цывілізацыйнага поступу грамадзянства.” Таму хрысціянскія дэмакраты былі прыныцова супраць адмены прыватнай уласнасці. У той жа час яны не адмаўлялі магчымасці паступовага развіцця калектыўных форм уласнасці [3, с. 12]. У справе зямельнай патрабаванні Злучнасці зводзіліся да наступнага:

“1. Каб была падзелена казённая зямля паміж беззямельнымі і малазямельнымі з мэтай стварэння малой уласнасці;

2. Агранічыць вялікую ўласнасць прыватную, аблажыўшы яе вялікімі падаткамі;

3. Падняць культуру зямельную дапамогамі ўраду...” [3, с. 13].

Што датычыцца сродкаў вырашэння эканамічных пытанняў на Беларусі, то адзіным магчымым прызнаваўся шлях паслядоўных рэформ. Пэўнае месца ў праграме занялі пытанні працоўнага кананадаўства, паколькі для хадэкаў праца была “найважнейшай падставай жыцця людскога і поступу яго, як матэрыяльнага, так і духоўнага” [3, с. 13].

У галіне абароны праў працоўнага народа галоўныя праграмныя патрабаванні ХДЗБ зводзіліся да наступных мер: заснаванне міністэрства працы, устанавленне мінімуму зарплаты, роўнасць у аплаце працы для мужчын і жанчын, адпачынак па нядзелях і святочных днях, забарону працы дзяцей да 14 год, абавязковыя выплаты дапамогі хворым работнікам, а таксама цяжарным жанчынам, дапамога беспрацоўным, інвалідам і пажылым людзям [3, с. 14].

У галіне нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва беларускія дэмакраты дамагаліся роўнасці ўсіх народаў, свабоднага развіцця нацыянальных моў, роўнасці ўсіх грамадзян перад законам, усеагульнага выбарчага права, развіцця мясцовага самакіравання.

“Кожны народ мае права свабодна развіваць форму жыцця свайго народнага і патрыятычнага. Х.Д. мае перакананне, што не народ для гаспадарства, але гаспадарства патрэбна для пажытку і бяспечнага жыцця народу”. Што датычыцца Беларусі, то “ХДЗБ жадае, каб яна была цэлай, непадзельнай і вольнай. Каб на Беларусі была роўнасць і свабода грамадзянская і запэўненыя правы народных меншасцяў. Каб сойм вольнай Беларусі, каторы будзе выдаваць правы, быў выбраны на аснове справядлівага, паўсюднага

галасавання і каб толькі ён меў права сказаць слова аб урадзе і яго форме на Беларусі і аб адносінах да другіх гаспадарств ...” [3, с. 15].

Як бачым, у сваёй першай праграме беларускія хрысціянскія дэмакраты пакуль яшчэ не вылучаюць патрабаванне незалежнасці Беларусі і не ўдакладняюць форму нацыянальна-дзяржаўнага ўладкавання края.

1 ліпеня 1921 г. у Вільні быў зацверджаны Статут Таварыства Беларускай школы (ТБШ) – масавай культурна-асветніцкай арганізацыі Заходняй Беларусі, галоўнай мэтай якой было “распаўсюджваць і дапамагаць асвеце сярод беларусаў, пашыраць беларускія школы і беларускую асвету наогул” [5, с. 489]. У першыя гады сваёй дзейнасці (1921–1926 гг.) ТБШ існавала толькі на Віленшчыне. Менавіта ў гэты час значны ўплыў на яе стратэгію і тактыку аказвалі беларускія хрысціянскія дэмакраты. У 1924–1926 гг. ТБШ узначальваў лідэр БХДЗ Станкевіч А. Пад уплывам сяброў ХДЗБ Таварыства пазбягала палітычных метадаў і сродкаў змагання, было прыхільным амаль выключна асветніцтву.

Прадстаўнікі БХД актыўна працавалі таксама ў складзе Беларускага нацыянальнага камітэту (БНК) – каардынацыйнага прадстаўнічага органа беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый, створанага ў Вільні ў 1921 г. БНК ставіў сабе мэту стварыць Беларуска-Літоўскую дэмакратычную рэспубліку, напачатку дамагаючыся культурна-нацыянальнай аўтаноміі Заходняй Беларусі, вёў культурна-асветніцкую і кааператыўную работу.

Беларускія хрысціянскія дэмакраты прымалі ўдзел у фарміраванні Беларускага цэнтральнага выбарчага камітэта (БЦВК) – каардынацыйнага органа беларускіх палітычных арганізацый у Заходняй Беларусі, створанага ў канцы жніўня 1922 г. У склад камітэту ўваходзілі 12 сяброў БХД.

Пашырэнне ўплыву БСРГ на заходнебеларускае працоўнае грамадства, распаўсюджванне марксісцкіх ідэй, узмацненне сацыяльнага радыкалізму ў грамадска-палітычным руху прымусілі беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў перагледзець сваю стратэгію і тактыку. І калі ў першыя гады свайго існавання ХДЗБ праводзіла працу выключна ў каталіцкім духу і перш за ўсё сярод беларускага каталіцкага насельніцтва, то зараз усё больш увагі надаецца папулярнасці ідэй хрысціянскага дэмакратызму сярод праваслаўнага сялянства Заходняй Беларусі.

Ідэалагічныя пошукі ХДЗБ знаходзілі адлюстраванне на старонках яе друкаванага органа – газеты “Беларуская крыніца”. У 25 і 26 нумарах “Беларускай крыніцы” за 1926 г. былі надрукаваны праекты адноўленай Праграмы ХДЗБ і яе Статута. 6 лістапада 1927 г. адбыўся 3’езд прадстаўнікоў Беларускай хрысціянскай дэмакратыі. Удзельнічалі 129 сяброў БХД і каля 50 гасцей. Старшынёй з’езда быў аднагалосна абраны Станкевіч А., які выступіў з дакладам на тэму “БХД і яе ідэалогія” [4, с. 1]. На з’ездзе разгарнулася дыскусія пры абмеркаванні Праграмы і Статута партыі.

Перш за ўсё была зменена назва партыі – замест слоў “Хрысціянская дэмакратычная злучнасць беларусаў” зацвердзілі назву “Беларуская хрысціянская дэмакратыя”. Першы параграф праграмы ўдакладніў галоўную палітычную мэту партыі – “самастойнасць беларускага народа на ўсіх яго землях, аб’яднаных у незалежную дэмакратычную рэспубліку” [2, с. 184]. Адзначым тут два істотныя адрозненні ад Праграмы партыі 1920 г. – адмова ад прынцыпу “надпалітычнасці” і прызнанне незалежнасці Беларусі як галоўнай мэты.

Па меркаванню Станкевіча, палітычны незалежніцкі ідэал БХД быў проста і лагічнай высновай з акту 25 сакавіка 1918 г. У той жа час партыя беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў трымалася ідэі незалежнай беларускай рэспублікі ў яе этнаграфічных межах толькі ў самых агульных абрысах. Унутраны сацыяльны лад рэспублікі, яе узаемаадносіны з суседзямі – гэтыя і іншыя практычныя пытанні пакідаліся на вырашэнне ў перспектыве “у адпаведнасці з духам часу і зыходзячы з патрэб беларускага народа” [2, с. 230].

Істотныя змены былі ўнесены ў параграф 35 Праграмы БХД – аб працоўнай норме на зямлю і дапушчэнні 1-2-х наймітаў. У выніку галасавання дэлегаты з’езда дапоўнілі гэты параграф палажэннем аб тым, што найміты дапускаюцца толькі ў тым выпадку, калі сялянская сям’я “не мае даволі сваіх сілаў дзеля апрацавання рабочай нормы, напрыклад, на выпадак хваробы асоб і сям’і, старасці і калецтва і т.п.” [4, с. 1].

Адносна Статуту ўдзельнікі з’езда пастанавілі змяніць пункт аб ліку сяброў ЦК БХД, замест 7 асоб іх лік павялічыўся да 9 членаў ЦК БХД і 2 намеснікаў. З’езд прыняў таксама шэраг рэзалюцый па важнейшых пытаннях, сярод якіх вызначым наступныя:

1. “Аб рэлігійным жыцці” (супраць скасавання беларускай мовы; за ўвядзенне набажэнства на беларускай мове ва ўсіх царквах на землях з беларускім насельніцтвам; за выдзяленне ў Вільні асобнага касцёлу для беларусаў-каталікоў);

2. “Асвета” (адкрыццё ўрадавых школ за дзяржаўны кошт у ліку, прапарцыянальным да ўсяго беларускага насельніцтва);

3. “Гаспадарка” (дамагацца ад ураду грашовых крэдытаў для Беларускага Інстытута гаспадаркі і культуры);

4. “Палітыка” (маючы на ўвазе будучыя ў хуткім часе выбары ў Сойм і Сенат, імкнуцца да стварэння агульнабеларускага фронту) [4, с. 1].

Наступны з’езд БХД адбыўся ў Вільні 25 лістапада 1928 г. У ім прынялі ўдзел 72 сябры БХД і 31 госць [2, с. 181]. На гэтым з’ездзе выступіў пасол Стэповіч А. з аглядам Праграмы і Статуту партыі. Былі ўнесены пэўныя змены неістотнага зместу.

Наступны, апошні з’езд БХД адбыўся 13 снежня 1931 г. таксама ў Вільні. Па звестках Станкевіча А., у рабоце з’езда прынялі ўдзел 101 сябар БХД (як каталіцкага, так і праваслаўнага веравызнання) і 24 госці. З’езд абмеркаваў праграму і статут партыі і ўнёс пэўныя карэктывы [2, с. 182].

Надрукаваная ў 1932 г. 4-я праграма БХД, у адрозненне ад папярэдніх, не дапускала магчымасці аддзялення касцёла (царквы) ад дзяржавы. У ёй падкрэслівалася, што “БХД прынцыпова супраць аддзялення касцёла (царквы) ад дзяржавы і змагаецца з палітыкай, што выкарыстоўвае рэлігію для палітычных мэтаў, або падтрымлівае адну рэлігію супраць другой”. У Праграме адзначалася таксама абавязковасць вывучэнне рэлігіі як у дзяржаўных, так і ў прыватных школах.

У Праграме БХД 1932 г. больш увагі надавалася сацыяльна-эканамічным пытанням. Так, 34 параграф праграмы быў дапоўнены палажэннем аб тым, што “ўсе землі, перавышаючыя працоўную норму, перадаюцца ва ўласнасць і без выкупу беззямельным і малазямельным сялянам”. Раздзел “Праца” дапоўнены патрабаваннямі 8-гадзіннага рабочага дня, права на забастоўку, стварэння рабочых камітэтаў з правам нагляду за вытворчасцю і прыбыткамі і іншае, чаго не было ў папярэдніх праграмах [6, с. 418].

Такім чынам, заснавальнікі беларускага хрысціянска-дэмакратычнага руху адстойвалі асновы дэмакратычнага ладу, выступалі за эвалюцыйны шлях развіцця грамадства, легальныя формы барацьбы, адмоўна ставіліся да сацыялістычнай рэвалюцыі. Як прыхільнікі незалежных ідэалаў, беларускія хадэкі прытрымліваліся тэорыі самабытнасці развіцця беларускай нацыі і абуджалі нацыянальную свядомасць беларусаў на аснове хрысціянскай этыкі і дэмакратычных прынцыпаў. Сябры ХДЗБ-БХД выступалі супраць сацыяльна-класавага падыходу ў дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі, рэвалюцыйнага характару Беларускай сялянска-работніцкай грамады, згодніцтва паланафільскіх групавак. Яны асуджалі тэрор і ганенні заходнебеларускага насельніцтва з боку польскіх улад, з самага пачатку сваёй дзейнасці былі прыхільнікамі беларусізацыі касцёла (царквы).

У праграмных дакументах ХДЗБ-БХД шмат было супярэчлівага, ідэалістычнага з улікам умоў тагачаснай Беларусі. Па сутнасці, Беларуская хрысціянская дэмакратыя не сумела знайсці шырокую падтрымку сярод працоўнага насельніцтва Заходняй Беларусі, асабліва праваслаўнага веравызнання, не стала масавай палітычнай партыяй. Яе памкненні да лідэрства ў беларускім нацыянальна-вызваленчым руху засталіся нерэалізаванымі.

Выкарыстаная літаратура

1. Program Stronnictwa Konstytucyjno-Katolickiego na Litwie I Białorusi. – Wilno, 1906.
2. Stankiewicz, Ad. Bielaruski Chrystianski ruch (Histarucny narys). – Vilnia: Wydanie “Chrystianskaj Dumki”, 1939. – 272 s.
3. Ustawa i pragrama Chrystijskaj Demokratycznej Zluczności Białorusau. – Miensk: Drukarnia Wajskowaja, 1920. – 17 s.
4. Беларуская крыніца. – 1927. – 18 лістапада. – № 47.
5. Вабішчэвіч, Аляксандр. Таварыства Беларускай школы. / Аляксандр Вабішчэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск.: БелЭн, 2001 – Т. 6. Кн. 1.– С. 489-490.
6. Ладзеў, У.Ф. Беларуская хрысціянская дэмакратыя. / У.Ф. Ладзеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 417-419.

7. Станкевіч, А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення / А. Станкевіч. – Вільня: Шлях моладзі, 1935 – 128 с.

8. Шташкевіч, М.С. “Менскае Беларускае прадстаўніцтва”. / М.С. Шташкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 115.

МАСОНСКІЯ ЛОЖЫ НА БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ЗЕМЛЯХ У ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ стст.

Багалеўша С.В.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

У беларускай гістарычнай навуцы шмат якія сюжэты гісторыі Беларусі разглядаліся павярхоўна і аднабакова ці, наогул, не разглядаліся. Адным з такіх пытанняў з’яўляецца дзейнасць масонскіх арганізацый ХІХ – пачатку ХХ стст. на тэрыторыі Беларусі, Літвы і іх роля ў развіцці нацыянальнай ідэі, руху і нацыянальным адраджэнні. Гісторыя масонскіх ложаў пакуль рэдка была аб’ектам увагі беларускіх даследчыкаў. Няма ніякіх падстаў сцвярджаць, што ў тых ці іншых перыяды нашага мінулага масоны адыгрывалі значную ролю. Але прыцягвае ўвагу сам факт існавання таямнічых ложаў. Масонскія арганізацыі ў ХІХ–ХХ стст. адыгрывалі значную ролю ў грамадска-палітычным і культурным жыцці Еўропы і Новага Свету. Акутаных таямніцамі і міфамі, масонскія ложы часцей за ўсё выконвалі функцыі дваранскіх клубаў, месцаў, дзе абмяркоўваліся і выспявалі палітычныя ідэі.

Трэба адзначыць, што непасрэднае дачыненне да віленскага масонства мелі вядомыя дзеячы беларускага нацыянальнага руху Антон і Іван Луцкевічы, Вацлаў Ластоўскі, Іван Краскоўскі і інш. Шматлікія кантакты паміж беларускімі, літоўскімі і яўрэйскімі дэмакратамі Віленшчыны адбываліся на паседжаннях масонскіх ложаў. У масонскіх арганізацыях былі прадстаўлены ўсе асноўныя палітычныя плыні краю, незалежна ад іх нацыянальнай арыентацыі. Масонства прадстаўляла сабою форму самаарганізацыі эліты грамадства.

Культуры, розуму і асветы стварыў вакол масонскіх ложаў арэал вольнадумства і таму яны трапілі пад праследаванне

артадоксаў. Касмапалітызм у іх дзейнасці, глыбокая канспіратыўнасць прымусілі ўсведамляць ложы як увасабленне ўсесуветнай змовы, якая робіць падкопы пад дзяржаўную ўладу і грамадскі лад.

Масонства нарадзілася ў Англіі ў пачатку XVIII ст. і пад юрысдыкцыяй Вялікай ложы Англіі пранікла ў Расійскую імперыю, таксама распаўсюдзілася на суседнія тэрыторыі. Вольныя муляры з'явіліся на беларуска-літоўскіх землях дзесьці ў сярэдзіне XVIII ст. Больш актыўна масонскія ложы пачалі стварацца пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі і ўсталявання царскай улады. Існуе меркаванне, што царызм свядома ствараў ложы для свайго замацавання на Беларусі. Масонскія арганізацыі былі створаны ў Магілёве, Полацку, Шклове, Нясвіжы і іншых гарадах. Акрамя таго, ложы ствараліся на польскіх і літоўскіх землях. Але адносіны царскіх улад да масонскіх арганізацый былі неадназначнымі. Спачатку царызм падазрона адносіўся да масонаў, але жорстка іх не пераследаваў.

Росквіт масонства адбыўся на землях Беларусі ў 1812–1821 гг. пад апекай Аляксандра I, які і сам быў масонам. Асабліва пасля вайны 1812 г. ён рэкамендаваў ствараць масонскія ложы, перш за ўсё, у войску, разлічваючы на тое, што афіцэры, трапіўшыя ў палон, змогуць скарыстацца дапамогай іншаземных сяброў – масонаў. У 1815 г. быў адноўлены “Вялікі ўсход Каралеўства Польскага і ВКЛ”, пачалося адраджэнне ліцвінскага масонства. У 1816 г. масоны Ян Норвід, Міхал Сабескі, Караль Гофман і Ян Ходзька прыехалі ў Вільню і пры дапамозе старэйшага масона прэлата Міхала Длускага пачалі працу ў ложах “Руплівы ліцвін” і “Добры пастыр”. Яны ж адчынілі дзве новыя ложы – “Школу Сакрата” у Вільні і “Палямон” у Расіёнах Ковенскай губерні. У гэты час большая колькасць ложаў знаходзілася на тэрыторыі Гродзенскай і Мінскай губерняў: “Багіня Цэрэра” і “Вузел Еднасці” у Навагрудку, “Сябры чалавецтва” у Гродне, “Шчаслівае вызваленне” у Нясвіжы, “Паўночная Паходня” у Мінску, “Уладзіслаў Ягайла” у Слуцку і інш. Кіруючым цэнтрам масонства ў Беларусі быў малы Капітул “Святыня спакою” у Нясвіжы, які быў падпарадкаваны “Віленскай ложы “Дасканалая лучнасць”, а праз яе “Вялікаму ўсходу Каралеўства Польскага”. У 1818 – 1819 гг. у Літоўскай правінцыі мелася 12 ложаў. Толькі ў Вільні працавалі правінцыяльная ложа

“Дасканалая лучнасць” і сімвалічныя – “Руплівы ліцвін”, “Храм мудрасці”, “Добры пастыр”, “Школа Сакрата” і “Славянскі арол”.

Цесна звязаны з масонствам былі тайныя таварыствы студэнцкай і вучнёўскай моладзі, ваенныя таварыствы, якія дзейнічалі ў Літве і Беларусі ў першай чвэрці XIX ст. Амаль усе кіраўнікі альбо актыўныя дзеячы тайных таварыстваў у гэты час былі масонамі. Сярод іх Вялегін А.І., Ігельстром К.Г., Чачот Я., Зан Т., Шымкевіч Я. і інш. Сярод мясцовых масонскіх ложаў вылучалася ложа “Руплівы ліцвін” у Вільні, членамі якой былі студэнты і выкладчыкі Віленскага ўніверсітэта. У 1818 г. члены гэтай ложи спрабавалі змяніць масонскі статут і пачаць адкрыта служыць грамадству, ажыццяўляючы дапамогу насельніцтву шляхам навучэння бедных рамёствам, удасканалення тэхнікі, развіцця прамысловасці. Але такая дзейнасць выклікала незадавальненне масонскага кіраўніцтва і ў хуткім часе ложа была вымушана спыніць сваё існаванне.

Масоны выступалі з ідэямі роўнасці ўсіх людзей, вольнасці і братэрства, абмяркоўвалі праблемы развіцця асобы і грамадства ў цэлым, гуртавалі вакол сябе дэмакратычныя сілы грамадства ў напрамку вырашэння галоўнай задачы – адраджэння былой дзяржаўнасці, адраджэння Рэчы Паспалітай. Колькасць братоў у масонскіх ложах на землях Беларусі ў канцы XVIII – першай чвэрці XIX стст. дасягала 1060 чалавек, якія былі аб’яднаны ў 16 арганізацый. Пры гэтым масоны на землях Беларусі мелі добра наладжаныя кантакты з ложамі Польшчы і Расіі, якія вялі барацьбу паміж сабой за ўплыў на масонскія арганізацыі на землях Беларусі і Літвы [7, с. 23]. Барацьба паміж расійскім і польскім “Вялікімі ўсходамі” прывяла да таго, што ў 1820 г. сярод літоўска-беларускага масонства ўзнік праект утварэння самастойнага “Вялікага ўсхода Літоўскага”. Былі зроблены першыя практычныя крокі. Вальнскі масон граф Олізар Н. даў 15 тыс. рублёў на будаўніцтва будучай рэзідэнцыі. Рэалізацыі праекта перашкодзіла змена адносінаў улады да масонства і закрыццё ложаў.

Указам Аляксандра I ад 1 жніўня 1822 г. дзейнасць “вольных муляроў” на тэрыторыі дзяржавы была забаронена. Усе дзяржаўныя чыноўнікі, настаўнікі, прафесары, вайскоўцы павінны былі даваць падпіску аб непрыналежнасці да масонскіх і іншых тайных таварыстваў у краі ці за мяжой. Так амаль на стагоддзе перарвалася

традыцыя масонства ў Расійскай Імперыі. У той час у Вільні існавала 6 ложаў. Кіраўніком адной з іх – “Дасканалая лучнасць” – быў дзед Ромера М. – Юзаф Ромер.

Галоўнай крыніцай па вывучэнню дзейнасці масонскіх ложаў Віленшчыны ў пачатку ХХ ст. з’яўляецца дзённік Міхаіла Ромера (1880-1945). Міхаіл Ромер – вядомы юрыст, навуковец, публіцыст і палітычны дзеяч Літвы (як “гістарычнай,” так і “этнаграфічнай”). Захавалася амаль 40 тамоў яго штодзённых запісаў. Першы быў зроблены 1 студзеня 1911 г., апошні – 18 лютага 1945 г. Дзённік – цікавая крыніца па гісторыі грамадскага, палітычнага і культурнага жыцця беларуска-літоўскага краю. Частка дзённіка, 34 томы, захоўваецца ў адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы, астатнія – ў адзеле рукапісаў Віленскага ўніверсітэта. Міхаіл Ромер быў прыкметнай постацю ў мясцовай масонскай іерархіі і гэты бок ягонага жыцця і дзейнасці таксама знайшоў адлюстраванне ў яго дзённікавых запісах.

Падчас рэвалюцыі 1905–1907 гг. у імперыі адбылося адраджэнне масонскіх арганізацый. Большасць даследчыкаў лічыць, што гэта адбылося з-за імкнення часткі грамадскіх дзеячоў кансалідаваць сілы падчас рэвалюцыйнага крызісу. Інтэлектуалаў прываблівала таямнічасць і ідэалогія масонаў. Трэба адзначыць, што дзейнасць беларуска-літоўскіх масонаў была цесна звязана з дзейнасцю ложаў у Маскве і Парыжы. У 1906 г. у Маскве была створана ложа “Адраджэнне”, якую ўзначаліў Батэўнаў Н. На пачатку 1907 г. у Пецяярбурзе ўзнікла масонская ложа “Палярная Зорка”, кіраўніком якой стаў князь Арлоў-Давыдаў. Абедзве ложа падпарадкоўваліся “Вялікаму ўсходу Францы”.

Масонскі рух вельмі хутка пашыраўся. У сярэдзіне 1908 г. у масонскіх ложах было каля 40 чалавек, у 1909 – 300–350 чалавек. У адрозненне ад ложаў XVIII–пачатку XIX стст. змяніўся іх сацыяльны склад. Большасць членаў былі прадстаўнікамі інтэлігенцыі, а не арыстакратыі. Гэта былі адвакаты, універсітэцкая прафесура, лекары, інжынеры і інш. Масоны праследавалі чыста палітычныя мэты. Галоўная з іх - замена самаўладдзя парламенцкім ладам. Іх ідэалогія была блізкай да ідэалогіі лібералізму.

У 1910 г. на тэрыторыі Расійскай імперыі пачалі ўзнікаць масонскія ложа, незалежныя ад Масквы і Пецяярбурга. У чэрвені

1910 г. у Варшаве створана ложа “Вызваленне” на чале з Рафалам Радзіловічам, якая таксама належала да “Вялікага ўсходу Францы”.

Масонскія ложи адыгралі прыкметную ролю ў пашырэнні краёвай ідэі. Масонскія арганізацыі на Беларусі і Літве былі формай існавання нелегальных дэмакратычных таварыстваў краёвага накірунку. Да краёўцаў можна аднесці прадстаўнікоў грамадства Беларусі і Літвы, якія ў сваёй палітычнай і грамадскай дзейнасці выступалі з нацыянальна-культурных, рэлігійных і эканамічных інтарэсаў краю. Краёвая ідэалогія грунтавалася на ідэі адзінай палітычнай нацыі ў Беларусі і Літве [4, с. 19]. Прадстаўнікі масонскіх жожаў адмаўлялі этнакультурныя прынцыпы ў азначэнні нацыянальнага складу насельніцтва. Усе карэнныя жыхары Беларусі і Літвы, на іх думку, якія лічаць сваёй радзімай гістарычную Літву і ўсведамляюць сябе грамадзянамі краю, належаць да адзінай нацыі “ліцвінаў”. Этнічнае паходжанне і культурная прыналежнасць адыгрывалі другарадную ролю. У сваёй практычнай дзейнасці краёўцы прызнавалі роўнасць палякаў, беларусаў, літоўцаў і яўрэяў як карэнных народаў Беларусі і Літвы, нягледзячы на рознасць моў. Усе “грамадзяне” беларускай і літоўскай зямлі павінны былі працаваць на карысць краю, пад якім звычайна разумелі землі былога ВКЛ.

Адным з галоўных прыхільнікаў краёвай ідэалогіі быў Міхаіл Ромер – адзін з арганізатараў масонства на беларуска-літоўскіх землях у пачатку XX ст. Менавіта краёвасць для яго з’яўлялася найбольш адэкватнай формай існавання і рэалізацыі масонскіх лозунгаў на тэрыторыі гістарычнай Літвы. Трэба адзначыць, што Ромер М. успрымаў грамадства беларуска-літоўскага краю як адзінае і непадзельнае, прасякнутае пачуццём краёвай грамадзянскасці і незалежнае ад падзелу на асобныя этнасы. [6, с. 165]. Пры гэтым члены масонскіх жожаў не абмяжоўваліся сваім актыўным удзелам у сваіх нацыянальных рухах.

У 1910 г. у Вільне ўзнікла ложа “Еднасць”(альбо “Лучнасць”). Сярод ініцыятараў яе ўтварэння былі браты Антон і Іван Луцкевічы. Узначаліў ложу дзеляч яўрэйскага руху, прыхільнік краёвай ідэалогіі Ежы Ром. Акрамя іх, “братамі” жожи былі Красоўскі І., Зыгмунд Нагродскі, Браніслаў Крыжаноўскі, Вітольд Абрамовіч, Іван Прозараў, Эніам Ром, Брамсан і Данатас Малінаўскас. Звычайна ложа налічвала не менш за сем братаў і не больш за чатырнаццаць.

Калі набіралася больш за чатырнаццаць чалавек, ложа падзялялася напалову і ўзнікала новая. У сакавіку 1911 г. у ложку быў прыняты Міхаіл Ромер. Афіцыйнае запрашэнне да ўступлення ён атрымаў ад Івана Луцкевіча.

Вось што запісаў у сваім дзённіку Ромер: “Увечары прыйшоў Іван Луцкевіч і паведаміў, што ў нядзелю мясцовая масонская ложа прыняла мяне ў свой звяз. Калі гэта не фарс, не якое-небудзь няспелае пачынанне жменькі летуценнікаў, а сапраўдная масонская арганізацыя, то я ўсім сэрцам далучуся да звязу”. Неўзабаве Ромер стаў адным з кіраўнікоў віленскага масонства.

У “Еднасці” былі прадстаўлены ўсе асноўныя этнасы беларуска-літоўскага краю. “Браты” прытрымліваліся прынцыпаў краёвай ідэалогіі, успрыималі грамадства беларуска-літоўскага краю як адзінае і непадзельнае на асобныя этнасы, выступалі за дэмакратычны лад жыцця. Краёвая ідэалогія супрацьстаяла ідэалогіі этнічнага шавінізму. У палітычным плане масоны выступалі за ўстанаўленне парламенцкай рэспублікі і аўтаноміі “гістарычнай Літвы” як дзяржаўнага ўтварэння беларусаў і літоўцаў у межах дэмакратычнай, федэратыўнай Расіі.

У 1911 г. пачала дзейнічаць ложа “Літва”, якая ўваходзіла ў “Вялікі ўсход народаў Расіі” – арганізацыя аб’ядноўвала каля 40 жожаў. У склад жожа ўваходзілі Крыжаноўскі Б., Нагродскі З., Сляжэвічус М., Краскоўскі І., Ром Э., Луцкевіч А., Шаўліс Ю., а з 1912 г. – Ластоўскі В. і інш. “Літву” узначаліў Ромер М. Даволі хутка Ромер стаў адным з кіраўнікоў масонаў на беларуска-літоўскіх землях. У сваім дзённіку ён пісаў: “Нашыя прынцыпы – братэрства, любоў і свабода чалавечага духу. Мы гуманісты ў самым высакародным і дзейным значэнні гэтага слова. Мы імкнёмся, каб гэтыя прыгожыя словы сталі рэальнасцю сумлення, дзеянняў і чалавечых адносін. Мы не выступалі супраць агульначалавечых каштоўнасцяў”.

Задачы і прынцыпы дзейнасці масонскіх жожаў, па меркаванню Ромера М., былі наступнымі: “Мы вельмі далёкія ад перакананняў, што мэта апраўдвае сродкі, што з дапамогай хлусні, крывадушнасці і гвалту ці якога іншага амаральнага сродку можна стварыць якое-небудзь трывалае і надзейнае. Гэта памылковы погляд, што “Вольныя муляры” маюць пэўныя антыграмадскія або антыкультурныя мэты, імкнучца да панавання і знішчэння чалавечай культуры.

Наша задача – не знішчаць, не ламаць, не разбураць, а ствараць і ўдасканальваць.” “Вольныя муляры” абавязаны былі мець актыўную жыццёвую пазіцыю, каб пастаянна рэалізоўваць масонскія прынцыпы гуманізму. Закранаючы палітычны аспект масонскай дзейнасці, Ромер падкрэсліваў, што “брацтва” не з’яўляецца ні палітычным аб’яднаннем, ні партыяй, але ва ўмовах расійскай дзяржавы арганізацыя будзе займаць антыўрадавую палітычную пазіцыю”[3, с. 65]. Кожны член ложы ў любы момант мог пакінуць яе, але ён павінен быў прытрымлівацца адной абавязковай умовы: захоўваць таемнасць самаго факту існавання “Вольных муляроў”.

Пасля ўзнікнення “Еднасці” і “Літвы” многія пытанні дзейнасці краёўцаў абмяркоўваліся на сходах. Там вырашалася і праблема іх органу друку. Тагачасны орган “Przegląd Wilenski” (1911–1915), рэдактарам якога быў Людовік Абрамовіч, выклікаў незадавальненне. Газета лічылася шавіністычнай па сваёй сутнасці. Было прынята рашэнне арганізаваць новае краёвае выданне. У 1912 г. выйшаў першы нумар “Kurieria Krajowego”. Газета была разлічана на пашырэнне краёвай ідэі сярод польскай грамадскасці краю. “Kurier Krajowy” літаральна патрабаваў ад польскай інтэлігенцыі дапамагаць культурнаму адраджэнню беларусаў і літоўцаў. Шмат увагі газета надавала беларускаму нацыянальнаму руху, адлюстроўвала яго характар і тэндэнцыі.

Віленскія ложы сталі моцнымі цэнтрамі прапаганды ліберальна-дэмакратычнага накірунку краёвай ідэалогіі. Гэтаму спрыяла грамадска-палітычная і культурная дзейнасць віленскіх “братоў”. Амаль усе яны былі аўтарытэтнымі дзеячамі розных этнічных рухаў і ўплывалі на міжэтнічныя адносіны. Свае разважанні па розным праблемам грамадскасці яны публікавалі на старонках папулярных віленскіх выданняў “Lieturas Zinios”, “Наша Ніва”, “Вечерняя газета” і г. д. Прадстаўнікі ложаў уваходзілі ў склад шмат якіх культурных і грамадскіх арганізацый, дзейнасць якіх выходзіла за межы Віленшчыны (літоўскае Артыстычнае таварыства, Таварыства падтрымкі кааперацыі, польскае Таварыства сяброў навук і г.д.).

У 1913 г. віленскае масонства ўступіла ў паласу крызісу, які досыць хутка быў пераадолены. У выніку ў кастрычніку 1914 г. у Вільні была створана ложа “Беларусь”. У яе склад увайшлі

Луцкевіч А., Булёта А., Бугайлішкіс П, Біржышка М., Краскоўскі І., Заўштоўт А. і Астахевіч К. Сходы гэтай ложы праходзілі разам са сходамі “Літвы”. Пэўнае арганізацыйнае афармленне ложы намячалася на восень 1915 г., аднак Першая сусветная вайна ўнесла пэўныя карэктывы ў гэтыя планы. У гэты час адбывалася абвастрэнне этнічных адносін у краі, што адчувалася ў дзейнасці этнічна змешаных масонскіх арганізацый. Ложы пачалі адасоблівацца па нацыянальнай прыкмеце.

Пэўны ўплыў на становішча віленскіх масонскіх ложкаў адыграла пагаршэнне адносін з масонамі з Масквы і Пецярбургу. Рост вялікадзяржаўных шавіністычных настрояў у Расіі адбіўся на пазіцыі кіраўніцтва “Вялікага ўсходу Расіі”. Гэта вельмі адчувалася падчас з’езду (канвенту) у Пецярбурзе ў 1914 г. У ім прымалі ўдзел больш за 30 дэлегатаў з усёй Расіі. Дэлегатамі ад Вільні былі Міхаіл Ромер і Антон Луцкевіч. Канвент праходзіў у даволі складаных умовах. Паводле сваіх палітычных сімпатый яго ўдзельнікі належалі да розных палітычных партый (ад кадэтаў да трудавікоў). На канвенце была спроба навязаць ложам вялікадзяржаўную пазіцыю замест ідэі свабоднай федэрацыі ўсіх народаў імперыі.

Антон Луцкевіч выступаў за захаванне нейтралітэта ў дачыненні да ваюючых бакоў. Перамогу царызма ён лічыў найгоршым з магчымых вынікаў вайны. Акрамя таго, дэлегаты з’езду не прынялі прапанаваную Луцкевічам і Ромерам рэзалюцыю аб прызнанні прынцыпа аўтаноміі Беларусі і Літвы. Кантакты з расійскімі масонамі выявілі ўсю няшчырасць ранейшых запэўніванняў кіраўнікоў “Вялікага ўсходу Народаў Расіі” наконт магчымасцей свабоднага (аўтаномнага) развіцця беларуска-літоўскага краю ў выпадку іх прыхода да ўлады.

Гэта падштурхнула да ўзнікнення сваёй уласнай масонскай арганізацыі, незалежнай ад расійскага масонства, якая б ахоплівала ўсе землі былога Вялікага Княства Літоўскага. Ложа павінна была выступаць за яго ўласнае развіццё, нацыянальнае аднаўленне і развіццё ўласнай культуры. Але каб ажыццявіць гэтую ідэю, патрэбна было стварыць 7 ложкаў на Беларусі і ў Літве. А ў гэты час іх дзейнічала толькі 5 (у Вільні, Мінску, Віцебску і інш.).

Розніца ў поглядах на будучыню Беларусі і Літвы непазбежна прывяла да разрыву з расійскім масонствам. Апошнім актам узаемадзеяння быў удзел дэлегатаў Вільні Андрэя Булёты і

Аляксандра Заштаўта ў масонскім канвенце ў Пецяярбурзе ў маі 1915 г.

Пэўныя карэктывы ў дзейнасць і погляды братаў унесла Першая сусветная вайна. У канцы 1914 – пачатку 1915 гг. паміж імі пачаліся першыя непаразуменні, так называемы “беларуска-літоўскі канфлікт”. Літоўцы выступалі за аўтаномію “этнаграфічнай Літвы” з прылеглымі тэрыторыямі (Гродзеншчыны, Міншчыны са сталіцай у Вільні). Беларусы адстойвалі ідэю аўтаноміі “гістарычнай Літвы” з сталіцай у Вільні, якую лічылі сталіцай усяго краю. Дасягнуць міжнацыянальнага паразумення адносна будучыні беларуска-літоўскіх зямель прадстаўнікі масонскіх ложаў не здолелі.

У маі 1915 г. Ромер М. пакінуў Вільню. Ён перайшоў лінію фронту і далучыўся да легіёнаў Пілсудскага Ю. Яго ад’езд нанёс моцны ўдар па дзейнасці віленскіх масонаў. Спроба выправіць сітуацыю была зроблена Юргісам Шаўлюсам, калі па яго ініцыятыве рэшткі трох віленскіх ложаў аб’ядналіся ў адну самастойную арганізацыю “Вялікі ўсход Літвы” і афіцыйна сталі самастойнымі, адмовіліся падпарадкоўвацца кіруючаму цэнтру расійскіх масонаў, што было абумоўлена рознымі поглядамі на будучыню Літвы і Беларусі [1, с. 35]. Па меркаванню Смаленчука А., сябрамі гэтай ложа хутчэй за ўсё з’яўляліся Шаўлюс Ю. (кіраўнік), Вілейшыс Ё., Астахевіч К., Асмалоўскі У., браты Луцкевічы, Ром Е., Брамсон М. і інш [6, с. 172]. Кіраўнікі расійскіх масонаў не прызнавалі правы беларускага і літоўскага народаў на самавызначэнне. У гэтай арганізацыі была досыць моцная краёвая ідэя, якая вельмі актыўна прапагандавалася беларусамі. У палітычным плане “сябры” ложа выступалі за звяржэнне самадзяржаў і ўсталяванне парламенцкай дэмакратычнай рэспублікі ў Расіі, адстойвалі поўную незалежнасць “гістарычнай Літвы” як дзяржаўнага ўтварэння беларусаў і літоўцаў.

Менавіта беларусы былі ў снежні 1915 г. аднымі з ініцыятараў утварэння “Канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага”. “Вялікі ўсход Літвы” адыграў галоўную ролю ў стварэнні Часовай Рады і выданні “Універсалу”, які заклікаў да аднаўлення беларуска-літоўскай дзяржавы. Але паступова ложа спыніла сваю дзейнасць, у першую чаргу з-за этнічных супярэчнасцей. Месца масонаў займалі беларускія і літоўскія грамадска-палітычныя арганізацыі, якія ў

перыяд акупацыі нямецкімі войскамі Літвы і часткі Беларусі легалізавалі сваю дзейнасць.

Зрабіўшы агляд дзейнасці масонскіх ложаў на беларуска-літоўскіх землях у XIX – пачатку XX стст., можна зрабіць наступную выснову. Масонскія ложи – гэта вельмі складаная і супярэчлівая з’ява. Масоны адыгралі важную ролю ў развіцці і пашырэнні нацыянальнай ідэі і краёвай ідэалогіі, барацьбе з існуючым рэжымам, прапагандавалі ідэю этнічнай талерантнасці і былі супраць этнічнага шавінізму. Многія беларускія дзеячы былі актыўнымі ўдзельнікамі масонскага руху, які ў перадваенны час набыў у Віленскай губерні значны размах. Але іх дзейнасць не заўсёды была паслядоўнай. Галоўнае тое, што масоны заўсёды падтрымлівалі ідэі гуманізму і дэмакратыі, прапагандавалі каштоўнасць гэтых ідэй сярод насельніцтва. Дзейнасць ложаў была непарыўна звязана з нацыянальна-вызваленчым рухам у Літве і Беларусі. Іх задачай было дасягненне палітычнай і культурнай самастойнасці краю. Менавіта таму яны і падтрымлівалі ідэю стварэння беларуска-літоўскай дзяржавы ў форме “Канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага”.

Выкарыстаная літаратура

1. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці / [М.П. Касцюк і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 614 с.
2. Дабранскі, С. Нарысы з гісторыі масонства ў Літве. / С. Дабранскі // Спадчына. – 1997. – № 3. – С. 60-74.
3. Смалянчук, А. Дзеннік М. Ромера. / А. Смалянчук. // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 59-67.
4. Смалянчук, А. “Краёвасць” у беларускай і літоўскай гісторыі 1905-1940. / А. Смалянчук // Беларускі гістарычны агляд. – 1997. – Т. 4. – Сш. 1-2. – С. 19-33.
5. Смалянчук, А. З гісторыі віленскага масонства XX ст. / А. Смалянчук // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 50-59.
6. Смалянчук, А. Адраджэнне вольнага мулярства на беларускіх і літоўскіх землях на пачатку XX ст. // Вольныя муляры у беларускай гісторыі. Канец XVIII – пач. XX ст. / Беларускае гістарычнае таварыства. – Вільня: Gudas, 2005. – С. 157-185.

7. Швед, В.В. Масоны і ложки на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX ст.). / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, – 2007. – 275 с.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Богданович А.И.,
кандидат исторических наук, доцент

Во второй половине XIX в., в советское время, даже на постсоветском пространстве в общественном сознании и в исторических исследованиях широко утвердилось и сохраняется убеждение о том, что царская Россия была полицейским государством, в котором каждый шаг человека, особенно прогрессивно настроенного и оппозиционного власти, находился под бдительным контролем полиции или жандармов. Формированию такого убеждения посодействовали представители как русской литературы, так и революционно-демократических течений дореволюционной России, под влиянием которых оказались не только простые обыватели, но даже советские и постсоветские ученые историки. Так, Лермонтов М.Ю. в 1830-е гг. писал о Петербурге: «Увы! Как скучен этот город, со своим туманом и водой!.. Куда ни взглянешь, красный ворот, как шишь торчит перед тобой [1, с. 154]. Под красным воротом понимался полицейский. А еще общеизвестно стихотворение, которое появилось в 70-е годы XIX в. и усилиями. Бартенева П.И было приписано Лермонтову М.Ю., а затем было напечатано в полном собрании сочинений поэта: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ. И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ. Быть может, за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей [1, с. 375]. Под голубыми мундирами понимались мундиры корпуса жандармов.

Для подтверждения полицейского характера российской империи часто цитируется также высказывание генерала Ермолова А.П.: «В России на каждом голубой мундир, а если не мундир, то голубая подкладка, если не подкладка, то голубая заплатка». В советское время все эти высказывания тщательно выискивались и повсемест-

но цитировались не только в научных трудах, но и в учебниках и хрестоматиях по истории и литературе. Только после распада СССР это устойчивое предубеждение начали серьёзно пересматривать. В данной публикации нами сделана попытка развенчать миф о полицейском характере дореволюционной России.

В действительности, Россия не могла быть полицейским государством хотя бы потому, что в полиции, а тем более в корпусе жандармов не хватало людей для осуществления тотального контроля, а большинство служащих полиции не имело достаточного уровня профессиональной подготовки. Более чем за триста лет своего правления Романовы так и не удосужились обеспечить страну учебным заведением, которое готовило бы профессиональных полицейских. Нижние чины набирались, как правило, из отставных армейских унтер-офицеров, а начальствующий состав – из офицеров вооруженных сил и чиновников низких рангов. Первая попытка создать такое учебное заведение была сделана премьер-министром Столыпиным П.А. В проекте реформы российской полиции он предлагал создать специальные учебные заведения, но реализация этой идеи была отложена «в целях экономии государственных средств». Поэтому премудростям полицейской службы сотрудникам полиции приходилось учиться исключительно на практике [2, с. 213]. Практически в течение всей истории существования Российской империи полицейской службой занимались люди, не имеющие профессиональной подготовки, о чем свидетельствует краткая история российской полиции.

Полицейская служба в России возникла в 1718 г. в Санкт-Петербурге. Здесь впервые была учреждена должность генерал-полицмейстера, в обязанности которого вменялась организация работы по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Положительные результаты его деятельности способствовали учреждению четырьмя годами позже аналогичной должности в Москве. Спустя несколько лет должность полицмейстера была учреждена во всех губернских городах. На должности полицмейстеров назначались преимущественно гражданские чиновники.

В 1775 г. была создана сельская полиция, которая работала на общественных началах. В каждом уезде местные дворяне на своих собраниях выдвигали несколько кандидатур в нижний земский суд, исполнявший административно-полицейские и судебные функции.

Непосредственной его опорой и помощниками в деревнях и селах были сотские и десятские, назначавшиеся из крестьян. Первые полицейские подразделения практически повсеместно получали названия полицейских контор. В 1782 г. по инициативе Екатерины II была реформирована городская полиция. В городах были учреждены управы благочиния.

Управу благочиния в Санкт-Петербурге возглавил генерал-полицимейстер, в Москве – обер-полицимейстер, в губернском городе – полицмейстер, в уездном – городничий. Одновременно вводился «Устав благочиния», или полицейский устав, который преобразовывал старые полицейские учреждения в новые управы благочиния [3, с. 154]. Уставом вводились специальные служащие городской полиции, определялись ее задачи и компетенция. Состав управы благочиния был определен из городничего, двух приставов (уголовных и гражданских дел) и двух советников, избиравшихся горожанами на три года из наиболее авторитетных и уважаемых представителей городского купечества и ремесленников. Как видно, и тут очень важную роль играл общественный почин, кроме того, полиция в рассматриваемый период была децентрализована, полицейские органы в губерниях подчинялись губернаторам, а генерал-полицимейстер фактически руководил лишь столичной полицией [4, с. 23].

Следующая большая реформа полиции было осуществлена в декабре 1862 г., когда были изданы «Временные правила об устройстве полиции», которые значительно упорядочивали ее структуру и деятельность. Согласно правилам, уездная и городская полиция объединялись в одну структуру – уездное полицейское управление. Уезды подразделялись на станы, возглавляемые становыми приставами. Города контролировались городскими и участковыми приставами, а также полицейскими надзирателями. С конца 1889 г. в помощь уездному полицейскому управлению, становым приставам придаются пешие и конные урядники с сохранением в селах выборных должностей сотских и десятских. В городах, не подведомственных уездной полиции, создаются городские полицейские управления, возглавляемые полицмейстерами и их помощниками с жалованьем 1500 и 1000 рублей в год. Им подчиняются участковые и городские приставы, а также околоточные надзиратели [2, с. 211].

Таким образом, мы видим, что только в 1862 г. полиция обретает черты постоянной государственной службы. В пореформенный период на численный состав полиции были наложены значительные ограничения. Например, по закону 1887 г. в городах с населением не более 2 тыс. человек полагалось не более пяти городских, в более крупных — не более одного городского на 5000 жителей. На каждых четырех городских приходился один старший. Жалованье их было сравнительно невысоким, от 150 до 180 рублей ежегодно и 25 рублей на обмундирование. Все расходы оплачивал город. Во второй половине XIX в. зарплата в 12 – 15 рублей ежемесячно считалась довольно низкой.

В 1903 г., учитывая постоянно возрастающий объем работы, выполняемой данным институтом, в уездную полицию вводится дополнительная категория нижних чинов – стражники. Объединенные с урядниками, они составляли полицейскую стражу. Должность урядника вводилась в каждой волости, а общее количество стражников определялось из расчета не более одного на 2,5 тыс. жителей. Именно поэтому, когда будущий император Александр III был встречен на пристани города Углича огромной толпой горожан и крестьян из окрестных сел, цесаревич со свитой долго не мог пройти сквозь плотную массу людей к городскому собору, а расчищать ему дорогу было некому, так как на весь уездный город Углич приходилось всего два полицейских чина [2, с. 210].

Необходимо отметить также слабое вооружение и оснащенность российской полиции. Государственный Совет, из чистого желания насолить Столыпину П.А., проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневидами. Именно поэтому в феврале 1917 г. петроградская полиция имела на вооружении лишь револьверы и «сеledки» – сабли, которыми были вооружены российские городские. Если урядники еще вооружались государством, то полицейские стражники, хотя и имели право ношения огнестрельного оружия, приобретали его за свой счет.

9 сентября 1867 г. было принято новое положение об отдельном корпусе жандармов. Основным звеном структуры отдельного корпуса жандармов были губернские управления. По Положению 1867 г. существовали жандармские управления Московской губернии, губерний первой и губерний второй категории, различия основывались на размерах губерний, этнографических и экономических

условиях. В 1871 г. были приняты "Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений", которые вводили жандармерию в число участников уголовного процесса, предоставляя ей право производства дознаний по государственным и уголовным преступлениям. Жандармы имели право совершать следственные действия – осмотры, обыски, освидетельствования.

На жандармский корпус была возложена обязанность борьбы с преступностью на железных дорогах. Жандармское полицейское управление железной дорогой создавалось на каждые 2000 верст, а жандармское отделение – на 200 верст. Бурное железнодорожное строительство привело к тому, что жандармский корпус превратился в самое многочисленное подразделение полиции [5, с. 287].

Что касается отдельного корпуса жандармов, который выполнял и функции политической полиции, то к 1917 г. он насчитывал в своих рядах 1000 офицеров и 10 000 нижних чинов, при этом большая часть чинов корпуса жандармов, около 70%, была задействована в обеспечении безопасности железных дорог. На долю собственно политической полиции оставалось менее трети. Жандармы, так же как и полицейские, набирались из офицеров всех родов войск или выпускников юнкерских училищ. Из офицеров в корпус жандармов с 1890 г. принимались только принадлежащие по образованию к 1 разряду или окончившие курс юнкерских училищ по 1 разряду. Дополнительные штаты, как и железнодорожные полицейские управления, комплектовались из унтер-офицеров всех родов войск, уволенных в запас или ушедших в отставку; нижние чины имелись только в дивизионах и назначались на общем основании.

Несмотря на то, что в органы политической полиции брали лучших офицеров и юнкеров, подготовка их была ориентирована на военную службу, а не на следственные мероприятия. Поэтому член специальной комиссии Шамшин И.И., проведя ревизию третьего отделения корпуса жандармов, отмечал крайнюю неэффективность его деятельности, связанную с отсутствием притока свежих сил, запущенностью делопроизводства, общую атмосферу застоя, устаревшие методы сыска, волокиту, слабое знание положения дел в революционных организациях. К тому же после проведения судебной реформы 1864 г. стали все более осложняться отношения между третьим отделением и судебной властью.

Лорис-Меликов М.Т. сумел убедить императора в том, что "вся полицейская часть в империи должна нераздельно вестись одним центральным учреждением...". В итоге было образовано новое учреждение – Департамент Государственной полиции, ставший высшим органом политической полиции. Практически весь состав сотрудников третьего отделения остался за бортом. Лорис-Меликов стремился к тому, чтобы новое учреждение состояло из "законников", то есть, гражданских лиц, имеющих юридическое образование. Указом от 15 ноября 1880 г. на департамент государственной полиции было возложено руководство как политической, так и общей полицией. Департаменту государственной полиции подчинялся и отдельный корпус жандармов, который был органом дознания по политическим преступлениям. Министр внутренних дел становился одновременно и шефом жандармов [5, с. 311].

Таким образом, полиция в Российской империи была довольно малочисленной структурой и численность полицейских чинов редко превышала две-три сотни человек на всю губернию. Малочисленность низового состава полиции несколько компенсировалась возложением на дворников обязанностей оказывать помощь городским в случае необходимости. С такой помощью, а также благодаря тому, что уровень преступности в стране был на порядок ниже ныне существующего, полиция кое-как могла контролировать ситуацию и обеспечивать охрану правопорядка. В связи с этим считать дореволюционную Россию полицейским государством может только тот, кто на веру принимает устоявшиеся в советскую эпоху идеологические штампы о тотальном полицейском контроле над населением со стороны политической полиции. Осуществлять такой контроль при таком составе корпуса жандармов вряд ли было возможным.

Служба в полиции всегда была тяжелой и опасной, а в годы обострения политической борьбы особенно. Революционеры всегда считали полицейских «врагами народа». Так, в ходе, по мнению многих историков, «бескровной» февральской революции 1917 г. в Петрограде было перебито около 80% городских, которые до конца пытались исполнять свой долг по поддержанию порядка в городе [2, с. 115].

Использованная литература

1. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений. / М.Ю. Лермонтов. – М.: Государственное издательство, 1929. – 736 с.
2. Музафаров, А.А. 10 мифов о России. / А.А. Музафаров. – М.: Яуза: Эксмо, 2012. – 320 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 21. – № 15379. – СПб., 1862.
4. Дуганец, А.С., Мухортов, А.А. Организационно – правовые формы деятельности городской полиции России в конце 18 века. / А.С. Дуганец, А.А. Мухортов. – Административное право и процесс. – 2007. – № 5. – С. 23-25.
5. Сизиков, М.И., Борисов, А.В., Скрипелев, А.Е. История полиции России. (1718 – 1917 гг.). Вып. 2. / М.И. Сизиков, А.В. Борисов, А.Е. Скрипелев. – М.: А.П.О., 1992. – 368 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Беляев А.В.,
кандидат исторических наук, доцент

Опираясь на взгляды авторов теории элит Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса и их последователей, можно с уверенностью утверждать, что политический курс государства определяется властвующим меньшинством. Стабильность правящей политической элиты является важнейшим фактором устойчивого развития государства. Национальная элита выступает гарантом политической независимости государства и способствует его социально-экономическому и культурному развитию, но лишь в том случае, если политические и экономические интересы правящего класса лежат внутри управляемого им государства и общества. В настоящее время тенденции глобализации привели к созданию ситуации, когда правящие классы начинают превращаться в космополитические группы. Западный политолог К. Лэш отмечает: «...рынок, на котором действуют новые элиты, теперь является международным по масштабу. Своими

состояниями они обязаны предприятиям, действующим поверх национальных границ. Они скорее озабочены бесперебойным функционированием всей системы в целом, нежели какой-либо из ее частей. Их лояльность – если в подобном контексте само это слово не превращается в анахронизм – скорее интернациональная, нежели региональная, национальная или областная» [1].

В связи с «космополитизацией» элит возникает проблема их отказа от ответственности за развитие вверенных им государственных образований. Лэш К. применительно к бизнес-элитам пишет следующее: «Денационализация делового предпринимательства приводит к образованию класса космополитов, которые видят себя "гражданами мира», но не принимают... никаких обязанностей, что обычно налагаются гражданством любого государства". Но космополитизм немногих избранных, не будучи формируемым практикой гражданствования, оборачивается областничеством, пусть и более претенциозным» [1]. То же самое можно сказать и об элитах политических. Когда опора их власти лежит не внутри, а вне государства, то странно ожидать от правящей группы реальной и искренней заинтересованности судьбой подчиненных им граждан. К примеру, правительства стран Евросоюза в не меньшей степени заинтересованы в одобрении своих действий центральным руководством в Брюсселе, чем легитимацией своей власти в глазах населения.

В отдельных странах интересы правящих кругов и масс могут расходиться кардинально. Так, примеры политических процессов на Украине, происшедших в постмайданный период (с января 2014 г.), четко выявили зависимость курса государственной ориентации от персонального состава правящей элиты.

Государственный переворот 2014 г. на Украине привел к смене политической элиты страны. Часть бывшего правящего класса во главе с президентом Януковичем В. и премьер-министром Азаровым Н. оказались в вынужденной эмиграции, ряд бывших политических функционеров правившей ранее «Партии регионов» подверглись репрессиям или были физически устранены (череда «самоубийств» бывших депутатов партии прошла в 2014 и начале 2015 гг., в апреле 2015 г. убиты бывший депутат Калашников О. и журналист Бузина О. [2]).

Праворадикальные экстремисты из националистических группировок начали «мусорную люстрацию» – массовое моральное и фи-

зическое давление практически на всех представителей прежнего государственного аппарата. В продолжение этого процесса Верховная Рада приняла закон «Об очищении власти» (вступил в силу 16.10.2014 г.), который стал юридическим основанием для устранения из государственных институтов сторонников бывшего президента [3]. Согласно заявлениям Яценюка А., ставшего премьер-министром после государственного переворота, под люстрацию подпадает до 1 миллиона чиновников и служащих.

26 октября 2014 г. были назначены досрочные парламентские выборы в Верховную Раду Украины. Непосредственным поводом к проведению досрочных выборов стал распад парламентской коалиции, сформировавшейся в конце февраля 2014 г. Как и предыдущие парламентские выборы (2012 г.), выборы 2014 г. проходили по смешанной системе: согласно законодательству 225 депутатов из 450 должны были быть избраны по партийным спискам, 225 — по мажоритарным округам.

Однако в связи с потерей Крыма и продолжающимся вооружённым конфликтом на востоке Украины по мажоритарным округам вместо 225 было избрано лишь 198 депутатов. Согласно закону о статусе временно оккупированных территорий, в Автономной республике Крым и Севастополе, где расположены 12 мажоритарных округов, выборы не проводились. 26 сентября была завершена регистрация народных депутатов, всего в выборах принимали участие 29 политических партий.

Выборы в 2014 г. отличались от предыдущих прежде всего тем, что они происходили фактически во время войны, хотя официально военное положение не было введено, действовал лишь режим антитеррористической операции (АТО) в ряде районов Луганской и Донецкой областей. Милитаризация общественного сознания, создание соответствующего эмоционального фона СМИ и государственной пропагандой победивших сторонников евроинтеграции привели к невозможности проведения полноценной избирательной кампании. Идеологические противники новой власти, а также сторонники традиционной ориентации Украины на тесное политико-экономическое сотрудничество с Россией не получили возможности для трансляции своих взглядов.

На выборах в 2014 г. украинское общество не могло осуществлять эффективный контроль над ходом избирательной кампании и в

связи с этим стали возможны масштабные фальсификации на местном уровне, подкуп и т.д. Ряд партий фактически были отстранены от участия в выборах: Верховная Рада законодательно запретила деятельность Коммунистической партии Украины, перестала функционировать Партия Регионов. Репрессиям подверглись «пророссийские» силы и кандидаты, которые не могли вести предвыборную кампанию. Сам срок её проведения был сокращен с 60 до 45 дней.

В итоге «Народный фронт» премьера Яценюка А. получил по партийным спискам 64 места и по одномандатным округам 18, «Блок Петра Порошенко» – 63 и 69 соответственно, «Самопомощь» (партия прозападного направления во главе с мэром г. Львова А. Садовым) – 32 и 1, Оппозиционный блок (политическая сила, куда вошли бывшие представители «Партии регионов») – 27 и 2, «Радикальная партия» (правая националистическая радикальная партия во главе с Ляшко О.) – 22, «Батькивщина» (во главе с оппозиционной Януковичу В. бывшим премьером страны Тимошенко Ю.) – 17 и 2, по 1 месту получили «Сильная Украина», «Заступ», «Правый сектор» и “Воля”, а также было избрано 96 самовыдвиженцев.

Интересно сравнить эти результаты с итогами выборов в Раду 2012 г. Тогда «Партия Регионов» получила 72 места по партийным спискам и 114 по одномандатным округам; «Батькивщина» – 62 и 43 места соответственно, УДАР (партия Кличко В., одного из будущих лидеров «майдана») – 34 и 6, «Свобода» (радикальная партия во главе с Тягнибоком О., выступавшим в качестве одного из творцов государственного переворота 2014 г.) – 25 и 12, КПУ – 32 по спискам, «Радикальная партия» Ляшко О. – 1 место, «Единый центр» – 3, Народная партия – 2, «Союз» – 1, беспартийные одномандатники получили 43 места.

Помимо сторонников проевропейских лидеров «майдана», таких, как премьер-министр Яценюк А. и президент Порошенко П., выборы 2014 г. в Верховную Раду привели в парламент радикально настроенных лидеров правого националистического движения (Ляшко О. и его партию «Свобода», ряд деятелей экстремистского движения «Правый сектор» во главе с лидером Ярошем Д., «комбатов» (руководителей «добровольческих батальонов» – независимых от центрального правительства вооруженных формирований)). Коммунистическая партия Украины подверглась сильнейшему дав-

лению, в результате ее представители не смогли попасть в Верховную Раду, а затем был наложен официальный запрет на деятельность коммунистов. В апреле 2015 г. Рада приняла закон, признающий коммунистическую идеологию преступной и приравнивающий её к нацизму, что фактически делает невозможным деятельность в правовом поле любых левых политических партий и организаций.

Таким образом, в органах представительной законодательной власти Украины получили абсолютное большинство силы, ориентированные на прозападный вектор развития страны. Назвать их «новой элитой» в полном смысле нельзя, это скорее «контрэлита» (в понимании Парето В). До государственного переворота эти силы находились в оппозиции к правящим верхам, ориентированным более на восточный вектор и тесный союз с Россией.

Исполнительная власть – правительство Яценюка А. – также было сформировано из праворадикальных или сочувствующих им министров; кроме того, туда вошли граждане иностранных государств (США, Литвы, Грузии). Министерство финансов возглавила Наталья Яресько, американка украинского происхождения, ранее работавшая в Госдепе США; министром экономики стал литовец Айварас Абромавичус – управляющий киевским филиалом инвестиционной компании East Capital, а бывший грузинский министр труда и здравоохранения Александр Квиташвили был назначен главой украинского министерства здравоохранения [4].

С министрами – «варягами», как окрестила их пресса, в правительство пришли и иностранные советники (например, главой Государственной регистрационной службы при министерстве юстиции стал грузин Джамбул Эбаноидзе, советником министра экономического развития и торговли Айвараса Абромавичуса оказалась эстонка Яника Мерило, а его заместителем стал гражданин Германии украинского происхождения Александр Боровик, долгое время работавший в политических структурах Европы и США) [5].

Значительное место в новых правительственных структурах получили представители Грузии. На Украине востребованными оказались сторонники бывшего президента Грузии Саакашвили М. (во главе с ним самим), его команда, которая была вынуждена покинуть свою страну в связи с победой там более умеренных политических сил. Саакашвили является прямой креатурой властей США и проводником проамериканского политического курса. Сам бывший

грузинский президент был назначен главой Одесской области; заместителем министра внутренних дел Украины стала Эка (Екатерина) Згуладзе; на должность начальника Национальной полиции Украины была назначена Хатия Деканоидзе, считавшаяся лицом так называемого babyfacegovernment (грузинского кабинета министров времен правления Михаила Саакашвили); в Генеральной прокуратуре сразу две должности занимает Давид Сакварелидзе – он одновременно является заместителем главы ведомства и прокурором Одесской области; милицию Одессы возглавляет бывший заместитель министра внутренних дел Грузии Георгий Лордкипанидзе; в министерстве юстиции Украины реформами заправляет Гия Гецадзе, формально – первый заместитель министра [6].

Таким образом, представители исполнительных органов власти на Украине являют собой типичный образец космополитической элиты. Они раздают абсолютно популистские обещания народу Украины, исполнить которые не имеют ни возможности, ни желания. Но их интересы и не связаны с национальными интересами Украинского государства, эта часть правящего класса ориентирована на выполнение «политического заказа» вышестоящих «кукловодов», таких, как помощник государственного секретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд, посол США на Украине Джеффри Пайетт, глава представительства ЕС на Украине Ян Томбиньский и др. [7].

Особую роль в современной украинской элите играют представители деловой элиты, бизнесмены-олигархи. «Революция достоинства», как называет государственный переворот 2014 г. официальная украинская пропаганда, велась под лозунгами отстранения от власти олигархов, к числу которых причислялся прежний президент В. Янукович. В настоящее время президентом является не менее богатый олигарх П. Порошенко. В 2015 г. П. Порошенко, по версии журнала «Forbes Украина», занял 8-ю строчку в списке самых богатых людей Украины, а его общее финансовое состояние, по факту на 2015 г., журнал оценил в 750 млн. долларов [8]. К организации «майдана» был причастен глава промышленно-финансовой группы «Приват» И. Коломойский, который занимает 2-е место в рейтинге самых богатых людей Украины (по ситуации на 2015 г.) с состоянием в \$2 млрд долларов, а также является одним из наиболее влиятельных людей на Украине [9]. В результате госпереворота ему

удалось увеличить свое политическое влияние (Коломойского считают спонсором добровольческих батальонов «Правого сектора» и партии «Свобода», в 2014–2015 гг. он занимал должность председателя Днепропетровской областной администрации), которое было конвертировано в увеличение прибыльности своих активов за счет перераспределения собственности противников «майдана».

Бизнесмены Р. Ахметов (которого считают богатейшим человеком Украины), Д. Фирташ, С. Лёвочкин, ранее близкие к провластным структурам, ныне вынуждены вести активную борьбу за сохранение своих капиталов и активов. Тем не менее, они продолжают играть важную роль в политической жизни страны, имеют влияние на ряд представителей исполнительной и законодательной власти.

Пертурбации украинской элиты, на первый взгляд радикально изменившейся после событий зимы 2014 г., на самом деле не являются кардинальными. Во власти находятся люди, которые и ранее занимали высокие государственные посты и были причислены к политическому истеблишменту. И президент П. Порошенко, и премьер-министр А. Яценюк успели поработать в прежних правительствах на ответственных должностях (оба были министрами иностранных дел, имели отношение к экономическому блоку, были депутатами Верховной Рады, а Яценюк – ее председателем), то же можно сказать и о других членах нынешних органов власти. Однако такой концентрации лиц с прозападным вектором политической ориентации одновременно во властных структурах Украины еще не было, ранее существовал определенный баланс сил, в качестве противовеса выступали сторонники союза с Россией. Нынешние власти в угоду своим личным политическим взглядам пошли на радикальные изменения политики, что привело к гражданской войне на востоке страны, к фактическому установлению контроля США и Европы над украинским правительством и его действиями, к уничтожению индустриальной мощи страны (значительная часть промышленных предприятий из-за разрыва традиционных производственно-хозяйственных связей с Россией находится на грани банкротства). Нарушение традиционного способа политической конкуренции (через выборы), использование силовых методов завоевания власти привело к утрате легитимности всех политических структур в глазах населения, что стало причиной гражданской анархии на всех уровнях, роста преступности и тому подобных явлений.

Упомянувшийся уже политолог К. Лэш отмечал, что в настоящее время элитные круги более революционны по своей идеологии, чем массы: «Массы не просто потеряли интерес к революции; сами их политические инстинкты явно консервативнее, чем у тех, кто сами себя назначили их представителями и воображаемыми освободителями» [1]. Радикализация элиты, ее стремление к революционным методам управления и кардинальным реформам, как видно на примере Украины, несет хаос и наносит непоправимый вред именно рядовым гражданам страны.

В связи с этим напрашивается очевидный вывод. Для поддержания устойчивого развития государства важнейшим фактором является поддержание устойчивой и стабильной как по личному составу, так и по политическим ориентациям элиты. Правящий слой государства должен функционировать по прозрачным законам, необходима отлаженная система рекрутирования новых его членов, процедуры инкорпорации и экскорпорации элиты должны носить исключительно мирный характер и находиться в рамках правового поля. Любое нарушение легитимных процедур приведет к всеобщему исчезновению традиционных принципов взаимоотношений массы и элиты. Даже сама элитная группа, получившая мандат на управление государством в результате избирательной кампании и конституционных, юридически законных способов формирования властных институтов, должна с большой осторожностью подходить к каким-бы то ни было реформам в области политического управления. Колебания политического вектора внешних ориентаций также должны быть предсказуемы и не наносить урона традиционным направлениям, сложившимся межличностным связям, культурно-историческим ориентациям общества.

Использованная литература:

1. Лэш Кристофер. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. / Перевод Дж. Смити, К Голубович. / Кристофер Лэш. – М.: издательство «Логос»; издательство «Прогресс»,. 2002. – 224 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/lesh_kristofer/vosstanie_elit_i_predatelstvo_demokratii.html. – Дата доступа 14.11.2015.

2. Пак, М., Поворазнюк, С., Подгорный, Н. Убойный задел. За что на Украине были убиты политик Калашников и журналист Бузина / М. Пак, С. Поворазнюк, Н. Подгорный // Lenta.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2015/04/16/buzuna_kalash/. – Дата доступа: 14.11.2015.

3. Люстрация на Украине. // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 14.11.2015.

4. Le Monde: Иностранцы в правительстве Украины – реверанс в сторону Запада. / Monde Le // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2014-12-03/Le-Monde-Inostranciv-pravitelstve>. – Дата доступа: 14.11.2015.

5. Дульман, П. «Варяги» бегут из Киева. Иностранным специалистам стало неуютно в правительстве Яценюка. / П. Дульман // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/20/ukraina.html> – Дата доступа: 14.11.2015.

6. Подгорный, Н. Реформенное безобразие. Зачем главой полиции Украины назначили очередного грузинского чиновника. / Н. Подгорный // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/11/07/gruzaina/>. – Дата доступа: 7.11.2015.

7. Подгорный, Н. Иностраный легион. Кто из западных чиновников принимает решения на Украине. / Н. Подгорный // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2015/09/18/eu_usa_ua/. – Дата доступа: 19.09.2015.

8. Дорош, С. Год бизнеса президента Порошенко. / С. Дорош // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/05/150526_ru_s_poroshenko_business_anniversary. – Дата доступа: 14.11.2015.

9. Коломойский, Игорь Валерьевич. // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 14.11.2015.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БССР В ООН. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 50-Х ГГ. XX В.

Давидович А.В.,
кандидат исторических наук, доцент,
Киселева С.А.,
старший преподаватель

В один из самых решающих этапов Второй мировой войны, в марте 1944 г., в г. Гомеле состоялось важное событие для всей послевоенной истории БССР. Был принят Закон о создании Народного комиссариата иностранных дел. В дальнейшем это позволило белорусской республике самостоятельно принимать ряд международных политических решений и вступить в новую организацию – Организацию Объединенных Наций. Какой же была роль БССР в решении вопросов, стоявших в повестке дня ООН, в 50-е гг. XX в.?

Долгим, сложным и противоречивым был путь к «объединению наций». Впервые совместная декларация США и Англии, получившая название "Атлантическая хартия», была подписана 14 августа 1941 г. В этом документе сказано, что после уничтожения фашизма следует объединить усилия на пути у миру. В Лондоне 24 сентября 1941 г. прошла конференция, на которой делегация СССР подтвердила свое участие в этом союзе. В последующем к Атлантической хартии присоединились те, кто попал под фашистскую оккупацию, всего 9 стран.

Следующий шаг на пути к ООН – это «Декларация Объединенных Наций». Она принята в январе 1942 г. в Вашингтоне и подписана представителями четырех государств – СССР, США, Англии, Китая. Затем этот документ подписали представители 22 государств.

В октябре 1943 г. очередное совещание проводилось уже в Москве. В совместном заявлении определены конкретные цели, задачи и сроки создания международной организации. Подведением итогов этих процессов стали решения Тегеранской конференции, а в период с 21 августа по 7 октября 1944 г. в г. Думбартонокс представители четырех держав осуществили последние согласования об уставе данной организации. На конференции был создан руководящий комитет, в состав которого вошли главы всех государств-

участников. Проект Устава состоял из четырех разделов и предполагал создание в структуре ООН 12-ти технических комитетов. Определены были и правила голосования: по основным вопросам – большинство в две трети голосов, по вопросам организационного характера – простое большинство. В состав комитетов вошли представители всех государств, а официальными языками стали пять: итальянский, английский, китайский, французский и испанский.

Важным событием в мировой истории стало совещание представителей 50 государств, которые 25 апреля 1945 г. встретились в г. Сан-Франциско (США). На этой встрече главным вопросом, обсуждаемым и в предыдущий период, был вопрос об основах ООН. Это и определило характер дискуссий о сотрудничестве и равенстве народов и их вкладе в новую систему безопасности после окончания Второй мировой войны. Вопрос о членстве Беларуси в ООН имел давнюю историю. Еще на Крымской конференции в 1945 г. У. Черчилль поддержал предложение советского правительства о членстве БССР в ООН. Он сказал: «Мое сердце с Белой Русью («Уайт Раша»), которая, истекая кровью, свергла тиранов».

Участники этого исторического форума единогласно приняли решение: пригласить БССР и УССР в качестве учредителей международной организации безопасности, о чем 1 мая 1945 г. официально было оповещено правительство БССР. В приглашении говорилось, что правительство США от своего имени и от имени правительства Великобритании, Советского Союза и Китая приглашает правительство БССР направить представителей для подготовки Устава всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности [1, с. 5].

В состав первой делегации БССР на заседание ООН были включены многие известные политики и ученые. Сложным оказался вопрос о руководстве и составе белорусской делегации для поездки в США. Председатель СНК БССР П. Пономаренко говорил о серьезных трудностях в подборе кандидатов: «Крупные общественные деятели Белоруссии не могли быть включены в число кандидатур ввиду незнания языков» [2, с. 82].

В результате делегация БССР на учредительной конференции в Сан-Франциско (1945 г.) была представлена в следующем составе: Г. Байдуков – народный комиссар строительных материалов, Ф. Шмыгов – руководитель политического отдела наркомата ино-

странных дел. К. Киселев* – народный комиссар иностранных дел (руководитель делегации), А. Жебрак* – президент АН БССР. В состав технического персонала вошли В. Формашев (консультант), М. Петрова (переводчик), Нестерова (переводчица-стенографистка).

В первые десятилетия существования ООН белорусская делегация приняла самое деятельное участие в работе комиссий ООН. В 1947 г. была организована экономическая комиссия для Европы, затем возникли Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Международная организация по вопросам мирного использования атомной энергии. Проекты уставов этих организаций были подписаны 23 октября 1956 г. в Нью-Йорке представителями 70 государств.

Представители БССР отбыли на конференцию 2 мая 1945 г., совершив длительный перелет в США. Начало конференции ООН совпало с событием мирового значения – 8 и 9 мая 1945 г. в Германии был подписан акт о капитуляции. Это дало повод руководителям дипломатического ведомства СССР организовать приём в честь Победы. На нем присутствовали более 700 человек, представлявших мир дипломатии. Из именитых гостей выделялись министры иностранных дел Англии – А. Иден, Франции – Бидо, госсекретарь США – Э. Стеттиниус. Среди гостей были не только политики, но и деятели науки, образования, искусства разных стран.

Многие из них на этом приеме, как вспоминает глава советской делегации К.В. Киселёв*, впервые услышали о Белоруссии, интересовались участием белорусского народа в войне, ее наукой, культурой, отличием белорусского и русского языков. День Победы, вклад в нее СССР, БССР и УССР стал темой обсуждения в различных комиссиях и на заседаниях ООН.

* Киселев Кузьма Венедиктович (19.10.1903 – 4.05.1977), партийный и государственный деятель БССР, дипломат, кандидат медицинских наук (1936). Окончил Воронежский университет. С 1937 г. нарком охраны здоровья БССР, в 1938 – 1940 гг. – Председатель СНК БССР. С 1944 г. – нарком, в 1946–1966 гг. – министр иностранных дел БССР [6, с. 85].

Жебрак Антон Романович (27.12.1901 – 20.5.1965) – белорусский советский ботаник, генетик, общественный деятель. Академик АН БССР (1940). Окончил Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева (1925), институт красной профессуры (1929). Профессор генетики и селекции Академии социалистического земледелия в Москве. С 1947 г. – президент АН БССР [7, с. 453].

Как это бывает по протоколу, советская делегация провела пресс-конференцию. На ней присутствовали 700 журналистов, не только аккредитованных на конференцию, но и приехавших специально для встречи с советской делегацией. Их знакомили с белорусской историей, событиями прошлого, войнами, в которых участвовали предки белорусов. На пресс-конференции, возможно, впервые для многих прозвучали имена представителей белорусского искусства, известных князей, магнатов. Подобное общение позволило обсудить вопрос о возможностях культурного обмена, создания международного сотрудничества в сферах науки и искусства. С этого началась серьезная работа по реализации подобных предложений.

Одной из первых американских организаций, откликнувшейся на предложение об установлении культурных контактов, стал американо-русский институт. Его президентом в те годы был профессор Робертсон. Главным направлением стал обмен научной и периодической литературой, при этом со стороны БССР были представлены различные издания по белорусской истории, языку. В последний день заседания конференции ООН также состоялся дипломатический приём. На это раз его давал новый глава правительства США Г. Трумен.

Пожалуй, самым главным в Сан-Франциско стало обсуждение основных уставных документов ООН, что вызвало ожесточенные дискуссии, борьбу за каждое слово, абзац, предложение. Однако все эти многочисленные параграфы и главы можно свести к одной важнейшей фразе, сформулированной в проекте Устава ООН и не вызвавшей у участников разногласий: «Избавить грядущее поколение от бедствий войны». С учетом перспективы в Уставе были названы не только первоначальные члены ООН, подписавшие документ, но и представлена возможность для других государств в будущем присоединиться к этому сообществу.

Весьма сложным стало принятие решения о праве «вето», то есть, принципе единогласия великих держав. Белорусская делегация по этому вопросу отстаивала обязательную практику единогласия пяти держав (СССР, США, Англия, Франция, Китай). Это было связано с выстраданным опытом войны и действиями в ней союзников, каждый из которых не должен иметь каких-то привилегий [5, с. 312].

Высшим органом ООН в процессе обсуждения была названа Генеральная Ассамблея. По этому поводу делегаты дискутировали о

том, какой ей быть: дискуссионным клубом или практически работающей организацией.

С первых дней конференция ООН в Сан-Франциско показала, что решение ряда глобальных вопросов вполне реально. Таким был, например, колониальный вопрос. Важность его решения определялась тем фактом, что в 1945 г. 60% территории Земли занимали колонии. Каких только проектов не выдвигали участники ООН. Однако после дискуссий делегаты приняли документы: «Совет по опеке», «Международная система опеки». Потеря территорий колоний США и Англией, рынков сырья вынуждала многие европейские государства пересмотреть свою экономическую политику. С этой целью в ООН была принята «Декларация о международном экономическом сотрудничестве». Она расширяла возможности организации влиять на разрешение проблем в различных сферах: культуры, образования, здравоохранения.

Окончание Второй мировой войны означало возможность справедливого возмездия фашизму. ООН приняла решение о создании Международного суда. В подготовке нового проекта участвовали юристы 42 стран. В итоге в состав суда были избраны 15 судей, выбор которых был в компетенции Ассамблеи ООН. Местом заседаний суда стал г. Гаага (Нидерланды). После предварительных заседаний пришло время подписания основных документов. Произошло это 26 июня 1945 г., а 20 августа 1945 г. Верховный Совет БССР ратифицировал эти документы.

Первое заседание сессии Генеральной Ассамблеи ООН было назначено на 10 января 1946 г. в Лондоне. Делегацию БССР возглавил министр иностранных дел К.В. Киселев. Представители белорусской делегации вошли в состав Мандатного комитета. Согласно договору, первое заседание сессии Генеральной Ассамблеи ООН началось с общей дискуссии по любому вопросу, внесенному в повестку дня.

На эту дискуссию белорусская делегация вынесла самый трудный для неё вопрос: о проблемах её жителей в первом послевоенном 1946 г. Необходимо было найти обоснования, объективные свидетельства зверств фашистов в период оккупации. Это было очень ответственное выступление, не позволившее навязываемую делегациями ряда латиноамериканских стран дискуссию по определению термина «военный преступник». Результатом этой работы стало принятие 13 февраля 1946 г. резолюции «О выдаче и

наказании военных преступников». Следующим шагом в этом направлении стало голосование по кандидатурам в Международный суд. Их было выдвинуто 73 человека.

Мировое сообщество летом 1946 г. решало ещё один важный послевоенный вопрос – как строить в будущем отношения со странами-союзниками Германии: Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией, Финляндией. Следовало провести эти отношения через документы ООН. Именно с этой целью в июле 1946 г. была организована конференция в Париже. Среди 21 государства в ней участвовала и БССР. Главное противоречие на этом форуме ООН проявилось между сторонниками мирного сосуществования и сторонниками «холодной войны» [6, с. 98].

Заседание было открыто выступлением А.Н. Громыко, руководившего делегацией СССР. Он изложил официальную точку зрения нашей страны: союзники Германии должны нести коллективную ответственность за совершенное преступление и выплатить компенсации. Он также заявил, что существует необходимость определить послевоенные границы Европы.

Поддерживая эту точку зрения, белорусская делегация отмечала, что проект, выдвинутый премьер-министром Италии де Гаспери, не содержит критики и осуждения итальянского фашизма и нуждается в пересмотре. Что касается Югославии, то её претензии на спорные земли и границу с Италией представители БССР активно поддержали. Так определилась «белорусская поправка» к вопросу. В результате обсуждения конференция приняла решение, согласно которому Италия должна была выплатить СССР репарации в сумме ста миллионов долларов, часть из которых получили впоследствии БССР и УССР.

Комиссия по подготовке мирного соглашения с Болгарией также столкнулась с рядом сложных проблем. И опять это был вопрос о границе между Болгарией и Грецией. Во многом на расстановку сил оказал влияние тот факт, что председательствовала на этой комиссии белорусская делегация, предложившая особый вариант разрешения конфликта.

Румынская, венгерская и финляндская проблема определялась во многом тем, что в 1944 г. эти государства выступили против Германии на стороне союзников, порвав с ней дипломатические отношения. По этому вопросу белорусская делегация внесла ряд предло-

жений: о частичных репарациях с этих стран, о невмешательстве США и Англии в добычу нефти на территории Румынии.

Решения комиссий были вынесены на пленарные заседания, завершившие свою работу 15 октября 1946 г. Следует отметить факт, важный для всей последующей истории: все решения принимались коллегиально, путем простого голосования большинством представителей 22 государств.

Работа ООН продолжалась и 16 сентября 1947 г. в Нью-Йорке состоялась вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Все выступившие единодушно говорили о необходимости мира. Однако противоречия США и СССР серьезно повлияли на характер дискуссий, несмотря на то, что прошло лишь два года после победы во Второй мировой войне. Это создало угрозу существования самой ООН. В то время многие политики высказывали мнение, что 1947 г. может стать началом дипломатической войны, отзвуки которой прозвучали в выступлении главы американской делегации Д. Маршалла. Страсти накалились до того, что его оппонент, глава делегации СССР А.Я. Вышинский предложил проголосовать за положение о введении уголовной ответственности за пропаганду новой войны.

Это была очень сложная дискуссия, в которой приняли участие Сирия, Египет, Индия, БССР. Они обсуждали вывод английских войск из Египта, палестинский кризис, вопрос об атомном оружии. Белорусская делегация участвовала в обсуждении вопросов о прекращении военных конфликтов в Палестине, Греции, Индонезии.

Пришло время на практике показать новой Организации Объединенных Наций ее реальные возможности в разрешении военных конфликтов. Славянские делегации, в том числе и белорусская, требовали отозвать иностранные войска из Греции. Они представили убедительные свидетельства о борьбе греческого народа против фашизма, об отказе властей Греции привлечь к ответственности военных преступников. Более того, некоторые из них после войны вошли в состав греческого правительства. Однако становилось очевидным, что США стремились провести интересы своей политики как закон для ООН, поэтому белорусская делегация отклонила проект резолюции, предложенный США по греческому вопросу.

В 1947 г. в выступлениях руководства США и Англии прозвучали требования удалить из ООН советские, прокоммунистические силы, чтобы контролировать политику зависимых от капитала

США стран; вывести советские войска из Восточной Германии. Все это стало объектом дискуссий на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Руководитель белорусской делегации отметил характерную особенность в выступлениях своих оппонентов. Они утверждали, что пропаганда новой войны – это неотъемлемая часть свободы слова в западной печати, поэтому США, Англия и ряд других стран выступили против проекта резолюции о пресечении пропаганды войны. В итоге был принят вариант резолюции советской делегации «О мерах, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей войны».

Обсуждаемые вопросы, выносимые на рассмотрение ООН, требовали длительного анализа и поэтому изучались на отдельных сессиях ООН. В частности, 28 апреля 1947 г. на специальной сессии решался вопрос о Палестине. В чем была его особенность? Многие делегаты предлагали разделить Палестину на две части: арабскую и еврейскую, а Иерусалим сделать городом мира. Второй вариант, предложенный на совещании – это создание федеративного государства. Против этих планов выступили представители Высшего арабского комитета. Эпицентром дискуссии стало голосование, в результате которого был принят первый вариант.

Объектом внимания Политического комитета был и Корейский вопрос. В течение двух лет он обсуждался правительствами США и СССР, но безуспешно, поэтому был вынесен на обсуждение ООН. Существовали два варианта разрешения конфликта, которые привели к разделению Кореи на Северную и Южную. Однако для его решения США отказались пригласить на заседание ООН корейскую делегацию. Кроме того, они планировали создать военно-морскую базу на территории Кореи. Предложения СССР, УССР и БССР были следующими: вывод всех иностранных войск и проведение выборов. Поскольку это предложение не было поддержано, советские делегации отказались от голосования. Подобная ситуация привела к обострению конфликта и началу в июне 1950 г. войны в Корее. Инициатором конфликта были США.

На Генеральной Ассамблее ООН работали различные комитеты. Один из них оказался в центре внимания в октябре 1947 г. Это комитет по социальным и гуманитарным вопросам, на котором обсуждались вопросы о работорговле в XX в. США и Англия стремились сохранить колониальную систему и свое влияние в зависимых

странах, значит, и свой взгляд на политику работоторговли. Однако 52 делегации поддержали предложения СССР, БССР и УССР о прекращении подобной практики.

Наступил 1948 г. В сентябре этого года в Париже начала свою работу третья сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которую прислали своих делегатов уже 58 стран. Это было время, когда обсуждалась проблема использования атомной энергии. Главной целью ведущих государств было установление контроля за применением атомной энергии. Здесь вновь столкнулись государственные интересы США и СССР. Американцы предложили свой вариант плана на обсуждение в ООН. Они говорили о необходимости создать независимый от всех организаций международный комитет, который будет контролировать весь процесс – от добычи атомного сырья до работы всевозможных НИИ. Этот комитет, по сути, получал возможность вмешательства во внутренние дела любого государства. Однако в предложенном плане не учитывалось прекращение производства атомного оружия.

Что касается СССР, то он последовательно предлагал запретить производство атомного оружия (апрель 1946 г., март 1950 г. и т.д.). Но расстановка сил на заседании ООН позволила провести предложение США. Это привело к кризису и прекращению работы Комиссии по разоружению. В 1949 г. на заседании Политического комитета ООН по вопросу о разоружении выступили представители белорусской делегации. Слово было представлено поэту П. Бровке.

В декабре 1950 г. очередная, пятая сессия Генеральной Ассамблеи проходила в Нью-Йорке. В общих прениях выступили и представители белорусской делегации, которые предложили принять Декларацию об устранении угрозы новой войны. Большое значение придавалось подписанию Пакта мира пятью государствами: СССР, США, Англией, Китаем, Францией. Понадобилось много лет, чтобы эти предложения оказались реализованы [7, с. 120].

На заключительном совещании сессии Генеральной Ассамблеи ООН был утвержден флаг и эмблема ООН, а также принято решение утвердить день 24 октября 1945 г. как День ООН.

Итогом многолетней борьбы делегатов БССР стало подписание СССР, США, Англией 5 августа 1963 г. в Москве договора о запрете ядерного оружия, а 8 августа этого года власти БССР ратифицировали этот договор.

2015 г. прошел под знаком 70-летия Организации Объединенных Наций. За это время на нашей планете прошло немало конфликтов и войн, немало попыток предпринимали делегации, продолжая дискутировать и спорить на заседаниях ООН по вопросам войны и мира. Выполнила ли ООН ту миссию, ради которой эту организацию создавали? Вся ее история отразила борьбу сил войны и мира, очень сложную и противоречивую. Усилия ООН во многом способствовали сдерживанию воинствующих в мире сил, трибуна ООН стала важнейшим местом публичного обсуждения и принятия решений по этой самой злободневной мировой проблеме.

Использованная литература

1. Челединский, А. Путь и перспективы ООН. / А. Челединский // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 3. – С. 5–12.

2. Смирнов, В. 60 лет ООН. /В. Смирнов // Белорусская думка. – 2005. – № 10. – С. 13–20.

3. У Снапкоўскі. Кісялеў Кузьма Венядзіктавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мінск: БелЭн., 1977. – Т. 4 – 432 с.

4. Жебрак Антон Романовіч // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: у 12 т.– Мінск: БелСЭ, 1971. – Т. 4. – 607 с.

5. Организация Объединенных Наций: основные факты (справочник), пер. с англ. – М.: Весь мир: Изд. Дом ИНФА, 2000. – 403 с.

6. Организация Объединенных Наций в наши дни: к 40 летию ООН / С. Грибков, Г. Морозова, В. Петровский. – М.: Изд-во агентства печати "Новости", 1985. – 216 с.

7. Снопковский, В.Е. Внешнеполитическая деятельность Беларуси. 1944–1953 гг. / Под редакцией Ю.П. Бровки – Мінск.: «Беларуская навука», 1997. – 207 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НЭПА

Довнар Л.А.,
кандидат исторических наук, доцент

Экономическая экспертиза – это системное документальное изучение, согласно поставленным вопросам, экономических (учетных, финансовых) и хозяйственных составляющих деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, аналогичных операций физических лиц и составление по результатам экспертного исследования соответствующего документа на основании специальных познаний эксперта в экономической сфере [1, с. 34]. Объектами экспертизы являются бухгалтерские и финансовые документы, первичные учетные документы, сводные регистры бухгалтерского учета, формы бухгалтерской отчетности, инвентаризационные ведомости, договоры, сметы расходов, производственные и финансовые планы, а также иные материалы дела, в том числе документы, определяющие порядок проведения хозяйственных и финансовых операций, акты проверок, различные справки, выписки и уведомления организаций, протоколы следственных действий и судебных заседаний, показания обвиняемых, свидетелей и потерпевших, заключения экспертов других специализаций [2, с. 12]. Предметом исследования судебно-экономической экспертизы является злоупотребление собственником своими правами и обязанностями в ущерб другим собственникам и государству. Прежде всего, исследуется имущественный вред, причиненный сознательно (с виной в форме прямого умысла) [3, с. 11].

Экономическая экспертиза в Беларуси прошла определенную эволюцию, которая обусловлена совершенствованием системы бухгалтерского учета, финансового контроля и аудита. Многие методы и методические подходы данного вида судебных исследований были заложены в период НЭПа. Поэтому изучение становления и развития экономической экспертизы в Беларуси в 1920-е гг. представляется актуальным.

Новая экономическая политика 1921–1925 гг. позволила возродиться частному капиталу в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, появились частные кредитные организации. Все они

подлежали контролю со стороны финансовых инспекторов и бухгалтеров, работавших в уголовном розыске. Именно они первыми стали осуществлять судебно-экономическую экспертизу в современном ее понимании. Фининспекция промышленных и торговых предприятий проводилась каждое полугодие. Первостепенной задачей фининспекторов в то время было выявление факта использования наемной рабочей силы, определение количества наемных рабочих и проверка условий трудового контракта. Дело в том, что именно от этого зависел общий объем налогообложения частного предприятия. Так, если не использовалась наемная рабочая сила, то социальный статус лица, занимающегося производством товаров или оказанием услуг, определялся как «ремесленник». Он считался «идеологически и экономически приближенным к фабричным рабочим» и платил только общий пропорциональный налог [4, с. 11]. Тот, кто нанимал 1-3 работников, относился к кустарям и выплачивал патентный сбор и местные налоги. При наличии большего количества наемных рабочих владелец предприятия считался «промышленником». Он обязан был выплачивать дополнительный «промышленный сбор». Неудивительно, что факт применения наемной рабочей силы часто не фиксировался документально, а в случае непосредственного визита фининспектора рабочие называли себя «помогающими другу бесплатно». В этих случаях фининспекторы собирали свидетельские показания у населения. Была разработана методика исчисления норм выработки продукции за один рабочий день и сопоставление с количеством товаров на складе и количеством реализованных товаров [5, с. 28].

Факт наличия дополнительной рабочей силы устанавливался путем сравнения отчетных данных и сопоставления с показателями других предприятий. В процессе сравнения устанавливались различия в использовании на исследуемых объектах производственных ресурсов, а при сопоставлении оценивались результаты их деятельности. Так, на Витебском предприятии по обработке меха выпускались изделия детского ассортимента. При проверке данного предприятия фининспектором М. Каницким было обнаружено, что данным предприятием с численностью работающих 4 человека было произведено столько единиц готовой продукции, сколько выпускалось в цехе соседнего государственного предприятия аналогичного профиля с численностью работающих в количестве 22 человека.

Впоследствии выяснилось, что реализуемая частным предприятием продукция фактически выпускалась в качестве неучтенной продукции на соседнем государственном предприятии [6, с. 41].

Наемные рабочие частных предприятий имели право предъявить претензии к нанимателю по поводу различных злоупотреблений при оплате своего труда. Фининспекторы разработали методику проверки правильности начисления заработной платы, выплат стимулирующего и компенсирующего характера. Она включала в себя устный опрос при предварительной оценке состояния учета расчетов с работниками по зарплате, сопоставление фонда заработной платы отчетного периода с данными предыдущих периодов, анализ динамики заработной платы по каждому работнику предприятия.

Весьма распространённым способом уклонения от налогов являлось завышение затрат на производство. В основу анализа фининспекции был положен показатель «материальные затраты на рубль прибыли от реализации продукции». Он анализировался за каждый месяц проверяемого периода. В тех месяцах, где он был выше по сравнению с другими, проводилась углубленная проверка. Признаками преступной деятельности являлись завышение стоимости и расхода сырья по сравнению со средними отчетными показателями. Если этот факт не оправдывался объективными причинами: ростом цен на сырье, порчей сырья или пожаром, тогда владелец предприятия попадал под следствие [7, с. 24].

Многие промышленные и торговые предприятия периода НЭПа являлись арендными. Нередко арендаторами выступали бывшие собственники этих предприятий. Нарушение условий аренды также получило значительное распространение. Среди них – неверный порядок расчета размера арендной платы за пользование зданиями, сооружениями и помещениями, находящимися в государственной собственности; незаконная сдача в аренду зданий и сооружений; невыполнение условий договора аренды; несоблюдение условий эксплуатации объектов аренды.

Фининспектор устанавливал правильность внесения в документы различных данных и сведений, проводил проверку составленных цифровых расчетов. Например, площадь арендуемого здания сопоставлялась со сведениями, использованными для расчета нормированной площади. Как правило, фининспектором применялся способ сплошного наблюдения, то есть, изучались все документы и опера-

ции, относящиеся к заключению и исполнению договора аренды. Это повышало вероятность раскрытия нарушений и недостатков, положительно отражалось на объективности и достоверности выводов по результатам исследования [8, с. 19].

В первой половине 1920-х гг., кроме маскировки применения наемной рабочей силы, возникло множество других налоговых правонарушений и преступлений. Типичными стали занижение оборота предприятия для уменьшения налогообложения, оформление крупного предприятия под видом нескольких мелких, нарушение установленного срока представления в налоговый орган информации об открытии или закрытии счета в кредитной организации; непредставление в установленный срок фининспектору документов и иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде и т. д.

Результаты фининспекции помогали правильно определить меру ответственности по следующим нарушениям закона: кража, мошенничество, присвоение или растрата, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, фиктивное банкротство, нарушение установленного срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе, неуплата или неполная уплата суммы налога, сбора.

В первой половине 1920-х гг. наблюдался быстрый рост количества частных торгово-промышленных предприятий. Фининспекторов не хватало. Привлечение к экспертной деятельности специалистов, работавших в Северо-западной областной торговой палате, не смогло удовлетворить потребности правоохранительных органов на экспертные исследования.

В этих условиях началось формирование профессиональных организаций, основной целью которых было проведение судебно-бухгалтерских экспертиз. В 1924 г. по решению Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР был создан орган независимого финансового контроля – Институт государственных бухгалтеров-экспертов (ИГБЭ) при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции СССР. ИГБЭ имел широкую сеть местных органов, в том числе в БССР. Первоначально специалисты ИГБЭ осуществляли экспертизы отчетности, документов по отдельным разделам бухучета и по результатам проверки оформляли соответ-

ствующие заключения. Экспертизы проводились по требованию государственных, судебных и следственных органов, а также по инициативе частных лиц и учреждений. Организационная структура ИГБЭ состояла из центрального бюро и нескольких подотчетных секций. [10, с. 29].

Сотрудники ИГБЭ проходили определенный квалификационный отбор, который включал обязательный практический опыт работы по одному или нескольким направлениям бухгалтерского счетоводства: бюджетному, промышленному, кооперативному, торговому, банковскому, сельскохозяйственному. Уже тогда работа этой профессиональной организации разграничивала направления проводимых экспертиз: техническая, экономическая и бухгалтерская деятельность субъекта. Техническая экспертиза анализировала производственный процесс, качество и эффективность использования технического оборудования, состав и качественные характеристики сырья, материалов, полуфабрикатов, готовой продукции. В качестве экспертных приемов использовались механические и технологические расчеты, проводились испытания с привлечением специалистов: инженеров, технологов, механиков и др. Экономическая экспертиза исследовала экономические показатели деятельности учреждения с точки зрения эффективности, рациональности, стабильности организационной структуры и производственного процесса. Основная цель бухгалтерской экспертизы заключалась в установлении законности и правильности организации бухучета, документооборота и формирования отчетности о результатах хозяйственной деятельности [9, с. 32].

Назначение экспертизы и процессуальное положение эксперта определялись Уголовно-процессуальным кодексом БССР, утвержденным 15 марта 1923 г. Основаниями для производства судебно-экономической экспертизы являлись постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя или прокурора [10, с. 32].

Экспертиза сотрудников ИГБЭ учитывала опыт фининспекций предыдущего периода, но основывалась на научном подходе и могла решать следующие диагностические задачи:

поиск документальных данных, подтверждающих (или опровергающих) факты несоответствия данных бухгалтерского учета реальному содержанию хозяйственной деятельности;

выявление необоснованных учетных операций, определение их влияния на правильность отражения хозяйственной деятельности и ее результатов в системе бухгалтерской информации;

определение методических просчетов контролеров, которые не смогли вскрыть несоответствия между учетными данными и реальным содержанием хозяйственных операций;

определение экономической обоснованности финансовых показателей предприятия торговли или промышленности в случаях искажения данных о доходах и расходах;

исследование финансового состояния и платежеспособности предприятия торговли или промышленности;

выявление диспропорции в соотношении между себестоимостью продукции и динамикой применяемых цен в целях установления фактов искажения отчетных данных о прибыли предприятия торговли или промышленности;

выявление фактов искажения отчетных данных по объему выпущенной продукции;

проверка правильности расчетов себестоимости продукции (работ, услуг), производственного брака (ненормируемых потерь, порчи материальных ценностей), размера арендной платы за предоставленные в аренду объекты, заработной платы (должностного оклада, сдельного заработка, отдельных премий, надбавок, доплат, выплат) [11, с. 26].

Таким образом, в период НЭПа в Беларуси был сформирован институт экономической экспертизы как самостоятельный субъект экспертных исследований, объединенных общностью знаний различных наук экономического профиля. Фининспекторами, а затем специалистами Института государственных бухгалтеров-экспертов были разработаны методика исследования операций по оплате труда работников частновладельческих предприятий, методика исследования операций по аренде недвижимости, методика экспертного исследования операций с материально-производственными запасами, методика исследования налогообложения. Все они успешно применяются в современной экспертной практике.

Использованная литература

1. Сидельников, С.Ю. Экспертиза сегодня и завтра. / С.Ю. Сидельников. – М.: Юрист, 1997. – 54 с.

2. Российская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. / Е.Р. Российская. – М.: Норма, 2005. – 347 с.

3. Зинин, А.М. Судебная экспертиза. /А.М. Зинин – М.: Право и закон, 2002.

4. НА РБ, фонд 101.– Оп. 1. – Д. 2479.

5. НА РБ, фонд 7. – Оп. 1. – Д. 656.

6. НА РБ, фонд 30. – Оп. 1. – Д. 1317.

7. НА РБ, фонд 18. – Оп. 1. – Д. 199.

8. НА РБ, фонд 18. – Оп. 1. – Д. 166.

9. Богомолов, А.М. Судебная финансово-экономическая экспертиза по делам о незаконном получении кредита и банкротстве. / А.М. Богомолов – М.: Приор, 2002. – 152 с.

10. НА РБ, фонд 265. – Оп. 1. – Д. 2153.

11. НА РБ, фонд 18. – Оп. 1. – Д. 321.

12. НА РБ, фонд 7. – Оп. 1. – Д. 656.

«ТРУДОГОЛИК» ДОЦЕНТ АРБУЗОВ

Долготович Б.Д.,
кандидат исторических наук, доцент

Тридцать лет работал в БПИ-БГПА-БНТУ на кафедре истории кандидат исторических наук Анатолий Тимофеевич Арбузов. Любые замены и подмены занятий любого преподавателя мог осуществить на кафедре только А.Т. Арбузов. И без всяких преподавательских условий. «Безотказный сменщик», – такова была его кличка. И эта «палочка-выручалочка» позволяла в определенных случаях удерживать бесперебойный учебный процесс.

Кто же он – один из ветеранов кафедры?

Окончив в 1964 г. институт механизации сельского хозяйства, Арбузов остался верен родной земле. Его дача одна из лучших. Плоды урожая с его дачи сотрудники кафедры ежегодно «дегустировали»: как овощи и фрукты, так и другие продукты. Не считая различных цветов к 8 Марта. Он «трудоголик» вдвойне: на даче и на работе.

Любовь к труду он познал с самого детства. В семье было четыре брата и две сестры. Толя родился в 1938 г. С 1956 г. трудился на животноводческой ферме в колхозе «Беларусь» Дубровенского района Витебской области, затем киномехаником передвижек, инженером-конструктором завода металлоконструкций № 1. 16 лет, с 1966 по 1982 гг., работал в комсомольских, профсоюзных органах и на партийной работе. С 1982 по 2013 гг. являлся преподавателем, доцентом на кафедре истории в БНТУ. Итого: трудовой стаж 57 лет, не считая практически бесплатную работу в колхозе в 1950–1957 гг.

Около 10 лет Арбузов совершал поездки по многим республикам Советского Союза с лекциями по линии республиканского общества «Знание». Как лучший лектор общества «Знание» поощрялся поездками в страны ближнего зарубежья (Болгария, Чехия, Польша, ГДР). Нельзя не отметить и такие качества Анатолия Тимофеевича, как щедрость, душевность, уважение к старшим и молодежи, его оптимизм и бодрость духа.

Под статью и его боевая подруга Евгения Иосифовна, тоже ветеран труда, проработавшая преподавателем иностранного языка свыше 30 лет, из них более 10 лет в БНТУ и 20 лет в педучилище.

Их дети Андрей и Екатерина окончили наш БНТУ.

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР, УЧЁНЫЙ, ПАТРИОТ

Долготович Б.Д.,
кандидат исторических наук, доцент

Недавно группа писателей Республики Беларусь посетила агротехнический колледж в деревне Новое Поле в Минском районе. Все были приятно удивлены при виде экспозиции музея боевой славы партизан Минского района. Этот уникальный музей партизанской славы создан на общественных началах и существует уже более 20 лет.

В экспозиции музея я увидел целый стенд, посвященный помощнику комиссара партизанского отряда имени Калинина Хацкевичу Александру Федоровичу: его фото, документы, личные вещи, история отряда и его командиров. В семи залах музея раскрыта панорама всенародной партизанской борьбы в бывших Заславском, Радосшковичском и Минском районах.

В разговоре с руководством колледжа я узнал, что музей создавался под руководством доктора исторических наук, профессора А.Ф. Хацкевича. Из-за скромности Александра Федоровича на кафедре истории Белорусского политехнического института, которую он возглавлял около 20 лет, никто об этом не знал. Ведь в эти годы и я работал на кафедре. И вот спустя свыше 20 лет после его смерти и в связи с 60-летним юбилеем кафедры я хочу рассказать о нашем ученом – патриоте – партизане.

Меня заинтересовал один вопрос: почему именно здесь под его руководством был создан этот музей? И выяснил. Здесь его родина, здесь прошла его юность в годы войны. Здесь все его родные, близкие, знакомые. И, видимо, не случайно в ЦК КПБ было поручено именно ему возглавить комиссию по исследованию связи партизан, его земляков, с местным подпольем. Это он вернул из небытия руководителя Минского подполья И.К. Ковалева, бывшего первого секретаря Заславского РК КПБ.

Хацкевич А.Ф. автор более 60 научных работ, в том числе монографий о Ф.Э. Дзержинском, изданных в Польше, Москве и Минске. Мне пришлось вместе с ним быть научным редактором книги Е.И. Семашко «Армия Краёва в Беларуси». Сам бывший партизан, он всячески поддерживал преподавателей кафедры, бывших партизан, таких как Николай Богушевич, Александр Ефимчик, Евгений Зуев и других. В своих лекциях и особенно на семинарских занятиях, на научных конференциях их выступления всегда вызывали особый интерес, поскольку это была так называемая «окопная правда» или правда из партизанских землянок.

Хочется привести только один пример. Группа партизан, которую возглавлял комсомольский вожак А. Хацкевич, при выходе на «рельсовую войну» остановила эшелон с жителями Беларуси, которых фашисты отправляли в Германию. Было это в марте 1944 г. Из одного из вагонов, освобожденных партизанами, Александр Федорович вынес на руках мальчика в возрасте 10 лет. С ним были две сестры (старшие) и мать. Это была семья Антоновых из Езерищенского района Витебской области. Старший из братьев Игнатий был на фронте. Из-за этого немцы расстреляли отца, сожгли дом, а мать и троих детей решили угнать в Германию. С того памятного боя прошло почти 40 лет. И вот в 1984 г. подполковник запаса Иван Петрович Антонов пришел на кафедру истории БПИ к заведующе-

му А.Ф. Хацкевичу с просьбой принять его на работу преподавателем в порядке перевода из ВИЗРУ. Это была встреча через 40 лет А.Ф. Хацкевича и Вани, спасенного им от фашистского рабства. Иван Петрович проработал на кафедре более 15 лет. Старший брат Игнат стал академиком, почетным гражданином Витебска и Минска.

И в заключение несколько слов о семье А.Ф. Хацкевича. Александр Федорович Хацкевич родился 14 марта 1923 г. в деревне Тартаки Минского района в крестьянской семье. Его родители в годы Великой Отечественной войны вместе с тремя сыновьями находились в партизанах. До войны Александр Федорович учился в средней школе, с декабря 1942 г. был связным партизанского отряда имени Суворова, а с апреля 1943 г. находился в отряде имени Калинина бригады имени Щорса в должности заместителя комиссара отряда по комсомолу.

С 1945 по 1946 гг. Хацкевич учился в Республиканской школе пропагандистов при ЦК КПБ, а затем заочно на историческом факультете Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина, который успешно окончил в 1950 г. В 1946-1958 гг. он находился на руководящей комсомольской, партийно-пропагандистской работе в Барановичской и Молодечненской областях. Неоднократно избирался членом райкома и обкома партии, а также кандидатом в члены бюро обкома партии.

С 1958 по 1960 гг. Хацкевич А.Ф. учился в аспирантуре Института истории Академии наук БССР и досрочно за два года подготовил и защитил кандидатскую диссертацию. С января 1961 г. по сентябрь 1965 г. работал в Институте истории АН БССР сначала младшим сотрудником, а затем старшим научным сотрудником, где подготовил и защитил докторскую диссертацию.

В сентябре 1965 г. избран на должность доцента, а в июне 1969 г. – профессором кафедры истории КПСС Минского радиотехнического института. Приказом Министра высшего и среднего специального образования БССР в сентябре 1973 г. был назначен заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Белорусского государственного театрально-художественного института.

С октября 1977 г. по 1995 г. был заведующим кафедрой истории в Белорусском политехническом институте.

В 1980 г. стал «Заслуженным работником высшей школы». За участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны

награжден орденом Красной Звезды и медалью «партизан Великой Отечественной войны 1-й степени».

Умер 18 октября 1995 г. Светлая память о нем будет вечной среди всех сотрудников кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ.

ЗАПАД – ВОСТОК: КУЛЬТУРНЫЙ КОД XXI в.

Киселева С.А.,

старший преподаватель

Логовая Е.С.,

кандидат философских наук, доцент

Культурный код — это бессознательный смысл любой вещи или явления, будь то машина или еда в контексте культуры, в которой мы воспитаны. Восприятие джипа в Америке не совпадает с его оценкой во Франции или Германии, так как культуры этих стран развивались по-разному (в Америке сильны воспоминания об открытых просторах, а во Франции и Германии — о войне и оккупации). Поэтому и код – значение, которое мы бессознательно приписываем этому автомобилю – в каждой стране свой. Причин тому множество, однако так или иначе они кроются в особенностях тех миров, в которых мы выросли. Для всех очевидно, что культуры разных стран отличаются друг от друга. Но немногие понимают, что именно поэтому люди разных культур по-разному воспринимают одну и ту же информацию.

Реклама – необходимый элемент функционирования рынка. Реклама – не только механизм экономического стимулирования продаж и информационного сопровождения товара. Сегодня реклама проникает в механизмы формирования и функционирования социальности, трансформируя общественную психологию и становясь мощным инструментом манипуляции массовым сознанием. Глобализация культурного пространства порождает необходимость выработки универсального мультикультурного языка рекламы в аспекте его содержательного контекста. Данная стратегия сегодня является доминирующей. Реклама – это один из наиболее стремительно развивающихся

феноменов современной массовой культуры. Она находится постоянно в фокусе внимания специалистов. Производители рекламы зачастую не утруждают себя тем, чтобы адаптировать рекламные сообщения под менталитет отдельных наций, этносов и субкультур. Глобализация коммуникативного пространства, в частности, рынка рекламы на практике зачастую приводит к обратному социальному и экономическому эффекту. Современная реклама перенасыщена постерами, роликами и слоганами, выполненными на очень высоком профессиональном уровне, но безадресными именно в силу национально-культурной обезличенности. Реклама, не учитывающая культурно-мировоззренческие и ментальные особенности аудитории, воспринимается не как «двигатель прогресса» и стимул к активизации покупательной активности, а как информационный «мусор», а иногда и информационное «насилие».

Перенасыщенность рекламного рынка остро поставила проблему культурно-ментальных оснований рекламы, ее адаптированности не только к целевой аудитории, но и к более глобально – типическим коммуникативным моделям культуры. Образы, создаваемые и массово тиражируемые рекламой, должны опираться на глубинные культурные смыслы, укорененные в данной культурной среде. В условиях огромной конкуренции на рекламном рынке именно связь со своими национальными корнями может стать преимуществом кампании перед ее конкурентами в глазах потребителей. Являясь частью рационально-прагматично выстроенной системы менеджмента и маркетинга, реклама эффективна лишь тогда, когда способна порождать субъективные смыслы, воздействовать на систему ценностей, создавать систему мотивированно осмысленного поведения [3, с. 185].

Разрешение данной проблемы видится на путях исследования механизмов культурной коммуникации. В культурологии существуют различные мнения о сущности культурного кода. Они позиционируются знаковыми моделями, которые, с одной стороны, носят универсальный характер, с другой – индивидуализированы спецификой развития культурного пространства того или иного этноса или народа. Данное понимание культурного кода ведет свою родословную от теории коллективного бессознательного К.Г. Юнга и теории просимволов культуры О. Шпенглера; в современной

культурологии разделяется, в частности, такими исследователями, как Ю.М. Лотман и К. Рапай. Имея в своей основе символический характер, культурные коды представляют собой модели кодирования и, соответственно, декодирования информации, понимаются представителями данной культуры «по умолчанию», зачастую минуя не только логико-понятийный, но даже вербальный уровень восприятия.

Концепция культурного кода как необходимой части маркетинговой стратегии была разработана К. Рапаем, а инициирована его личным сотрудничеством с компанией Nestle, которая в 1970-х гг. пыталась выйти на японский рынок с целью продажи растворимого кофе [1, с. 45]. Изначально рекламная кампания Nestle строилась на стратегии активного внедрения и состояла в попытке убедить японцев перейти с потребления чая на кофе. Однако, учитывая ту роль, которую чай занимает не только в сегменте пищевых продуктов, но и в системе ценностей традиционной японской культуры, подобный маркетинговый ход не принес, фактически, никаких результатов. Модель, предложенная К. Рапаем, состояла в переносе рекламной стратегии с активных форм формирования потребительских предпочтений на ментально-психологические особенности аудитории. Рапай сформулировал предположение о значимости ситуации первого, часто происходящего в период детства, эмоционально насыщенного «знакомства» с предметом. Бессознательное кодирование переживаемых эмоций и становится базовой моделью его дальнейшего воспроизводства. При этом сам тип эмоционального восприятия в своих определяющих фрагментах порожден типом культурной среды и доминирующей системой ценностей. На основе проведенного тестирования, нацеленного на выяснение ассоциативно-образного позиционирования продукта в системе ментальных ценностей, была убедительно показана мощная эмоциональная связь японца с чаем и практически полное отсутствие каких-либо образных корреляций с потреблением кофе [4, с. 212].

При таких обстоятельствах попытка заставить потребителей переключиться на кофе была обречена на провал. Вместо того, чтобы продавать растворимый кофе в стране чая, Nestle придумала детские десерты со вкусом кофе, но без кофеина. Молодому

поколению лакомство пришлось по вкусу. Их первый опыт познания кофе оказался позитивным и закрепился на всю жизнь, а у Nestle на японском рынке появилась «точка опоры» в виде сформированной целевой аудитории.

Дрю Ж.-М. в своей «хрестоматии» современного рекламиста [2, с. 34] настойчиво проводит мысль о том, что различия в рекламе коренятся в различиях культур, в первую очередь, в отношении культур к бизнесу и деньгам. Она отмечает, что в Европе сам акт купли-продажи не оценивается как значимое социальное действие, а зачастую даже вызывает недоверие. Поэтому французская реклама очень театральна, построена по принципу драматургии, а рекламные аргументы косвенны. Если во Франции насчитывается всего 10% рекламных роликов, герои которых говорят непосредственно в камеру, то в Америке таких большинство – 70%. Актеры в американских роликах смотрят прямо в глаза. Французские рекламодатели «продают» сдержанно и не столь откровенно. В Соединенных Штатах навязчивая реклама занимает значимый сегмент рынка. Открытая, жесткая конкуренция рассматривается как оптимальная социально-экономическая модель и поведенческая стратегия.

Классификация культурных кодов очень разнообразна, в качестве классификационного признака берутся самые различные основания. В рамках данного анализа возьмем простейший – принцип территориальности, причем в своей максимально общей форме. До сегодняшнего дня самыми крупными культурными регионами остаются Восток и Запад. И хотя подобное разделение носит характер предельного обобщения, необходимо признать существование неких базовых социокультурных характеристик, лежащих в его основе.

Модель поиска принятия решения и модель поведения в очереди визуализируют основополагающие черты двух типов ментальности – европейский индивидуализм и восточный коллективизм. Человек европейской культуры аналитичен и рассудочен, независим в моделях принятия решения. Мировосприятие человека восточного типа более медитативно и интровертно, для него существенен не только финальный результат, но значим и ценен сам путь, ведущий к нему. Чай на Востоке – не просто способ утоления жажды, а церемония, форма включенности

в культуру, путь к обретению гармонии с самим собой, своими предками и, следовательно, всем миром. Если для европейца прогноз погоды содержит лишь необходимую информацию для корректировки модели собственного поведения, то для китайца природа самоценна и наделяется максимальной аксиологической и мировоззренческой значимостью. В рамках восточной культуры природа не оценивается в рамках утилитарной оппозиции «хорошая – плохая», она – воплощение высшего космического порядка, а человек – лишь малая ее часть, подчиняющаяся закону Дао. Философский эстетизм и типично восточная мудрость звучат в стихах великого О. Хайяма; *«Океан, состоящий из капель, велик. Из пылинок слагается материк. Твой приход и уход не имеют значения. Просто муха в окно залетела на миг»*. Для европейской ментальности характерны динамизм, упование на четко функционирующие «социальные лифты»; начальник – это человек, качественно и профессионально исполняющий свои обязанности, но, в принципе, равный среди равных. Восточная модель основана на архетипе Отца, Учителя, рассматриваемого в контексте конфуцианской морали «сыновьей почтительности».

Социокультурные и ментально-психологические аспекты культуры удачно учитываются в рекламе Востока, определяя ее визуально-образный и содержательный ряд. Механизмы рекламы опираются на базовые принципы китайской ментальности: ассоциативность, символизм и традиционализм.

Для восточной рекламы характерно преобладание визуально-стилизированных образов, транслирующих семантику традиционной иероглифической письменности, которая оперирует не только смысловым контекстом, но и наглядной образностью. Западные общества ориентированы на интеллект, разум, поэтому рекламные сообщения носят информативный характер, в них описываются все достоинства и полезные функции товара и подчас даже прямой призыв к приобретению. В обществах восточного типа такие сообщения вряд ли могли бы быть эффективными, так как здесь у людей на первый план выходит эмоционально-чувственное восприятие. Во многих случаях китайские рекламодатели стремятся наделить создаваемые образы повышенным эмоциональным и ассоциативным контентом, вводящим рекламируемый товар в ментальное поле традиционной культуры. На примере китайского

бренда «Юэндунг», производящего спортивные товары, можно проиллюстрировать трансформацию китайского иероглифического письма в плакатный визуально-графический образ, придающий новые смысловые и эмоциональные коннотации рекламируемому товару. В рекламных постерах максимальный эффект выразительности достигается за счет совмещения иероглифов с изображением рекламируемого товара. Стилизованные иероглифы, введенные в плакат, не случайны. Они переводятся как «ветер» и «гора» и олицетворяют мощь и всевластие природных стихий. Природа в системе восточной ментальности традиционно осмысливается как сущность, заведомо превышающая возможности человека. Визуально трансформированный, но легко читаемый иероглиф дополнен рекламным текстом. В первом случае это – «Я – это стремительный полет духа ветра, ослепляющий взор противника»; во-втором – «Я – это высокая гора, преодолеть которую противнику невозможно». Символика и обилие визуальных метафор позволяют добиться максимальной выразительности рекламного текста и высокой степени его запоминаемости. Обращение рекламы к архетипическим моделям восприятия способствует активизации культурных кодов и переносу их из слоев бессознательного в повседневное мышление и поведение.

Различие западной и восточной рекламы может быть прослежено в их целевых установках. Западная реклама, в первую очередь, подчеркивает функционализм товара, четко выделяет алгоритм его использования, на Востоке реклама в большей мере ориентирована на демонстрацию социально-коммуникативной функции товара. Если для европейского потребителя в товаре больше всего ценится его практическая составляющая, то на Востоке товар – нечто, служащее связующим элементом между людьми, вещь значима не сама по себе, а как индикатор социального статуса ее обладателя. Реклама Востока многообразие и сложность взаимодействия между людьми воспринимает и показывает как базовое, естественное, лишь опосредуемое тем или иным товаром.

В этой связи формы рекламной подачи товара, в частности, автомобиля в культурах восточного и западного обществ различны. В восточной рекламе автомобиль позиционируется как элемент чего-то гораздо большего и самоценного – мира, природы, жизни,

семьи; для людей западной ментальности автомобиль самодостаточен, он – необходимая составляющая самой жизни, помощник, спутник, а зачастую даже социальный индикатор жизни. Примером рекламы автомобиля с использованием различных культурных кодов может быть реклама автомобиля Toyota. Западная реклама акцентирует внимание потребителя на функционально-технологических параметрах автомобиля. В японском рекламном ролике Toyota предстаёт как гармоничная составляющая часть природы: автомобиль представлен среди прекрасных пейзажей, звучит умиротворяющая музыка и не произносится ни слова, дабы не помешать созерцанию красот природы. В этом безмолвии находит отражение одна из особенностей восточного мировоззрения: даосский принцип священной пустоты: «Тот, кто знает – не говорит, тот, кто говорит – не знает». В японском рекламном ролике есть простота и человечность, которая придает рекламному обращению особую эмоциональность.

Восточные рекламисты в своей продукции часто используют вставки с натурными съемками – закат, стая птиц над горизонтом, тростник, гнущийся на ветру. Эти кадры появляются, казалось бы, нелогично в середине ролика, рекламирующего практически любой товар. И это не просто особый эстетизм и эмоциональность восточной рекламы. Она вызывает к богатству и сложности воображения, существует в рамках многомерного культурного контекста, погружена в атмосферу своего прошлого, своих мотивов и своих культурных устоев. В данных культурах создание рекламы выходит за рамки потребительски-утилитарного отношения, описываемого в системе экономически трактуемых категорий «стимул-реакция». Восточная реклама наделяет рекламируемый товар повышенной семантической значимостью. Создаваемая семантика рекламируемого товара многоаспектна и выходит далеко за пределы его функциональных качеств. Например, BMW именуется «драгоценный конь», так как еще с древности «конь» символизировал высокий социальный статус его обладателя, Porsche означает «оберегать + время + скорость», Nokia – «обещание + основа + Азия», стиральная машина "Вэйли" обозначается как «любовь, преподнесенная матери».

На востоке, рекламируя товары и услуги, следует быть внимательным при выборе цвета или даже чисел. Яркие и пестрые цвета, изобилие красного и золотого, люминесцентные краски, светящиеся лозунги для европейца могут выглядеть нелепо и безвкусно, а для жителей Востока – наоборот. Пафос, настойчивое, вплоть до навязчивости, подчеркивание собственного статуса, преклонение перед западными брэндами – также отличительная черта современного восточного образа жизни.

Социологические данные свидетельствуют о том, что ценности западно-ориентированного образа жизни более распространены в сегменте журнальной рекламы, нацеленной на «X-поколение» Востока (то есть, на людей в возрасте 18-35 лет с высшим образованием и доходом выше среднего), по сравнению с телевизионными рекламными роликами, ориентированными на массовый сегмент рынка.

На первый взгляд, западно-ориентированный стиль жизни противоречит ментальным основаниям восточной культуры. Однако Великая Китайская культура как символ Востока очень давно перестала играть роль изолирующего фактора и сегодня этот регион – активнейший игрок на мировом геополитическом и экономическом пространстве.

Использованная литература

1. Рапай, К. Культурный код. Как мы знаем, что покупаем и почему. / К. Рапай. Пер. с англ. – Москва: издательство «Новости», 2012. – 215 с.
2. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. Реклама, разрывающая общепринятое. / Ж.-М. Дрю. – Москва: издательство «Наука», 2002. – 126 с.
3. Гудков, Д.Б. Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. / Д.Б. Гудков и др. – М.: Гнозис, 2007. – 325 с.
4. Бенедикт, Р. Хризантемы и мечь. Модель японской культуры. Серия: Книга света. / Р. Бенедикт. – М.; издательство Центр Г.И. – 2014 – 402 с.

ПРЯМАЯ ПЕРСПЕКТИВА В КУЛЬТУРЕ РЕНЕССАНСА И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Кедрик Т.В.,
старший преподаватель

Вопросы о том, как человек видит окружающий мир, каковы правила визуального восприятия и чем они задаются, являются проблемным полем обсуждения в психологии, философии, искусствоведении, культурологии. Физиологическое строение глаза, которое неизменно у человека любой эпохи, должно было бы задавать условия для зрения «самого по себе», не обусловленного конвенциями и порядком видения культуры. Речь идет о «естественном» или непосредственном видении. Подобное представление покоится на положении, что психические процессы зрительного восприятия задаются функционированием физиологических структур мозга (поскольку мозг человека неизменен, то и видение неизменно). Психофизиологические структуры и механизмы зрения являются лишь основанием для надстройки культурных моделей и конвенций видения. Визуальные нормы всегда являются интеллектуальными структурами, связанными с мировоззрением и системой социальных символов эпохи, посредством которых происходит интерпретация визуального опыта. Именно принципы строения и функционирования такого «культурного» зрения выступают предметом культурологического исследования видения.

Современные структуры видения уходят корнями в эпоху Ренессанса, когда в европейской культуре начинает формироваться новая мировоззренческая система. Правила прямой перспективы, изобретенные для выстраивания живописного пространства, распространяются на другие культурные практики (наука, история, общественные отношения) и становятся ведущей структурой восприятия и естественным порядком мира. Эти правила задаются точкой зрения и дистанцией, которую субъект восприятия выстраивает между собой и миром. Согласно перспективным конвенциям, только неизменность дистанции дает условия для «правильного» восприятия и зрения как такового. Практики дистанцирования, отделения, представления объекта относительно субъекта лежат в центре европейского проекта модерна. Однако наряду с *mainstream* на периферии

культуры возникают практики нарушения перспективной дистанции, которые приводят к трансформации зрения или невозможности видения. Это меняет саму фигуру субъекта. «Зрение предполагает расстояние между смотрящим и объектом рассматривания. Если объект перенести непосредственно на смотрящего, приблизить его так, чтобы между ним и объектом не было совсем никакого расстояния, зрение, как мы его традиционно понимаем, станет невозможным, исчезнет и различие между субъектом зрения и его объектом» [1, с. 16].

Рассмотрение взаимосвязи видения и дистанции в культурологических исследованиях достаточно не ново. К этой проблематике в своих работах обращались М. Фуко, П. Вирильо, М. Ямпольский, В. Розин и др. Однако в современной культуре тотальной визуализации эта тема не теряет своей актуальности.

Практика выстраивания перспективной дистанции в ренессансной культуре охватывает все сферы символического производства. Утверждаясь в эстетическом пространстве, подобные приемы распространяются и на естественнонаучное познание и на сферу социальных отношений.

Начиная с эпохи Ренессанса, в европейской культуре возникает особое доверие к человеческим чувствам в процессе восприятия и познания мира. Привилегированное положение занимает зрение, которое до этого со времен Платона вызывало недоверие как источник заблуждений и мнимых видимостей. Зрение провозглашается самой важной и необходимой способностью человека. Эту особую значимость зрения отмечает Леонардо да Винчи в «Суждениях об искусстве», где он посвящает настоящую оду глазу: «Он (*глаз – Т.К.*) является начальником астрологии; он создает космографию, он советует всем человеческим искусствам и исправляет их, движет человека в различные части мира; он является государем математических наук, его науки – достовернейшие; он измерил высоту и величину звезд, он нашел элементы и их места... О превосходнейший, ты выше всех других вещей, созданных Богом!» [2, с. 25]. Однако самым важным достоинством глаза является его способность видеть «по прямым линиям, образующим пирамиду, которая основанием имеет объект» [2, с. 12], в отличие от уха, образы к которому доходят по извилистым и отраженным линиям. Зрение обособляется от других чувств, возводится в ранг интеллектуальной способности.

Человек, а точнее его глаз, становится центром видения и центром мироздания. Итальянский гуманист Дж. Пико делла Мирандола в «Речи о достоинстве человека» пишет: «Тогда принял бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центр мира, сказал: ... Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире» [3, с. 507]. Видимое пространство насквозь пронизывается прямыми линиями, которые имеют одну точку схождения – глаз человека. Эти линии определяют объект на точной дистанции. Человеком, способным видеть мир перспективно, с правильной дистанции, становится, прежде всего, художник, знающий законы «божественной» науки живописи.

Новое видение утверждается не сразу, так как глаз не был приучен к подобной практике зрения. Первоначально рисовались несколько отграниченных, последовательно расположенных друг за другом в глубине планов, параллельных плоскости картины. Между планами существовали даже промежутки, выпавшие зоны. Лишь постепенно эти планы слились в целостное пространство, расширяющееся вширь и уходящее вглубь. Эту целостность создает перспектива, которая связывает воедино как вещи, так и «пустоты», среду между ними. Она образует систему мест, на которые могут подставляться предметы, чтобы правильно соотноситься, быть пропорциональными на картине. Линии, пронизывающие пространство, создают своего рода воздушный каркас, в который затем помещаются все вещи и фигуры. Показательной здесь является традиция создания художниками Возрождения трехмерных картонных макетов своих картин. «На картоне располагали элементы будущей картины, иными словами, распределяли пространство вокруг главной фигуры, гармонизировали промежутки, решали, какая часть фона будут заполненной, а какая – пустой. На стадии картона рождались решения, позволяющие соединить в одном сюжете четыре, десять или двадцать фигур так, чтобы все они подчинялись общему замыслу и в картине царило согласие. Жизнь и объем придавались им позднее, с наложением собственно живописи, то есть, цвета» [4, с. 125]. Представления о прямой перспективе в эпоху Возрождения включали в себя три основных требования:

разделение событий, изображенных на картине, по двум планам (передний и задний, с постепенным заполнением их в дальнейшем промежуточными планами),

уменьшение размеров тел, яркости тонов, отчетливости фигур и границ по мере удаления тел на расстоянии,

сходимость зрительных лучей и живописного пространства в точку, которая в ренессансной живописи обычно совпадает с центром рамы и сюжета.

В перспективной организации живописного пространства утверждается иерархия планов с четко заданной точкой зрения. «Мы знаем, что точка зрения находится в глазу зрителя сюжета» [2, с. 57]. Да Винчи утверждает, что первый план должен быть помещен на высоте глаза зрителя сюжета и именно в этом плане должен быть изображен главный сюжет. От точки зрения на определенной дистанции пустое изначально поле заполняется фигурами и вещами сообразно перспективному зрению. Двухмерное пространство приобретает иллюзию глубины. Человеческий глаз сам становится источником света, который направлен на картину мира. Несколько позднее у Декарта рождается миф о глазе как некой оптически-световой машине зрения.

Perspectiva – это латинское слово, которое означает взгляд через что-либо. Самой распространенной метафорой ренессансной живописи является образ картины как окна, через которое человек смотрит на мир. А глаз отождествляется с интеллектуальной способностью художника и уподобляется зеркалу, которое достоверно отражает видимое. «Ум живописца должен быть подобен зеркалу, которое всегда превращается в цвет того предмета, который оно имеет в качестве объекта, и наполняется столькими образами, сколько существует предметов, ему противопоставленных» [2, с. 38].

Изобретаются приспособления, основанные на системе зеркального отражения, помогающие человеческому глазу реалистично фиксировать действительность. Таким изобретением, прежде всего, явилась камера обскура (camera obscura) – «темная комната». Первые камеры обскуры представляли собой затемнённые помещения (или большие ящики) с отверстием в одной из стен. Одним из первых использовал камеру обскуру для зарисовок с натуры Леонардо да Винчи. Он также подробно описал её в своём «Трактате о живописи». Она представляла собой светонепроницаемый ящик с отверстием в одной из стенок и экраном (матовым стеклом или тонкой белой бумагой) на противоположной стенке. Лучи света, проходя сквозь отверстие, создают изображение на экране. В 1686 г. Йоган-

нес Цан спроектировал портативную камеру обскуру, оснащённую зеркалом, расположенным под углом 45° , которое проецировало изображение на матовую, горизонтальную пластину, что позволило художникам переносить пейзажи на бумагу.

По мысли И. Панофского, картезианская философия выступает теоретической моделью перспективного пространства живописи. Для правильного построения картины мира картезианский субъект должен быть противопоставлен объекту, занимать по отношению к нему определенную, дистанцированную позицию. Это расстояние обеспечивает возможность рефлексии и логического выстраивания образа мира. Так же усматривается аналогия между системой прямой перспективы и нововременной идеей истории, где главным принципом является фиксирование дистанции между глазом и объектом. Эта дистанция и задает возможность правильной, объективной, последовательной реконструкции видимого объекта. Подобные принципы утверждаются и в становлении системы наук.

Французское слово *tableau* имеет несколько значений – картина, сцена, таблица. В значении таблицы *tableau* является еще и каталогом, классификационной схемой, разделенной на квадраты поверхностью. Она предназначена для записывания всех вещей и отношений в поле видимости. «В этой работе по созданию классификаций или таблиц значение придается именно визуальному миру (в отличие от мира тактильного и воспринимаемого слухом), и именно он подлежит инвентаризации» [5, с. 173]. Составляются многочисленные каталоги минералов, животных, растений, получившие название естественной истории, где природные явления располагаются в иерархическом порядке. Пространство каталога подобно перспективному пространству, где каждая вещь занимает свое, предназначенное только для нее место.

В социальном пространстве идея установления должной дистанции между субъектом и объектом видения получает воплощение в функционировании властных отношений. Привилегированную точку зрения, роль источника света берет на себя «око власти», считает М. Фуко. В работе «Надзирать и наказывать» он приводит описание мер профилактики чумы, которые базируются на тотальной видимости и транспарентности общества для властных структур. Пространство живописного перспективного видения в социальных практиках становится пространством надзора и дисциплины. Этот

порядок видения Фуко характеризует следующим образом: «Замкнутое, сегментированное пространство, где просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, где непрерывно ведущая запись связывает центр с периферией, где власть действует безраздельно по неизменной иерархической модели, где каждый индивид постоянно локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим, – все это образует компактную модель дисциплинарного механизма» [6, с. 288].

Власть стремится насквозь просветить общество светом своего «всевидящего ока», сделать публичным всю глубину социального пространства, не оставив темноте частного ни единого уголка. Не случайно революционная французская полиция выбрала в качестве своего символа «глаз». «Полицейское расследование ставит перед собой цель осветить частное пространство, так же, как раньше освещали театры, улицы, проспекты пространства публичного, и, рассеяв затмения в нем, создать всеохватную картину общества» [7, с. 64]. Наиболее ярким примером перспективной организации пространства и практикой социального надзора является паноптикум Иеремии Бентама. Паноптикум представлял собой кругообразное здание, в середине которого находилась башня с широкими окнами, выходящими на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю было разбито на камеры, каждая из которых проходила сквозь всю толщу здания. У этих камер было по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. «Тогда и оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания» [8, с. 220]. Паноптикум являет собой образ мира и социума, где все освещено светом разума и порядка и каждая вещь расположена в своей нише.

Таким образом, в эстетическом и социальном пространстве культуры модерна формируется новый образ человека – наблюдателя, определяемый стратегией отделения от мира. Мир становится

внешним и постигается в терминах прямой перспективы и дистанции. «Дистанцирование было разветвленной операцией, проводившейся на различных уровнях человеческого существования. И получается так, что человек оказывается тождественен себе лишь в точке наблюдения за самим собой, миром. Другим. Как только он покидает эту точку, он с необходимостью исчезает в самом наблюдении, и это, пожалуй, его единственное место, где он действительно жизненно активен» [9, с. 59].

Наряду с господствующим перспективным видением в культуре Нового времени возникают иные визуальные практики, нарушающие конвенции дистанцированного восприятия. Примерами способов нарушения и упразднения дистанции являются отражающиеся друг в друге зеркальные пространства де Сада, микроскопическое и телескопическое зрение, детализирующий глаз детектива, панорамное видение фланера, скоростная регистрация образов человека-машины. Именно эти практики подрывают господство перспективного зрения и способствуют производству иной так называемой постклассической субъективности.

В ренессансной культуре глаз, зрение выступают синонимом зеркала, в которое смотрится мир. «Ты должен изображать природу такой, как она выглядит в твоём зеркале» [2, с. 48]. Таким же зеркалом может служить и сама картина, на которую глаз точно проектирует видимое. Эти образы обладают не только внешним сходством, но и представляют внутреннюю структуру вещей, их сущность. Иное восприятие зеркального отражения мы встречаем у маркиза де Сада. Пространство, где разворачивается действие в произведениях де Сада, подобно сцене, которая со всех сторон окружена зеркалами, бесконечно умножающими образы одного и того же. «Тысячекратно повторяя различные позы, зеркала до бесконечности разнообразят удовольствия в глазах тех, кто вкушает их на оттоманке. Благодаря этой искусной уловке, ни один уголок тела не утаен от взоров: все на виду» [10, с. 21]. В пространстве наслаждения де Сада человек всевидим и всевидящ, перспективная дистанция между ним и миром стирается, так как уничтожается само разделение на субъект и объект наблюдения. Его точка зрения уже не является привилегированной, а лишь одной из множества, а взгляд постоянно перекрещивается с другими взглядами. «Зеркальный образ умножает не тела, а лишь точки зрения на них и на образуемую ими

сцену» [5, с. 184]. Зеркала становятся своеобразной машиной для мультипликации образов. Машина зрения де Сада хаотически умножает фигуры в зеркалах, которые делают почти невозможным зрительное восприятие происходящего. «Парадоксальным образом садовая машина зрения работает таким образом, что в конечном счете отменяет видимое» [11, с. 269].

Развитие естествознания приводит к изобретению технических приспособлений, призванных помочь человеку в изучении окружающей действительности. Первые механизмы – оптические приборы (микроскоп и телескоп), которые интенсифицируют видение, но вместе с тем и нарушают естественную дистанцию по отношению к объекту. Возникает своего рода дублированное зрение. В микроскопическом видении нарушение дистанции приводит к «исчезновению» тела, оно перестает восприниматься как целостность. По выражению М. Ямпольского, «видимый мир как бы налипает на глаза» [1, с. 30]. Изначально визуальный опыт, приобретенный посредством оптических приборов, связывался с аберрацией зрения. М. Ямпольский приводит ряд примеров сомнительного отношения ученых XVIII в. к оптическим приборам. Со временем микроскопическое зрение начинает трактоваться как зрение, прорывающееся сквозь поверхность в глубину вещи. И это проникновение есть поглощение глубины и тем самым ее уничтожение. «Микроскопическое зрение – это «прыжок» сквозь глубину к некоему «дну», плоскости, эту глубину отрицающей» [1, с. 40].

В XIX в. появляется новый тип видения, нарушающий естественную дистанцию – панорамное зрение. Культурный герой этого времени – фланер, праздно прогуливающийся по улицам города, перед глазом которого непрестанно сменяются виды. Принцип панорамности сознания – это принцип поглощения деталей в некоем общем, почти не дифференцируемом потоке, не различающем существенное и несущественное. Зритель панорамы не наделен остротой избирательного зрения, он находится перед потоком образов. «Панорама или диорама принципиально не сцентрированы, они не организованы вокруг центрального луча линейной перспективы. Природа в них предстает огромным скопищем разнородных элементов, в которых глаз обречен блуждать как глаз старьевщика в гудах театрального старья» [11, с. 89]. Панорамы и диорамы становятся подлинными транспорт-

ными машинами зрения. В панорамном видении неподвижная фиксированная позиция наблюдателя приобретает движение. Важна уже не точка зрения, а скорость, с которой перед глазом фланера сменяются картинки. В механистическом образе мира человек встраивается в машину, его глаз – это машина зрения. «Видящая машина строится на комбинации оси и поверхностной сферы (обода), на которой расположены хаотически летящие образы» [11, с. 246]. Машина вовлекает в восприятие элемент, который не присутствует в естественном акте созерцания, – скорость. Скорость, с которой перед глазом проносятся образы, сокращает время восприятия, не позволяет выстроить перспективную глубину и изображение уплощается. Именно в области сокращения времени экспозиции, то есть, увеличения скорости запечатления, сосредоточены поиски и эксперименты фотографов XIX в. «Скорость уничтожает естественную темпоральность восприятия и обработки информации» [11, с. 287].

Таким образом, практики деформации, нарушения перспективной дистанции в визуальных структурах приводят к тому, что нововременной субъект видения претерпевает значительные трансформации.

В визуальных практиках Ренессанса и Нового времени можно выделить две тенденции дистанцирования мира: перспективное (правильное, реалистичное) и деформированное зрение. Становление технических средств визуализации является одним из главных факторов нарушения естественной дистанции. Техническое или машинное видение всегда сопряжено с операцией «*ge-focusing*» – необходимостью иначе сфокусировать свои глаза. Это приводит к становлению иной субъективности, основанной на разрушении перспективного видения мира и требующей от человека безостановочного синтеза рваного потока образов. Именно регистр нарушения перспективной дистанции становится преобладающим в современных визуальных практиках.

Использованная литература

1. Ямпольский, М.Б. О близком (Очерки немиметического зрения). / М.Б. Ямпольский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – 240 с.

2. да Винчи, Л. Суждения об искусстве. / Л. да Винчи // Суждения / Л. да Винчи. – Москва: Эксмо, 2006. – С. 6-102.
3. делла Мирандола, Дж.П. Речь о достоинстве человека / Дж.П. делла Мирандола // История эстетики / редколл.: М.Ф. Овсянников (глав. ред.) [и др.]. – Москва: издательство Академии художеств СССР, 1962. – Т. I – С. 506–514.
4. Франкестель, П. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. / П. Франкестель. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 338 с.
5. Энафф, М. Маркиз де Сад: изобретение тела либертена / М. Энафф. – Санкт-Петербург: ИЦ Гуманитарная академия, 2005. – 448 с.
6. Фуко, М. Надзирать и наказывать / М. Фуко. – Москва: Ad marginem, 1999. – 480 с.
7. Вирильо, П. Машина зрения. / П. Вирильо – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 140 с.
8. Фуко, М. Око власти. / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – Москва: Праксис, 2002. – С. 219-249.
9. Мастерская визуальной антропологии. 1993-1994 / сост. В. Мизиано. – Москва: Художественный журнал, 2000. – 250 с.
10. Маркиз де Сад, Философия в будуаре / де Сад // Сборник. / де Сад. – Санкт-Петербург: Продолжение жизни, 2003. – С. 5-163.
11. Ямпольский, М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения / М.Б. Ямпольский. – Москва: Ad marginem, 2000. – 288 с.

**КОМИТЕТ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ (1831-1848 гг.)
И ЗАПАДНЫЙ КОМИТЕТ (1862-1865 гг.) – ВЫСШИЕ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ
ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ В XIX в.**

Лепеш О.В.,
кандидат исторических наук, доцент

Характерными чертами государственного аппарата России XIX в. было стремление к созданию отдельных территориальных комитетов по управлению окраинами Российской империи, хотя, в конечном итоге, от императора зависело решение всех вопросов по управлению страной. Данное обстоятельство во многом обусловило передачу некоторых важных вопросов, связанных с выработкой правительственного курса на окраинах, особым органам власти с правами Комитета Министров – специальным комитетам, которые согласовывали бы направления деятельности между ведомствами и генерал-губернаторами или наместниками. История знает около десятка подобных комитетов: Первый и Второй Сибирские 1840-1842 гг., 1842-1882 гг., Комитет западных губерний – 1831-1848 гг., Западный комитет 1862-1865 гг., Комитет по делам Царства Польского – 1831-1841 гг., 1864-1881 гг., Кавказский комитет – 1833-1882 гг. [1, с. 107]. Они были призваны ликвидировать отстраненность Кавказа, Сибири, Беларуси, Литвы, Правобережной Украины, Польши от внутренних губерний России и установить там тот же порядок, какой существовал в центре. Несмотря на то, что каждый из перечисленных комитетов действовал в специфических для своего края условиях, цели у них были общие.

Нужно отметить, что высшие комитеты по управлению отдельными окраинами – специфическое явление в государственном аппарате России второй четверти XIX в. Выполняя нередко роль своеобразных территориальных министерств, они осуществляли в отношении подведомственных окраин функции законосовещательных инстанций и органов надзора. В основном это были немногочисленные, наделенные часто огромными полномочиями оперативные объединения особо доверенных императору высших сановников. Как правило, такие комитеты не имели своих канцелярий, а их делопроизводство велось в форме журнала специально приглашенным

чиновником – производителем дел. После прочтения и одобрения императором подобных делопроизводственных документов содержание их в форме «высочайших повелений» сообщались в Государственный совет, Комитет министров, Сенат, соответствующие министерства. Необходимость создания подобных комитетов состояла в том, что в условиях растущего бюрократизма и перегруженности мелкими вопросами высшие центральные органы уже были не в состоянии решать более важные вопросы законодательного и административного характера. Тяжелее было с рассмотрением тех проблем, которые возникали на окраинах империи, где существовала «особенная» система управления с «особенными» административно-территориальным делением и «особенными» должностями. Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, возникла идея подменить тяжёлую и костную государственную машину чрезвычайными органами – секретными комитетами. Одним словом, они придавали государственному аппарату Российской империи необходимую степень гибкости.

Территория западных, в том числе и белорусских,* губерний в этом случае не была исключением. Но специфика общегосударственных мероприятий в Западном крае определялась шляхетскими восстаниями 1830-1831 и 1863-1864 гг.

16 сентября 1831 г. по «изустному приказанию» Николая I для выработки общегосударственных мероприятий по отношению к западному региону империи был создан Комитет западных губерний [3, л. 5]. Комитет западных губерний действовал как учреждение самостоятельное, но он имел весьма близкое отношение к Комитету министров: до учреждения этого Комитета большинство из

* К западным губерниям или «Западному краю» относились Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская, Киевская губернии и Белостокская область. В 1842 г. из нескольких уездов Виленской губернии была создана Ковенская, а Белостокская область упразднена. В законодательстве первой половины XIX в. белорусскими губерниями назывались лишь Витебская и Могилёвская. Категория «Северо-западный край» применялась относительно Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской губерний; «Юго-западный край» — Киевской, Волынской и Подольской губерний. В данной статье автор, говоря о белорусских губерниях, имеет в виду Витебскую, Могилёвскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую губернии.

поставленных ему задач решал Комитет министров. Вполне возможно, что Комитет западных губерний возник по предложению Комитета министров. Многие члены Комитета были членами Комитета министров: из шести лиц, входивших в 1831 г. в Комитет западных губерний только один (Н.Н. Новосильцев) не был тогда членом Комитета министров. Вначале Комитет министров и Комитет западных губерний имели разные канцелярии, но в ноябре 1840 г. произошло их слияние. Отныне делопроизводство по Западному комитету было возложено на третье отделение канцелярии Комитета министров, а управляющему делами Комитета министров за ведение дел по Комитету западных губерний в год выплачивалось по 1500 руб. серебром. Интересно, что к моменту объединения двух канцелярий, в канцелярии Комитета западных губерний не числилось ни одного нерешённого дела. Это позволяет говорить об оперативности работы Комитета.

За семнадцатилетний период существования Комитета состав его неоднократно менялся (как правило, в связи со смертью его членов). С момента основания Западного комитета его председателем был назначен В.П. Кочубей, который также возглавлял Государственный совет и Комитет министров. Членами Комитета являлись министр финансов Е.Ф. Канкрин, попечитель Виленского учебного округа, член Государственного совета Н.Н. Новосильцев, министр внутренних дел А.А. Закревский, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий Д.Н. Блудов, управляющий министерством юстиции Д.В. Дашков. Первоначально делопроизводство по Комитету западных губерний возглавлял управляющий делами Комитета министров барон М.А. Корф, затем – Н.И. Бахтин. Позднее членами Комитета в разное время были крупнейшие российские сановники: В.Н. Панин, П.Д. Киселев, А.Г. Строганов, И.В. Васильчиков, А.Х. Бенкендорф, А.И. Чернышёв, Л.А. Перовский, А.Ф. Орлов, Ф.П. Воронченко и др. На заседании Комитета приглашались губернаторы и генерал-губернаторы западных губерний – Д.Г. Бибиков, М.Н. Муравьев, Н.Н. Хованский, Ф.Я. Миркович. Из первоначального состава последний журнал Комитета был подписан только Д.Н. Блудовым.

Всего было проведено 143 заседания Комитета, на которых члены Комитета рассмотрели более 700 вопросов [4]. Наиболее часто Комитет собирался в 1831-33 гг. (38 раз) и в 1839-41 гг. (42 раза).

Причины такой «активности» связаны с внутривосточной обстановкой в крае. В 1831-1833 гг. основные усилия Комитета западных губерний были направлены на выработку скорейших мероприятий, которые бы восстановили порядок в регионе после восстания и способствовали скорейшему сближению западных губерний с центром России. В 1839-1840 гг. на территории западных губерний вновь возникла новая угроза правительству. Был выявлен заговор Шимона Канарского. Именно раскрытие тайных организаций привело императора Николая I к убеждению, что нельзя медлить с окончательным проектом интеграции западной окраины в структуры имперского управления. Не случайно в эти годы Комитет был озадачен разработкой указов, касавшихся в основном введения российского законодательства на территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины.

Основными вопросами, рассматриваемыми в Комитете западных губерний, были вопросы, связанные с сословной политикой, с проблемами введения на территории Западного края российского законодательства и формирования единого правового пространства, с реорганизацией системы образования и урегулированием конфессиональной жизни. В частности, основное направление в реализации сословной политики Комитета было связано, прежде всего, с урегулированием положения крестьян как государственных (до учреждения Министерства государственных имуществ в 1837 г.), так и помещичьих.

Комитет стремился к регламентации отношений крестьянства с их владельцами путём ограничения власти местных арендаторов и администраторов для государственных крестьян и путём проведения инвентарной реформы для помещичьих. Члены Комитета западных губерний являлись поборниками продолжения политики «разбора» шляхты, начатой на территории присоединённых земель Речи Посполитой ещё в 1772 г. В Комитете разрабатывались все указы, касавшиеся условий кооптирования местной элиты в ряды наследственного дворянства и деклассации не доказавших дворянского происхождения, которые причислялись к сельским (однодворцы) и городским (граждане) обывателям. Проводя политику разбора шляхты, правительство преследовало цель очищения края от неблагонадежных элементов. Поэтому одним из направлений этой политики стал процесс переселения однодворцев и граждан во внутрен-

ние губернии империи для слияния их с государственными крестьянами российских губерний.

После восстания 1830–1831 гг. российские власти ликвидировали в Витебской и Могилёвской губерниях местные правовые и судебные особенности, заменив их общероссийскими. В 1840 г. по предложению киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова и требованию императора российское законодательство распространялось на оставшиеся западные губернии. В компетенцию Комитета входил вопрос о системе образования в западных губерниях. Преследуя цель создания верноподданного и послушного императору дворянского сословия, устранения его оппозиционности, Комитет выступил сторонником организации на территории западных, в том числе, и белорусских губерний закрытых типов учебных заведений для высшего сословия — кадетских корпусов и благородных пансионов. Комитет выступал также за развитие светской системы образования и сокращение частного обучения, за лишение возможности вмешиваться в проблемы воспитания юношества римско-католическую церковь и монашеские ордена, за введение русского языка во все учебные заведения и преобразование системы просвещения на территории Беларуси по российскому образцу.

Позиция членов Комитета в осуществлении конфессиональной политики совпадала с основными принципами теории «официальной народности», что выражалось в стремлении поднять престиж православия на территории Беларуси. В связи с этим Комитетом проводился курс по сооружению новых православных церквей с привлечением как государственных, так и частных средств. Однако строительство шло крайне медленно, поскольку местные дворяне в своём большинстве являлись католиками и не были заинтересованы в возведении православных храмов. Комитет западных губерний проявлял терпимость по отношению к римско-католической церкви и не был сторонником радикального сокращения костёлов, поскольку значительная часть населения исповедовала католицизм. Ограничения касались лишь вопросов распространения католической веры на православное население. Гораздо в большей степени Комитет был обеспокоен выработкой мероприятий, направленных на секуляризацию церковных земель как католической, так и православной церкви.

Западный Комитет был образован по распоряжению Александра II 20 сентября 1862 г. [5, л. 7]. Непосредственным поводом к

созданию Западного комитета послужило полученное в Петербурге сообщение о том, что дворянство Подольской губернии составило адрес о присоединении Подолии в административном отношении к Царству Польскому. В состав Западного Комитета вошли высшие должностные лица: шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков, министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин, министр внутренних дел П.А. Валуев, министр государственных имуществ А.А. Зеленый, министр юстиции Д.Н. Замятин, управляющие министерствами: финансов – М.Х. Рейтерн, народного просвещения – А.В. Головин, обер-прокурор Св. Синода А.П. Ахматов. Председателем Западного Комитета был председатель Комитета Министров кн. П.П. Гагарин. На заседания Комитета по высочайшему повелению иногда приглашались и другие высшие правительственные лица. Например, на заседаниях 17 и 19 мая 1864 г., когда обсуждалась записка Муравьева от 14 мая 1864 г., присутствовал статс-секретарь Н.А. Милютин. Западный Комитет активно заседал с 1862 до конца 1864 гг. 5 января 1865 г. комитет был упразднен, а дела его переданы в Комитет министров [6, с. 186].

По мнению российского историка А. Камзоловой, Западный комитет в отличие от Комитета западных губерний не стал «мозговым центром», формирующим общую стратегию и тактику правительства на западной окраине, поскольку стал фактически ареной противоборства двух программ в отношении Западного края, инициаторами которых был министр внутренних дел П.А. Валуев и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев [2]. Наличие одновременно двух по сути конкурирующих между собой подходов к правительственной политике в отношении этого края создавало затруднения для координации деятельности разных учреждений и властных структур. «В этих условиях роль Западного Комитета в выработке согласованного курса, – пишет А. Камзолова, – следует признать весьма неоднозначной» [2]. Тем не менее, постановления Комитета во многом определили направление политики в виленском генерал-губернаторстве. Так, результатом деятельности Комитета было принятие решения о введении поземельного процентного сбора с местных помещиков, взимавшегося вплоть до 1897 г., который шел на увеличение жалования на 50% чиновникам разных ведомств русского происхождения и преподавателям духовного ведомства православного исповедания.

Западный комитет запретил преподавание польского языка в учебных заведениях Виленского и Киевского учебных округов, вновь введенное в этих округах соответственно в 1856 г. и 1860 г. Также Комитет рассматривал комплекс мер, связанных с последствиями восстания 1863 г.: учреждение военно-полицейского управления в Северо-Западном крае, утверждение правил о содержании войск при объявлении местностей на военном положении и правил о создании в Западном крае сельских вооруженных караулов, наложение секвестра на имения польских помещиков, оставшихся за границей и продолжающих свою революционную деятельность, размещение на территории империи участников восстания 1863-1864 гг. из Царства Польского и Западных губерний.

Таким образом, в XIX в. для управления Западным краем, куда входила и территория современной Беларуси, были созданы два территориальных комитета – Комитет западных губерний (1831-1848 гг.) и Западный комитет (1862-1865 гг.). Оба Комитета действовали в условиях последствий шляхетских восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг. и были призваны разработать программу по полному слиянию западных губерний с внутренними губерниями России.

Использованная литература

1. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / Представительство Президента Рос. Федерации в Сев.-Зап. Федер. Округе; А.Т. Алексеева [и др.]; под общей ред. В.В. Черкесова. – СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – Т. 1. – 456 с.

2. Комзолова, А. [Западный Комитет \(1862–1864 гг.\) и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев](#). / А. Комзолова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su>. – Дата доступа: 1.08.2013.

3. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1266. – Оп. 1. – Д. 8. Журнал Комитета западных губерний за 1831 г.

4. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1266. – Оп. 1. – Д. 41. Хронологический указатель к журналам Комитета западных губерний.

5. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1267. – Оп. 1. – Д. 12. Журнал Западного комитета за 1862 г.

6. Середонин, С.М. Исторический обзор деятельности комитета министров: в 2 т. / С.М. Середонин. – СПб.: изд. канцелярии Комитета министров, 1902 – Т. 2. – Ч. 1. – 373 с.

ДЗЕЦІ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Лойка Т.В.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Гісторыя Беларусі пранізана войнамі. Яны пракатваліся па нашай зямлі з захаду на ўсход і з поўначы на поўдзень. Наступствы войнаў заўсёды былі вялікімі, а часам жудаснымі. Разбуралася гаспадарка, руйнаваліся гарады, гінулі людзі. Але беларускі народ, цяроплівы і працалюбівы, неверагоднымі намаганнямі, гераічнай працай адраджаў разбуранае і жыцце працягвалася.

Вялікая Айчынная вайна 1941-1945 гг. па сваёй трагічнасці адна з самых жорсткіх. Яна каштавала Беларусі паловы нацыянальнага багацця, трэцяй часткі насельніцтва, што складала каля трох мільёнаў чалавек. Лічыцца, што вайна пачалася раптоўна. Але і сёння нельга не задумацца і не шукаць праўдзівы адказ на пытанне, чаму тагачаснае палітычнае кіраўніцтва не змагло абараніць насельніцтва ад яе цяжкіх наступстваў. Вайна ўварвалася ў кожны дом, у кожную сям'ю, разарвала жыцце людзей на дзве часткі – да і пасля вайны.

Адным з самых драматычных наступстваў Вялікай Айчынай вайны быў лёс дзяцей, якія сталі “малымі заложнікамі вялікай вайны”. На Беларусі ў перадваенны перыяд дзеці да 16 гадоў складалі 4,3 млн. чалавек. Ім дасталося шмат пакут, у іх было ўкрадзена дзяцінства. Гэтай вострай праблеме ваеннага перыяду прысвечана нямала ўспамінаў, навуковых артыкулаў, дысертацый і манаграфій, якія ўтрымліваюць вялікі факталагічны матэрыял. Аднак, на наш погляд, ей зусім недастаткова адводзіцца месца ў

выхаваўчай рабоце. Між тым, менавіта гэта тэма здольна ўзрушыць пачуцці, выклікаць спачуванне і застацца ў памяці назаўсёды.

Першым крокам выратавання дзяцей ад жахаў вайны была эвакуацыя на ўсход. Ужо 25 чэрвеня 1941 г. была створана рэспубліканская эвакуацыйная камісія, якая займалася гэтай справай. Вядома, што на ўсход, за Урал, у Паволжа і іншыя рэгіёны з Беларусі было эвакуіравана каля 1,5 млн. чаловек [1, с. 403]. У першую чаргу эвакуіраваліся дзеці. Агульнымі намаганнямі ўладаў і кіраўнікоў дзіцячых устаноў ужо ў першы тыдзень вайны было вывезена 110 дзіцячых дамоў, 50 дзіцячых садкоў, 28 піянерскіх лагераў, 6 спецшкол і дзіцячых санаторыяў, дзе знаходзілася 16,7 тыс. дзетак [2, с. 7]. Яшчэ каля 500 тыс. дзяцей выехала ў тыл разам з даросламі. Эвакуацыя адбывалася ў складаных, экстрэмальных умовах, пад інтэнсіўнымі бамбардзіроўкамі ворага. Адзін з выхаванцаў Віцебскага дзіцячага дома ўспамінаў: “Бомба трапіла ў вагон з хлопчыкамі, каля 40 дзяцей загінулі...” [3, с. 27].

Трэба адзначыць, што эвакуацыя дзяцей працягвалася і пазней, калі тэрыторыя Беларусі была ўжо акупіравана. Так, у гісторыі засталася гераічная аперацыя беларускіх партызан атрада імя Шчорса пад назвай “Зорачка”. У лютым 1944 г. яны эвакуіравалі з акупіраванай тэрыторыі на Вялікую зямлю каля 200 выхаванцаў Полацкага дзіцячага дома № 3 [2, с. 343]. Аднак такія акцыі не набылі масавага характару, бо магчымасці былі абмежаваныя. Усяго па дадзеных ЦШПР у савецкі тыл было вывезена каля 5 тыс. жанчын, дзяцей і старых. Агульная колькасць эвакуіраваных на ўсход дзяцей склала толькі 14-15 %. Каля 85% дзяцей, а гэта 3.7 млн., засталіся на акупіраванай тэрыторыі і вымушаны былі пераносіць усе цяжкасці акупацыйнага рэжыму. Іх лёсам стала барацьба, перш за ўсё, барацьба за выжыванне [4, с. 79].

Шмат дзяцей, што страцілі бацькоў і сем’і ў першыя месяцы вайны, ператварыліся ў бадзяг і папрашаек. У іх ваенным дзяцінстве панавалі голад, холад, хваробы, беспрытульнасць і жабрацтва. Нямецкія акупацыйныя ўлады не цікавіліся такімі дзецьмі, бо іх трэба было ўтрымліваць і забяспечваць. Смяротнасць сярод іх была высокая. Досыць часта акупанты праводзілі бесчалавечныя акцыі па зачыстцы тэрыторыі ад такіх дзяцей. Так, у верасні 1942 г. каля мінскага вакзала было растрэляна амаль 100 бяздомных дзяцей ва ўзросце ад 5 да 12 гадоў [5, с. 95].

Разам з тым, на акупіраванай тэрыторыі засталася шмат дзіцячых устаноў, якія не паспелі эвакуіравацца. У Віцебску, напрыклад, дзейнічалі 5 дзіцячых дамоў, у Сенненскім раёне – 2, у Аршанскім – 4 і г.д. Жыццё дзяцей у гэтых установах таксама было на мяжы выжывання. Акупанты выкарыстоўвалі іх на цяжкіх работах, рабілі донарамі для забора крыві для нямецкіх салдат, а часта проста знішчалі. Памяць людская захавала адзін са шматлікіх трагічных эпізодаў вайны – знішчэнне ў верасні 1942 г. дзяцей Дамачоўскага дзіцячага дома на Брэсчыне. 54 дзіцяці ва ўзросце ад 5 да 13 гадоў разам з выхавачелямі былі растрэляны недалёка ад станцыі Дубіца. Гэта былі дзеці афіцэраў Чырвоннай арміі [6, с. 165].

3 разгортваннем масавага руху супраціўлення акупанты ўзмацнілі рэпрэсіі і тэрор супраць мірнага насельніцтва, спрабуючы задушыць імкненне беларускага народа да вызвалення. На тэрыторыі Беларусі яны правялі 140 карных аперацый, спалілі 9200 вёсак, з іх 628 разам з жыхарамі. Незабываемым болей адзываецца ў кожнага звон калакалоў Хатыні, дзе зажыва было спалена 149 чалавек, 76 з якіх – дзеці. Не сакрэт, што досыць часта ворагі выкарыстоўвалі мясцовых жыхароў, у тым ліку і дзяцей, для размініравання тэрыторый, для прыкрыцця наступальных дзеянняў сваіх салдат. Так, у канцы жніўня 1941 г. нямецкія салдаты пад прыкрыццём малалетніх дзяцей, старых і жанчын захапілі пераправу на рацэ Іпуць каля Добуша [7, с. 177].

Але самыя абяздоленыя дзеці вайны – гэта малалетнія вязні фашысцкіх лагераў і гета. У іх адабралі не толькі хлеб, дом, мацярынскую ласку, у іх адабралі радзіму і свабоду. Як вядома, на Беларусі фашысты стварылі 260 канцлагераў і іх філіялаў, дзе былі нечалавечыя ўмовы існавання. Большасць малалетніх вязняў былі бязвінныя яўрэйскія дзеці. Людзі, рызыкуючы жыццём, хавалі ў сваіх дамах такіх дзетак, давалі ім іншыя імёны, дзяліліся апошнім кавалкам хлеба. Тым не менш, ахвярамі халакоста на Беларусі сталі амаль 800 тыс. чалавек, сярод якіх значная колькасць дзяцей. Тыя, каму давялося выжыць, з жахам успамінаюць сваё дзяцінства. У Віцебску былыя вязні фашызму стварылі асацыяцыю “Лёс”. Яны выступаюць перад моладдзю, удзельнічаюць у правядзенні тэматычных экскурсій, урокаў мужнасці, лінеек памяці. У 1988 г. створана і дзейнічае на постсавецкай прасторы грамадскае аб’яднанне малалетніх вязняў нацызму. 11 красавіка па рашэнню

ААН адзначаецца Міжнародны дзень вызвалення вязняў фашысцкіх канцлагераў.

Па няпоўных падліках, у выніку генацыду на тэрыторыі Беларусі за 1941–1944 гг. загінула больш за 166 тыс. непаўналетніх, а сіротамі засталіся больш за 138 тыс. дзяцей [4, с. 107].

Але не толькі масавы генацыд выкарыстоўвалі гітлераўцы, каб паставіць на калені насельніцтва Беларусі. Не менш важную стаўку яны рабілі на так званую германізацыю (анямечванне) пэўнай часткі беларусаў. Яны спрабавалі адабраць найбольш прыгодную, на іх думку, у расавых адносінах частку моладзі і ўсімі магчымымі сродкамі – прапагандай, дэмагогіяй, хлуснёй навязаць ім нацысцкую ідэалогію. Гэтай мэце павінна была служыць сістэма дашкольнага выхавання і школьнай адукацыі, створанная на акупіраванай тэрыторыі. Па меркаванню акупацыйных улад, яе задачай была падрыхтоўка паслухмяных, пранікнутых ідэямі нацыянал-сацыялізму працалюбівых падлеткаў, якія б аддавалі ўсе сілы “Вялікай Германіі”.

Ужо з вясны 1943 г. акупацыйныя ўлады пачалі праводзіць мэтанакіраваны вываз беларускай моладзі, у тым ліку і дзяцей старэйшага школьнага ўзросту, на прымусовыя работы ў Германію. Прымусовыя дэпартацыі ставілі задачу, разам з вытворчымі, анямечвання пэўнай часткі насельніцтва Беларусі. Як вядома, за гады вайны з тэрыторыі Беларусі было вывезена каля 380 тыс. чалавек, сярод якіх больш за 33 тыс. непаўналетніх дзяцей ва ўзросце да 16 гадоў [4, с. 58]. Дзеці адрываліся ад сям’і, ад роднай зямлі, адчувалі на сабе моцнае псіхалагічнае ўздзеянне германскай прапаганды пра непазбежнасць перамогі Германіі ў вайне з СССР, немагчымасць вяртання на Радзіму. Вядома, што на тэрыторыі Германіі існавалі спецыяльныя лагеры, дзе дзяцей з акупіраваных тэрыторый прымушалі цяжка працаваць, забываць радзіму і мову, праводзілі над імі медыцынскія эксперыменты.

Помнік-мемарыял такім дзецям узведзены на Гомельшчыне, дзе на тэрыторыі гаспадаркі “Чырвоны бераг” немцы стварылі пункт збору дзяцей для адпраўкі ў Германію і для забора крыві. Мемарыял адкрывае скульптура адзінокай дзяўчынкі, на твары якой боль і бездапаможнасць. Паднятымі над галавой рукамі яна як бы абараняецца ад усіх жахаў вайны (архітэктар Л. Левін). Гэта ўражае і не забываецца.

Для правядзення прагерманскай маладзёжнай палітыкі ў чэрвені 1943 г. з нявопытнай і даверлівай моладзі акупацыйныя ўлады стварылі калабаранцкую арганізацыю – Саюз беларускай моладзі (СБМ). Мэтай яе аб’яўлялася фарміраванне будучай беларускай эліты. На самай справе арганізацыя гэта павінна была адцягнуць увагу моладзі ад удзелу ў партызанскім руху і патрыятычным падполлі. Разам з тым, яна з’яўлялася цэнтрам мабілізацыі і адпраўкі юнакоў і дзяўчат на працу ў Германію. У СБМ прымалася беларуская моладзь ад 10 да 20 гадоў. Яе структурнае будаўніцтва капіравалася з арганізацыйных формаў гітлерюгенда. Арганізацыя мела нават свой друкаваны орган – часопіс “Жыве Беларусь”. Яе члены насілі спецыяльную форму і атрымлівалі дадатковы паёк. Апошняя акалічнасць ва ўмовах ваеннага часу была істотным матывам для ўступлення ў яе рады. Але масавай яна не стала. Колькасць членаў Саюза беларускай моладзі ацэньваецца гісторыкамі ў 12,5 тыс. чалавек. Досыць часта членства ў саюзе з’яўлялася прыкрыццём іх нелегальнай барацьбы [9].

Шматлікія крыніцы сведчаць, што, нягледзячы на складанасць абстаноўкі, беларуская моладзь мела патрыятычны настрой. Юнакі і дзяўчаты з першых дзён вайны ўключыліся ў антыфашысцкую барацьбу з агрэсарам, сталі актыўнымі ўдзельнікамі масавага руху супраціўлення на акупіраванай тэрыторыі. Як вядома, у шэрагах змагароў супраць акупантаў налічвалася больш за 440 тыс. беларускіх партызан і падпольшчыкаў. Сярод іх 12,8 % складала моладзь да 20 гадоў, у тым ліку больш за 5 тыс. дзяцей ва ўзросце да 14 гадоў [4, с. 14]. Дзеці былі разведчыкамі і сувязнымі, распаўсюджвалі лістоўкі і савецкую літаратуру, збіралі для партызан зброю і боепрыпасы, удзельнічалі у баявых аперацыях. У іх не было асабістых дакументаў і ім было лягчэй перамяшчацца па тэрыторыі, не выклікаючы падазронасці ў немцаў і паліцэйскіх. Досыць часта дзеці-разведчыкі стваралі вобраз падлетка-жабрака, які нібы думаў толькі пра ўласнае выжыванне. Разам з тым, яны забяспечвалі партызанскія атрады звесткамі аб варожых эшалонах, аб падыходах да аб’ектаў ворага і г.д.

Значэнне такой дапамогі цяжка пераацаніць. Дзякуючы гэтаму, партызаны засцерагаліся ад раптоўных нападаў ворага, мелі магчымасць падрыхтавацца да адпору у час карных аперацый, зберагчы людзей. Як сувязныя, дзеці падтрымлівалі кантакты

партызан з мясцовым насельніцтвам, дапамагалі забяспечваць іх харчаваннем, адзеннем, медыкаментамі, ратавалі параненых.

Добра вядомы на Беларусі імёны такіх дзяцей-герояў, як Марат Казей, Зінаіда Партнова, Мікалай Гойшык і іншых, якія за свае гераічныя ўчынкi былі ўдасцоены высокіх званняў і ўзнагарод. Але вельмі шмат менш вядомых, але не менш значных імёнаў дзяцей, якія праяўлялі недзіцячую мужнасць і гераізм у барацьбе з ворагам.

Так, смела вяла разведку ў месцах размяшчэння праціўніка юная партызанка другой Беларускай брыгады імя П.К. Панамарэнкі Надзя Багданава. Яна вызначыла размяшчэнне варожага штаба, прыкладную колькасць варожага гарнізона, куляметных кропак, замаскіраваных пушак і асабіста суправаджала партызан на баявыя аперацыі. У ноч з 11 на 12 лютага 1943 г. Надзя правяла групу партызан на чале з камандзірам М.І. Яўсеевым да будынка варожага штаба. Партызаны знялі ахрану, закідалі штаб гранатамі, знішчылі большую частку афіцэраў. З такім жа поспехам смелая і кемлівая разведчыца выконвала і іншыя заданні камандавання, праяўляла пры гэтым мужнасць і адвагу [7, с. 259].

Адважнай партызанскай сувязной зарэкамендавала сябе пятнаццацігадовая Клара Філіпава, якая дзейнічала ў г. Гомелі. На працягу некалькіх дзён яна збірала звесткі аб перамяшчэнні жывой сілы і тэхнікі праціўніка на шашы Рэчыца-Гомель і тым самым істотна дапамагла партызанам знішчыць ворага [7, с. 257]. І такіх прыкладаў вельмі шмат. Усяго на момант злучэння з Чырвонай арміяй у партызанскіх атрадах налічвалася 8,87% ці 2500 падлеткаў, якія не дасягнулі прызыўнога ўзросту. Немцы называлі іх “banden kinder”. Масавы ўдзел дзяцей у антыфашысцкай барацьбе прымусіў немцаў у 1943 г. прыняць нават спецыяльны загад “Об обращении с бандитскими детьми” [4, с. 32].

За ўклад дзяцей у Перамогу 37 тыс. юнакоў і дзяўчат былі ўзнагароджаны ардэнамі і медалямі [10, с. 64].

Навуковыя даследванні тлумачаць удзел дзяцей у масавым руху супраціўлення на акупіраванай тэрыторыі рознымі фактарамі. Гэта жорсткая палітыка акупантаў, якія чынілі гвалт над мірным насельніцтвам, страта блізкіх людзей, прыклад дарослых, якія ўключыліся ў барацьбу з першых дзён вайны. Але больш за ўсё падкрэсліваецца роля савецкай даваеннай сістэмы выхавання ў піянерскіх і камсамольскіх арганізацыях, дзе дзейнічаў лозунг:

піянер і камсамалец павінны быць “заўседы гатовы да абароны сваёй Радзімы”.

Памяць аб тых гераічных і трагічных старонках нашай гісторыі свята захоўваецца на нашай зямлі. Яна ў сэрцах тых, хто быў непасрэдным удзельнікам Вялікай Айчыннай вайны і якіх з кожным годам становіцца ўсё менш. Яна ў шматлікіх помніках і абелісках, якія паўсталі за пасляваенны перыяд, яна ў лепшым у Еўропе музеі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, у выкладанні спецкурса “Вялікая Айчынная вайна савецкага народа ў кантэксце Другой сусветнай вайны”, які ўведзены ў ВНУ Беларусі. Акрамя таго, у БНТУ кафедра “Гісторыя, сусветная і айчынная культура” штогод праводзіць агульнаўніверсітэцкія і факультэцкія канферэнцыі па ваеннай тэматыцы, арганізуе экскурсіі ў музей, сустрэчы з ветэранамі, паходы па месцах баявой славы, выдаюцца зборнікі студэнцкіх работ, у якіх моладзь усё часцей звяртаецца да праблемы вайны ў лёсе іх сям’яў. Выхаванне гісторыяй – галоўная састаўляючая ўсёй выхаваўчай работы, гарантыя таго, каб жакі вайны ніколі не паўтарыліся.

Выкарыстаная літаратура

1. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941-1944). – Мінск, 1995 – 440 с.
2. Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця. Дакументальныя нарысы / У.П. Паўлаў. – Мінск: ААП “Поліграфкамбінат імя Я.Коласа, 2005. – 416 с.
3. Дети войны. Материалы круглого стола. Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941-1944. – Витебск: 2007 – 144 с.
4. Бездзель, В.Я. Дзеці на акупаваннай тэрыторыі Беларусі. Манаграфія. / В.Я. Бездзель. – Віцебск, 2013. – 157 с.
5. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – Мінск: Гос. издательство БССР, 1963.
6. Гребенкина, А.А. Живая боль: женщины и дети Брестского гарнизона (1941-1944). / А.А. Гребенкина. – Мінск, 2008. – 170 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. В 3 т. – Мінск: издательство “Беларусь”. – Т. 2 – Мінск, 1984 – 550 с.

8. Трагедия евреев Белоруссии (1941-1944 гг.). Сборник материалов и документов. – Минск, 1997. – 398 с.

9. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. / А.А. Каваленя. – Мінск, БДПУ імя М. Танка, 1999 – 260 с.

10. Котаў, А.І. Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. / А.І. Котаў // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, 5 мая 2000 г. – Мінск. – С. 62-64.

ИСТОРИЯ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕХОВ МИНСКА В XVI–XIX вв.

Семёнова Л.Н.,
доктор исторических наук, профессор

Цехи стали самой распространенной формой организации городского ремесла. В Западной Европе они получили развитие в XII – XV вв. Не без влияния Магдебургского права, пришедшего из Германии, а в большей степени по причине географического соседства примеры именно немецкого цехового устройства и некоторые названия переходили к белорусским цехам. Даже само понятие «цех» пришло от немецкого *zeche, zeichen, zünfte*, что означает и знак, и стяг, и цех.

С XVI в. появляются первые документальные свидетельства о ремесленных цехах г. Минска. Безусловно, ремесленники и раньше играли существенную роль в экономике города и составляли значительную часть его мещанства – городского сословия. Но именно в XVI в. с началом структурирования европейской капиталистической экономики в аграрных странах появилась необходимость государственной организации крестьянского и ремесленного труда. Крестьян прикрепили к земле с помощью крепостного права, ремесленникам предписали объединиться в цеховую организацию. Как писал Ф. Бродель, в Польше, в Венгрии, в Чехии «вторичное закрепощение» действительно возникло к выгоде сеньоров и магнатов, которые с того времени стали между крестьянином и рынком и господствовали даже над снабжением городов в тех случаях, когда

последние не были попросту их личной собственностью. В России главным действующим лицом было государство» [1, с. 486]. И в Польше, и в России магнаты и государство пытались встать между непосредственным производителем и рынком, защитить его от рынка и капитализма, выступить в роли посредника. Но именно такое посредничество в виде крепостного права и цеховой организации труда соответствовало тенденциям капиталистического развития, привязывая аграрную периферию к финансовому и индустриальному центру. Если на западе Европы капитализм уже безжалостно рвал узы сеньориального порядка, то на востоке Европы именно капитализм их завязывал. Капитализм тогда был представлен, прежде всего, торговым капиталом купцов.

Устройство цехов было однотипным. В цех, как правило, входили мастера одной или нескольких смежных профессий. Мастера – владельцы ремесленных мастерских – ежегодно избирали старшину-цехмистра и казначея. Мастер цеха имел право нанимать подмастерьев – «товарищей», «челядников». У мастера в обучении могли находиться ученики – «хлопцы». Формально каждый подмастерье мог стать мастером. Для этого нужно было несколько лет отработать на мастера, затем пройти двухлетнюю или полуторагодовую стажировку в других городах (так называемую вандроўку). После этого в цех представлялось образцовое изделие своего ремесла: во французской цеховой практике это называлось «шедевром», в белорусской – «збрабіць штуку» – показать искусство. Подмастерье также организовывал для членов цеха пирушку-братчину и вносил денежный залог. После этого можно было получить свидетельство мастера и приобретать собственную мастерскую... «если оставались средства». В реальности все это было под силу сыновьям и другим родственникам богатых мастеров. «Простого стана человеку», честно отработавшему подмастерьем, скопить необходимую сумму было практически невозможно. В цехах всегда существовало имущественное неравенство.

Мастера преимущественно работали на заказ, но также выходили и на рынок, торговали в розницу в собственных лавочках и на ярмарках – кирмашах. Цех строго регламентировал закупку сырья, объем производства, качество изделий, применяемые технологии. Не допускались никакие единоличные инновации, изменения могли быть введены только общим постановлением цеха. Цехи беспощад-

но преследовали внецеховых мастеров – «партачей». Цехи имели в своем распоряжении приходские церкви. В них они проводили общие цеховые собрания и пиры – «братчины». В каменных церковных подвалах хранились цеховые документы, символы, ценные инструменты, сырье, готовые изделия, что было безопаснее, чем в деревянных домах, наиболее распространенных в тогдашних городах. Цех имел свою символику, прежде всего хоругвь, так как в городском ополчении составлял особый отряд – хоругвь. Хоругви подчас становились настоящими произведениями искусства. В них на ярком фоне стремились запечатлеть и святых – покровителей ремесла, и характерные инструменты, ставшие символами цеха. Хоругви являлись предметом особой гордости цеха, их выносили на торжественные мероприятия и хранили с особой тщательностью. Ремесленники одного цеха старались селиться рядом друг с другом, в одном районе города, еще лучше на одной улице. От этого соседства в наследство городам достались соответствующие профессиям названия улиц: Кузнечная, Пушкарская, Каретная, Обойная и др.

Первым письменным свидетельством о цеховой организации г. Минска считается привилей от 16 июля 1569 г. В нем отмечается: «а кождый ремесник в месте нашем тамошним менском мешкаюим ижъ бы в цех уписавшися робил». О старосте цеха сказано: «на каждое ремесло старост обравшим, абы кождый ... от сего часу в цех уписавшися робил» [13, с. 7]. Даже по двум приведенным отрывкам видно, как составители привилея подчеркивают обязательность для каждого ремесленника вступления в цех и принадлежности к нему без каких-либо исключений.

Одним из первых документов, касающихся основания конкретных цехов в Минске, является привилей от 2 декабря 1591 г. Он был утвержден и подписан минским войтом Григорием Тарлецким, а также бурмистрами Лукашем Пашкевичем, Иваном Бабурским в присутствии бурмистров, радцев и лавников «старой рады места Менскага». Согласно привилею, в Минске был основан цех восьми ремесел, связанных с металлообработкой: кузнецов, котляров, слесарей, специалистов по выработке конской сбруи, пушкарей, мечников, ножевщиков и «з-за малой лічбы містроў у месте» злотников (золотых дел мастеров). Указанным привилеем был утвержден устав этого знатного и уважаемого цеха. В соответствии со специальным королевским привилеем цех получил разрешение иметь

свою печать, хоругвь, бубен (барабан) и оружие, необходимое для обороны города. У цеха был цеховой дом, где все это хранилось, проводились цеховые собрания. Дом был освобожден от постоев войск, депутатов, судей, воевод [13, с. 11].

Возможно, вторым, провозглашенным по такой же процедуре цехом, был цех портных. 10 декабря 1591 г. его устав был одобрен на заседании минского магистрата, «на вразде ратушу менскага». В привилее от 20 ноября 1592 г. говорилось, что к королю Сигизмунду III Вазе обратились мастера портновского ремесла Томаш и Стефан Василевичи, Яков Лукьянович Слинкович, Юда Дурнякович и Павел Иванович с просьбой подтвердить принятый ранее устав их цеха [13, с. 27].

Так же поступали и ремесленники других профессий. К концу XVI в. было известно до 200 ремесленных профессий. В крупных городах их насчитывалось до 50. Время от времени цехи проходили очередные процедуры подтверждения их существования, документации и регалий. А.К. Титов описал 12 ремесленных цехов Минска, существовавших в период с XVI по XVIII вв. То было время взлета ремесленничества и цеховой организации. Других промышленных укладов на белорусских землях не существовало. Не была всеильной и вездесущей торговля, хотя верхушку городского общества и составляли купцы, также объединенные в свои организации – гильдии / братства, имевшие монополию на оптовую торговлю. Следом за ними в городской иерархии шли мастера-ремесленники, которые обладали довольно высоким статусом в городе. Значительными были поступления от цехов в городскую казну для выплаты городского налога. Минск выплачивал городской налог по самой высокой ставке.

Тем не менее, экономические условия в Речи Посполитой были далеко не безоблачными. В стране и городах царил сложная криминальная обстановка. Бесчинствовали воры, грабители, попрошайки разных мастей, также объединенные в свои «цеховые» организации. Не отставали от грабителей – лупежников (от польского слова «луп» – нажива от грабежа) вооруженные отряды шляхты. Они нападали на ремесленные мастерские и склады, порой даже разбивали целые купеческие обозы, вступая в сражения с вооруженной купеческой охраной. В Речи Посполитой, в отличие от дру-

гих стран, в том числе России, систематической борьбы с разбоем на государственном уровне не велось.

Разрушительное влияние на экономику оказывали многочисленные внутренние и внешние войны, в которых регулярно участвовала Речь Посполитая. Особенно тяжелыми для городов стали казачья война 1648–1651 гг. и русско-польская война 1654–1667 гг. По подсчетам некоторых авторов, в Беларуси погибла едва ли не половина населения [14, с. 147]. Деревни и города опустели. Вслед за выходом русских войск торгово-ремесленное население многих белорусских городов, как добровольно, так и принудительно, переселялось в Россию. В 1656 г. доверенные лица московских властей начали вербовку мастеров оружейных дел Минска для переезда в Москву. В 1667 г. суздалец Петр Болотников был направлен в Минск для закупки пищалей и вербовки мастеров оружейных дел для русского царя [7, с. 55, 56]. В Москве и ряде русских городов появились целые мещанские слободы, населенные белорусами. Лишившиеся городских доходов польская корона и частные владельцы городов – магнаты, стали в массовом порядке заселять белорусские города еврейскими общинами – кагалами, которым разрешалось заниматься ремеслом и торговлей. Вместе с восстановлением и ростом белорусских городов начал меняться их этнический облик.

В середине XVI в. таможенные сборы Минска были переданы на откуп группе богатых брестских откупщиков-евреев, так как минский кагал входил в состав Брестского округа [8]. В 1579 г. король Стефан Баторий предоставил евреям право торговли в Минске. В 1629 г. указом короля Сигизмунда III евреям было позволено владеть «съестными лавками и ларями». Король Владислав IV в 1633 г. значительно расширил привилегии еврейской общины Минска. Евреям позволили заниматься любой торговлей, покупать земли в центре города для жилых домов и магазинов, выделили территорию для нового кладбища [4].

Большую роль в жизни евреев Минска сыграла грамота короля Яна Собеского от 1679 г., продиктованная стремлением восстановить город после разорительной войны. Согласно грамоте евреям были предоставлены значительные имущественные права, в том числе разрешено заниматься различными ремеслами, организовывать цехи, существующие цехи не должны притеснять евреев-ремесленников и взимать с них цеховых сборов. В грамоте строго

предписывалось, чтобы городские власти охраняли евреев от преследований. В 1722 г. король Август II Сильный по просьбе минской еврейской общины подтвердил грамоту Яна Собесского и освободил общину от ряда платежей. Сохранилось несколько распоряжений королей и канцлеров XVIII в., из которых видно, как власти просили минских торговцев-евреев не покидать ярмарки, например, Мирскую, обещая им всяческую защиту, приказывали брестскому кагалу не притеснять минских купцов. Подобные государственные меры не могли не дать результатов. Экономическое значение и численность еврейской общины неуклонно росли. В 1766 г. в Минске насчитывалось 1322 налогоплательщика еврея [8]. По свидетельствам современников, в Минске в 1760-е гг. существовало многочисленное «еврейское ремесленное братство». Евреи металлисты производили «молотом разную ремесленную работу, относящуюся к привилегированному слесарному и кузнечному цеху». Множество евреев работали золотых дел мастерами, ювелирами, жестянщиками, латунщиками и др. [12, с. 275].

В Российской империи указом от 23 июня 1794 г. на территории западных литовско-белорусских и части украинских губерний была учреждена черта еврейской оседлости. Белорусский город, в том числе и Минск, ощутил на себе перенаселенность еврейской беднотой, господство еврейской буржуазии, преобладание еврейских ремесленников.

В работах 1860–1870-х гг. российские авторы отмечали, что «ремесла в западном крае находятся главным образом в руках евреев и не достигли цветущего положения». Исследователь Зеленский подчеркивал: «Мы не сделаем большой ошибки, если скажем, что 40–50% еврейского населения Минской губернии (в 1864 г. оно составляло 61 499 при общей численности населения 126 339 человек) занимается ремеслами» [3, с. 21]. Американский историк Саул Гинзбург, родившийся в Минске в 1866 г., писал в воспоминаниях о своем родном городе: «Торговля и ремесла сосредоточены были почти исключительно в руках евреев. Ремесленники почти все были евреи и христиан, представителей этой профессии, можно было по пальцам перечислить; евреи же занимались всеми прочими отраслями физического труда» [4]. Субботин А.П. подчеркивал: «В Минске всего три русские лавки... Ремесленников неевреев здесь всего несколько человек...» [5, с. 55–56].

Преобладающее число еврейских ремесленников было необычайно бедным. «Из 10 еврейских ремесленников семейства 8 погружены в самую ужасающую нищету» [3, с. 21]. Такие жизненные условия во многом обуславливали низкое качество ремесленного производства. Ремесленник не мог приобрести необходимых инструментов и качественных материалов, торопился быстрее сбыть наскоро сделанный товар. А его покупателем являлся такой же бедный ремесленник, не имевший средств на покупку лучшего изделия. Получался замкнутый круг. Представители администрации в губерниях черты оседлости писали в докладах в столицу: «Весьма много отличных мастеров, произведения которых отличаются изяществом отделки и прочностью работы, но искусство этих мастеров остается почти бесплодным из-за большой конкуренции» [11]. Неоднократно отмечалась и такая немаловажная черта. По словам Афанасьева, «между ремесленниками-евреями нет ни пьяниц, ни буянов. Наблюдается кротость и мягкость в обращении мастеров с подчиненными» [2, с. 22].

В XIX в. численность ремесленников неуклонно росла. С исчезновением из обихода некоторых предметов быта, видов оружия, военных доспехов, не выдержав конкуренции с фабричными товарами, уходили в небытие одни специальности, но при этом появлялись другие. На протяжении XIX в. насчитывалось около 100 ремесленных профессий [6, с. 122]. Ремесленники составляли большую часть мещанского сословия городов и местечек. Во второй половине XIX – начале XX вв. численность ремесленников Минска колебалась от 1,5 до 6 тыс. человек. Таковы были возможности и потребности города. При этом в 1897 г. численность еврейской общины Минска – четвертой еврейской общины в пределах черты оседлости – составляла 47 562 человека [4].

Ремесленники второй половины XIX в. оказались в принципиально новых условиях. Ремесленный уклад был теперь далеко не единственным. Происходит рост мануфактурной и фабрично-заводской промышленности, конкурировать с которой ремесленному производству приходилось все труднее. Буквально за столетие Минск из тихого провинциального белорусско-польского города превратился в торгово-промышленный капиталистический губернский центр на западе Российской империи. Однако капиталистическая цивилизация едва затронула, но кардинально не изменила

внутренний дух города, глубины его повседневности. Фабрики и заводы опоясали Минск по окраинам, но внутри еще цепко сохранилось патриархальное ядро, промышленным сердцем которого было ремесло. Съезжившееся и рвущееся под воздействием фабричной конкуренции ремесло продолжало оставаться серьезным экономическим фактором, а ремесленники – многочисленными городскими обывателями.

Цеховая организация ремесла регулировалась ремесленным уставом, разработанным еще при Екатерине II, уточненным при Павле I, отредактированным при Николае I, и, по сути, действовавшим вплоть до 1917 г. Во второй половине XIX в. в Минске функционировало около 70 цехов, в основном вечных, то есть состоявших из вечноцеховых, записанных на неограниченный срок мастеров, а также сложных или составных, то есть, включавших в себя несколько специализаций [9]. В соответствии с принципами статистики тех времен цехи подразделялись на следующие профессиональные группы: 1) выпечка хлеба, изготовление кондитерских изделий, приготовление пищи, 2) пошив одежды, 3) производство предметов домашнего обихода (металлообработка, обработка древесины, гончарное дело, производство керамики, стекла, выделка кожи, пошив изделий из кожи), 4) прочие ремесленники.

Каждый цех управлялся цеховой управой, которая состояла из цехового старшины, помощников, депутатов и гласных. При цеховой управе состоял присяжный маклер, который вел письменные дела, оформлял протоколы собраний. Полагалась также подмастерская управа, которая готовила для цеховой управы материалы по делам подмастерьев и учеников. Цех представлял собой сословно-корпоративную организацию, в которой решались все профессиональные и бытовые вопросы, начиная от технологии производства, инструментов, материалов, ремесленного ученичества, и заканчивая помощью ремесленникам и их семьям.

Цеховую организацию городского ремесла венчала Минская общая ремесленная управа, в состав которой входили ремесленный голова и старшины цехов. Для осуществления текущих дел и присутствия на заседаниях управы цехи устанавливали между собой очередь, за неявки полагались штрафы. В XIX в. в ряду высокопоставленных лиц губернского и городского правления, состоятельных купцов и фабрикантов ремесленный голова выглядел весьма

скромным руководителем одного из многих контрольно-распорядительных городских органов. Между тем, ответственность на нем лежала большая, а решать многочисленные проблемы при скудной цеховой казне было затруднительно.

В начале 1890-х гг. Минская общая ремесленная управа уже значилась как упрощенная. Под упрощенным ремесленным управлением понималось такое состояние ремесленной корпорации, при которой отсутствовало деление на цехи, мастеров, подмастерьев и учеников. Возглавлял упрощенную ремесленную управу старшина. С развитием капитализма сословная ремесленная корпорация все увереннее превращалась в профессиональную социально-классовую организацию. Капиталистическое предпринимательство не желало считаться с установленными когда-то цеховыми правилами. С 1860-х гг. – времени отмены крепостного права и буржуазных реформ – начинается упразднение цеховой организации в губерниях и городах Российской империи. В 1902 г. были расформированы ремесленная управа и цеховая организация Минска. Свободное ремесленничество с головой окунулось в бурные воды капиталистического предпринимательства. Буквально на излете существования Минской ремесленной управы в 1901 г. по инициативе бывшего городского головы графа К.Э. Чапского минские ремесленники объединились в ремесленном кредитном товариществе [10, с. 121–122].

Цеховая организация ушла, но наследниками ремесленных цехов по праву стали профсоюзные организации, профессиональное образование, система социального страхования и обеспечения, культурно-просветительские общества, малый бизнес и др. Понятия ремесленный цех, мастер, профессиональная корпорация по-прежнему ассоциируются с лучшими проявлениями труда. Если ремесленные цехи стали важным этапом в развитии ремесла, то не будет преувеличением сказать, что само ремесло сопровождает человечество на протяжении всей его сознательной истории, является ровесником охоты и собирательства и продолжает развиваться и сегодня.

Использованная литература

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. / Ф. Бродель; Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – 752 с.

2. Гессен, Ю. История евреев в России. / Ю. Гессен. – СПб., 1914. – 345 с.
3. Евреи в России. – СПб., 1877. – 439 с.
4. Из истории евреев Минска. // Еврейская религиозная община Минска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evrei.by/obshina/istoriya-obshhinyi.html>. – Дата доступа: 25.02.2015.
5. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. / Э.Г. Иоффе. – Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. – 294 с.
6. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века. / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.
7. Малашевич, Е.В. Минск. Книга жизни. / Е.В. Малашевич. – Минск: МФЦП, 2006. – 386 с.: ил.
8. Минск – губернский город. // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона (ЕЭБЕ) [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной библиотеки. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki>. – Дата доступа: 16.03.2015.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 198, 274, 384, 575, 839, 839.
10. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Б.И. Соломонова, 1902.
11. Ребель, А. Евреи в России: самые влиятельные и богатые. / А. Ребель // Историческая библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historylib.org/historybooks/Alina--Rebel>. – Дата доступа: 10.01.2015.
12. Фельдман, Д.З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. Опыт архивного исследования. / Д.З. Фельдман. – М.: Древлехранилище, 2005. – 422 с.
13. Цітоў, А.К. Менск – места майстроў: Рамесныя цэхі XVI–XVIII стст. / А.К. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 2002. – 110 с.
14. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учебное пособие / П.Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Высшая школа, 2007. – 463 с.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

Хромченко Д.Н.,
кандидат исторических наук, доцент

Жизнь и судьба ученого, фронтовика, ветерана БНТУ, бывшего заведующего кафедрой «История КПСС» БПИ Соломахо Степана Лукича переплетена с судьбой страны на её крутых переломах, с историей БНТУ в сложные годы становления и развития.

Родился Соломахо С.Л. 28 октября 1900 г. в далекой полесской деревне Ветхинь тогдашнего Речицкого уезда Минской губернии, позже – Речицкого района Гомельской области в семье крестьянина. Простой крестьянский подросток стремился к учебе, однако только к 17 годам юноша смог окончить начальную и Домановичскую, как тогда называли, двухгодичную школу. С таким багажом знаний он встретил Октябрьскую революцию. Это было сложное время: с одной стороны голод, разруха, начавшаяся гражданская война, с другой – пафос новой жизни, начало культурной революции, становление молодой советской государственности. Но это было и время, связанное со становлением будущего ученого, время, когда Соломахо С.Л. выбрал свой педагогический путь, которого он постоянно и целеустремленно придерживался всю свою жизнь. Уже в 19 лет Степан Лукич начал свою преподавательскую деятельность учителем начальной школы в белорусской глубинке, деревне Гончаровнадел Речицкого уезда. В этом же году он вступил в комсомол.

Некоторое время Соломахо С.Л. продолжал свою педагогическую работу, одновременно занимаясь самообразованием и активно участвуя в общественной жизни деревни и уезда. Однако имеющихся знаний явно не хватало и в 1920 г. он продолжил учебу в Бабчанской девятилетней школе с педагогическим уклоном. Уже в школьные годы, кроме успешной учебы, юноша проявил себя активным общественником, организатором молодежи и не случайно поэтому сразу же после окончания учебы в 1924 г. он был направлен на очень трудный и ответственный участок работы – заведующим колонией трудового воспитания детей в д. Заспа Речицкого района. Что собой представляла работа в подобной колонии, когда кругом еще продолжались разруха, беспризорничество, можно только представить... Директору же было в это время только 24 года.

Тем не менее, Степан Лукич неплохо себя зарекомендовал и после нескольких лет работы директором был переведен на работу учителем сначала в Ново-Барсуцкую, затем в Дюрдовскую школы Речицкого района. Именно в эти годы 26-летний молодой человек сначала стал кандидатом в члены ВКП(б)Б, а затем в 1928 г. вступил в ряды коммунистической партии.

Не останавливаясь на достигнутом, в этом же году Соломахо С.Л. поступил в Минский высший педагогический институт и успешно его закончил в 1933 г. К сожалению, документы ВУЗа тех предвоенных лет не сохранились, но подтверждением успешной учебы Степана Лукича в институте является тот факт, что, еще являясь студентом третьего курса, он начал преподавать на кафедре политэкономии высшего учебного заведения, носящего в то время сокращенное название «Комвуз», а после окончания педагогического института был назначен заместителем директора курсов партийного актива при ЦК КП (б)Б., затем стал директором Республиканской советско-партийной школы, также имевшей статус высшего учебного заведения. Тем не менее, молодой руководитель не остановился на достигнутом и продолжал упорно работать над повышением своего научно-педагогического уровня. С 1935 по 1938 гг. Степан Лукич без отрыва от своей основной работы учился в аспирантуре Института истории партии при ЦК КП(б)Б. Организаторские способности Соломахо С.Л. были замечены и он был назначен заведующим отделом пропаганды Ворошиловского райкома партии г. Минска, а затем руководителем лекторской группы Минского обкома партии.

Одновременно с 1933 г., когда возобновил свою работу после временной реорганизации Белорусский политехнический институт, Степан Лукич по совместительству стал читать лекции в этом ВУЗе и даже на партийной работе, тем не менее, не прекращал свою преподавательскую деятельность в БПИ, проработав в нем в итоге более 40 лет. Исключение составили только военные годы. Все это время Степан Лукич активно занимался самообразованием, что положительно сказывалось на его работе. Как отмечалось в служебной характеристике этого периода, «семинарские занятия, проводимые Соломахо, отличаются четкостью и глубиной разбираемых тем». Можно только представить интенсивность его творческой жизни, если учесть, что он одновременно начал работать над диссертацией.

Научная работа уже была подготовлена к защите, но война помешала и в годы военного лихолетия, когда весь Минск был в пожарах, сгорели и рукописи.

С первых дней войны Соломахо С.Л. добровольно ушел на фронт, воевал на Западном, затем 3-м Белорусском фронте: был политруком роты, комиссаром отдельного батальона, агитатором политотдела армии, лектором политуправления фронта. Тем не менее, даже в сложные военные годы по мере возможности он продолжал научно-методическую деятельность. Обобщая накопленный военный опыт, совместно с подполковником Ерёмченко Соломахо С.Л. подготовил методическое пособие «Партийно-политическая работа в действующей воздушной армии» объемом более 8 печатных листов, которая затем была издана Главным Политическим Управлением Красной Армии в качестве пособия для авиационных военно-политических школ. Его фронтовые дороги пролегали через многие рубежи, которые явились своего рода ключевыми в победе над фашизмом: участвовал в обороне Москвы, освобождении Беларуси, Польши, боях в Восточной Пруссии. Войну майор Соломахо окончил в мае 1945 г. Вехи его боевой биографии отмечены наградами, свидетельствами того, что политработник и в боевых условиях был в числе первых: медаль «За оборону Москвы» (1942), ордена Красной Звезды (1942), Отечественной войны II степени (1944), Отечественной войны I степени (1945), медаль «За взятие Кенигсберга» (1945), медаль «За победу над Германией» (1945) [1].

После окончания войны майор Соломахо еще почти год находился на военной службе в качестве лектора военного округа. В мае 1946 г. он вернулся в Минск и смог приступить уже к мирной работе. За короткий срок работы лектором в Минском горкоме партии его организаторские и деловые качества, накопленный опыт работы с людьми проявились в полной мере. Как отмечалось в его партийной характеристике: «проявляет инициативу, направленную на совершенствование стиля и методов работы, требователен к себе и работникам, с которыми работает». Поэтому естественно, что уже в январе 1947 г. Степан Лукич был избран секретарем Минского горкома партии. Главным в это время было восстановление разрушенного войной народного хозяйства, а для Соломахо как руководителя столичной партийной организации – восстановление почти полностью разрушенного оккупантами Минска. О том, что молодой руко-

водитель с честью справился с поставленными задачами, свидетельствует то, что уже в 1948 г. он был удостоен уже мирной награды – ордена Трудового Красного Знамени, а в следующем 1949 г. награжден Грамотой Президиума Верховного Совета БССР.

Однако, несмотря на чрезмерную занятость, Степан Лукич не оставлял своего главного жизненного дела, он по совместительству продолжал преподавать в Белорусском политехническом институте и одновременно работал над диссертацией. Начинать нужно было с самого начала, поскольку все материалы довоенной диссертации были уничтожены. Темой исследования ученый выбрал проблему развития партизанского движения в годы оккупации в Минской области. Работа над диссертацией продвигалась с трудом из-за недостатка времени и из-за того, что в первые послевоенные годы партизанские документы еще не были обработаны архивистами и не пущены в научный оборот. Много времени занимала и преподавательская работа, поскольку за годы войны многое было позабыто и самому преподавателю нужно было немало работать над повышением своего профессионального уровня. Но и здесь Соломахо С.Л. проявил себя талантливым, целеустремленным ученым и воспитателем. В 1952 г. он стал слушателем Академии общественных наук при ЦК КПСС. Сменил тему исследования на более мирную: «Марксистско-ленинское воспитание советской интеллигенции в послевоенные годы (1946-1951 гг.)», которую успешно защитил в 1953 г., а в 1954 г. ему было присвоено ученое звание доцента.

Совмещать партийную и преподавательскую работу становилось все труднее и в итоге Соломахо С.Л. полностью посвятил себя работе со студентами в БПИ, а после образования кафедры «История КПСС» возглавил ее в 1958 г.

Степан Лукич приложил немало сил и энергии в становление, совершенствование кафедры, укрепление ее кадрового состава, много внимания уделял воспитательной работе с преподавателями, особенно с молодыми специалистами, требовательно следил за постоянным повышением ими своего профессионального уровня, качества преподаваемых дисциплин.

Более 10 лет руководил Соломахо С.Л. кафедрой. За это время она по ряду показателей стала одной из ведущих в республике. На кафедре было подготовлено и успешно защищено 11 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, причем 3 из них были

выполнены под его научным руководством. Признанием эффективности организаторской и научно-творческой деятельности ученого стали многочисленные награды. Их перечень за десятилетие заведывания Соломахо кафедрой внушительен: Почетная грамота Президиума Верховного Совета БССР (1960), одна из высших наград СССР – орден Ленина (1961), орден Трудового Красного Знамени (1967), Почетная грамота Президиума Верховного Совета БССР (1970). Он был одним из первых работников системы высшего образования, награжденных орденом Ленина.

Интенсивность и напряженность труда практически на протяжении всей жизни, тяжелые военные годы, да и возраст давали о себе знать и в 1969 г. Степан Лукич обратился к руководству института с просьбой освободить его от обязанностей заведующего кафедрой. Однако только через 2 года, в 1971 г., наконец, его просьба была удовлетворена. Тем не менее, Соломахо С.Л. продолжал трудиться в качестве доцента еще пять лет, до своей смерти в 1976 г. [2].

Жизнь и деятельность Соломахо С.Л. являет собой пример большой силы воли, неукротимой энергии в приобретении знаний и использовании их в учебной и воспитательной деятельности, целеустремленности в достижении поставленной цели. Именно благодаря таким людям строился, развивался и укреплялся наш Белорусский национальный технический университет, именно таким людям мы благодарны за свершенное ими в неимоверно трудных условиях, именно такие люди являются примером патриотизма, добросовестного выполнения своего профессионального и гражданского долга для всех поколений.

Использованная литература:

1. Степан Лукич Соломахо // Советский инженер» – 1959. – 27 февраля. – С. 3.
2. Соломахо С.Л. // Архив Белорусского национального технического университета. – Оп. 39, д. 332, лл. 1–76.

БЕЛАРУСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЗАВЯРШАЛЬНЫМ ЭТАПЕ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (1918 г.)

Шчаўлінскі М.Б.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

У выніку наступлення нямецкіх войск у лютым – сакавіку 1918 г., больш за 2/3 тэрыторыі Беларусі, уключаючы г. Мінск, апынулася пад уладай германскіх акупантаў.

У гэтых складаных абставінах кіраўніцтва беларускага нацыянальнага руху свае надзеі на ажыццяўленне планаў адраджэння беларускай дзяржаўнасці стала звязваць з Германіяй. 21 лютага 1918 г., ва ўмовах, калі нямецкія войскі падыйшлі ўжо да Мінска, Выканаўчы камітэт Савета Усебеларускага з'езда аб'явіў сябе паўнамоцнай уладай, стварыў урад – Народны сакратарыят. Паведамленне аб гэтым было надрукавана ў дзяржаўным дэкрэце, названым Першай Устаўной граматай. Затым 9 сакавіка 1918 г. у акупіраваным немцамі Мінску Выканаўчы камітэт з'езда выдаў Другую Устаўную грамату, якой абвяшчалася Беларускае Народнае Рэспубліка (БНР), а выканкам пераўтвараўся ў Раду БНР. Трэцяя Устаўная граматай, выданай Радай БНР 25 сакавіка 1918 г., Беларускае Народнае Рэспубліка абвяшчалася незалежнай [1, л. 100].

Ва ўмовах германскай акупацыі магчымасці рэалізацыі ідэй нацыянальнай свабоды і дзяржаўнай самастойнасці істотна абмяжоўваліся палітыкай кайзераўскай Германіі, якая ўвесь час займала пазіцыю непрызнання БНР. У выніку БНР не змагла ажыццяўляць сваю юрысдыкцыю на этнічнай тэрыторыі беларусаў. Не было арміі, паліцыі, дзейных органаў мясцовага кіравання, адсутнічала фінансавая сістэма. Весці размову аб гарантыі праў і вольнасцей беларускага насельніцтва ва ўмовах акупацыі было наогул немагчыма. Тым не менш, у гэты час БНР дасягнула значных поспехаў у культурна-асветнай галіне.

Ужо ў пачатку красавіка 1918 г. Народны сакратарыят абвясціў беларускую мову дзяржаўнай і абавязковай мовай БНР. Усе акты, дакументы і перапіска ўрадавых устаноў павінны былі весціся толькі па-беларуску [2, с. 45-46]. Пачаўся пераход на беларускую мову ў справаводстве дзяржаўных і прыватных устаноў, гаспадарчых прадпрыемстваў. Напрыклад, у першай палове 1918 г. перайшлі на

беларускую мову ўсе канцылярыі васемнаццаці маёнткаў Магдалены Радзівіл. Толькі беларуская мова ўжывалася нават у васьмі лясэнніцтвах. Усім, хто ёю не валодаў, прапанавалася навучыцца на працягу двух месяцаў, а хто не жадаў падпарадкоўвацца, звальняўся з пасады [2, с. 45–46].

Акрамя таго, таксама ў красавіку 1918 г. Народны сакратарыят адкрыў бясплатныя курсы беларусазнаўства. І ўжо ў канцы месяца іх наведвалі каля 200 чалавек. Лекцыі на занятках чыталі: па гісторыі Беларусі – прафесар М. Масоніюс і Я. Лёсік, па эканоміцы Беларусі – А. Уласаў, па беларускай літаратуры – Т. Грыб, гісторыі беларускага права – С. Ляноўскі [3, л. 21].

У верасні 1918 г. адбылося адкрыццё курсаў беларусазнаўства для настаўнікаў гарадскіх пачатковых школ. Народны сакратарыят наогул надаваў вялікае значэнне стварэнню беларускай нацыянальнай школы. Паводле польскіх крыніц, у 1918 г. у зоне нямецкай акупацыі дзейнічала больш за 350 беларускіх пачатковых школ [4, с. 205]. У мястэчку Свіслач працавала настаўніцкая семінарыя, а ў Слуцку, Будславе, Мінску, Навагрудку, Гародні дзейнічалі беларускія гімназіі [2, с. 47].

З вышэйшых навучальных устаноў, якія дзейнічалі ў 1918 г., можна адзначыць Беларускі педагагічны інстытут у Мінску (былы настаўніцкі інстытут). Па ініцыятыве Н.А. Вярата ў красавіку 1918 г. у Мінску была адкрыта Вышэйшая музычная школа. 1 чэрвеня яна па распараджэнню Народнага сакратарыята асветы была рэарганізавана ў Беларускую дзяржаўную кансерваторыю, дзе выкладалі прафесар І. Смідовіч, выпускнікі Петраградскай кансерваторыі М. Маўшовіч, М. Шапіра, В. Шапіра-Шэрніс, выпускнік Варшаўскай кансерваторыі Фельдман, артыст і рэжысёр Петраградскага тэатра музычнай драмы В. Андога [5, с. 24]. Рэктарам кансерваторыі з'яўляўся прафесар Г. Жураўлёў, былы выкладчык Варшаўскай кансерваторыі. У якасці новаўвядзення ў кансерваторыі трэба адзначыць стварэнне аддзела па вывучэнню беларускай народнай песні, гісторыі, культуры. У чэрвені 1918 г. прафесар кансерваторыі Н. Усцюжанінаў пачаў збіраць запісы беларускіх песен і музыкі для беларускай оперы. Акрамя таго, ён напісаў музыку на словы санета М. Запольскага «Павер ты мне» [6, с. 127]. У хуткім часе прафесар пачаў працаваць над музыкай на словы розных беларускіх паэтаў для сольнага і харавога спеву.

Шмат намаганняў беларускія дзеячы нацыянальна-культурнага руху прыкладалі для адкрыцця ў Беларусі ўніверсітэта. Яшчэ ў лістападзе 1917 г. прадстаўнікі Вялікай Беларускай Рады З. Жылуновіч, Я. Варонка і Э. Будзька звярнуліся да Народнага камісара асветы савецкага ўрада з просьбай аднавіць у Полацку дзейнасць Віленскага ўніверсітэта. Затым камісія народнай асветы Усебеларускага з'езда выказалася за «неадкладнае адкрыццё у Беларусі Беларускага ўніверсітэта, сельскагаспадарчага інстытута і палітэхнікі» [7, с. 72]. Аднак усе гэтыя намаганні заставаліся безвыніковымі.

Ва ўмовах нямецкай акупацыі Народны сакратарыят зноў звярнуўся да гэтага пытання і 28 красавіка 1918 г. прыняў рэзалюцыю аб адкрыцці ўніверсітэта. З гэтай мэтай пры Народным сакратарыяце асветы была створана камісія, у якую ўвайшлі А. Смоліч, М. Доўнар-Запольскі, М. Масоніюс, У. Самойла, Каплан і інш. [8, л. 194]. Першыя пасяджэнні камісіі адбыліся 2 і 8 чэрвеня. На адным разглядалася пытанне аб тыпе ўніверсітэта і магчымасці яго адкрыцця ў пачатку наступнага акадэмічнага года. На другім – адбыліся выбары прэзідыума камісіі. У яе склад былі абраны: старшынёй – прафесар М. Доўнар-Запольскі, намеснікам старшыні – прафесар М. Масоніюс, сакратаром – Э. Будзька. Для практычнай працы, накіраванай на адкрыццё ўніверсітэта, прафесар Доўнар-Запольскі прапанаваў стварыць камітэт з прафесараў, ураджэнцаў Беларусі: Карскага, Завітневіча, Лаппо, Жуковіча і інш. Але адкрыць ўніверсітэт Рада БНР не змагла. Перашкодай на гэтым шляху стала пагаршэнне сітуацыі на фронце.

Адраджэнне беларускай нацыянальнай школы, асабліва хуткі рост пачатковых школ пазітыўна ўплывалі на беларускае кнігадрукаванне. У 1918 г. у Мінску было створана выдавецкае таварыства «Заранка» на чале з Паўлам Алексюком. Яно ставіла сваёй мэтай выданне кніг для пачатковай школы, вучняў і студэнтаў сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў, а таксама для шырокай публікі. Акрамя таго, у Мінску з 1917 г. працавала выдавецтва «Вольная Беларусь», якое ў 1918 г. выпусціла 5 кніг. У чэрвені 1918 г. у гэтым выдавецтве выйшла «Дзіцячая чытанка», падрыхтаваная Аркадзем Смолічам. Выдавецтва Народнага сакратарыята ў ліпені–жніўні выпусціла збор драматычных твораў розных аўтараў. Літаратурны зборнік, «Сцэнічныя творы» Т. Гушчы, «Бярозка» Ш. Ядвігіна.,

паэма «Сымон-музыка» Якуба Коласа, «Першыя малітвы» В. Рама-нава і «Тарас на Парнасе» выйшлі ў выдавецтве «Вольная Бела-русь» [8, л. 194]. Разам з тым, Народным сакратарыятам асветы былі створаны дзве камісіі па перагляду і падрыхтоўцы падручнікаў для беларускіх школ. Адна займалася падручнікамі для сярэдніх школ, другая – для пачатковых. У склад камісій увайшлі беларускія настаўнікі і вядомыя педагогі з расійскіх і польскіх школ. Было створана спецыяльнае бюро па ўкладанню і перакладах падручнікаў на беларускую мову, якое ў 1918 г. падрыхтавала да друку 16 школьных падручнікаў [9, с. 147].

Даволі добра была пастаўлена справа выдання школьных падручнікаў у Вільні. Тут трэба адзначыць плённую працу Вацлава Ластоўскага, які толькі ў 1918 г. падрыхтаваў і выпусціў 9 кніжак: «Незабудка. Першая пасля лемантара чытанка», «Сейбіт. Другая пасля лемантара чытанка», «Расліны: падручнік для школьнага ўжытку», «Загадкі», «Калісь і цяпер. Гістарычна-грамадзянскія нарысы» і інш. Гэтыя творы былі адрасаваны дзецям, надрукаваны па-беларуску лацінскім шрыфтам.

У 1918 г. у Вільні было створана Беларускае навуковае таварыства (БНТ). Яго заснавальнікамі былі В. Ластоўскі, браты Іван і Антон Луцкевічы, В. Святаполк-Мірскі, Я. Станкевіч, У. Талочка і інш. Кіруючы орган таварыства (урад) выбіраўся на агульным сходзе. Таварыства ставіла мэтай «разнабаковую навуковую працу, развіццё любові да навуковых доследаў і пашырэнне ведаў». Свае задачы яно бачыла ў заснаванні і ўтрыманні музеяў, бібліятэк, навуковых устаноў, арганізацыі выставак, лекцый, курсаў і навуковых з'ездаў, выдавецкай дзейнасці, выпуску перыядычных выданняў [10, с. 355].

Спачатку БНТ засяродзілася на выпрацоўцы навуковай тэрміналогіі і яе кадыфікацыі, на праблемах пераклада на беларускую мову педагагічнай і мастацкай літаратуры. Так, камісія БНТ, выбраная на пасяджэнні ўрада 1 мая 1918 г., прааналізавала «Граматыку беларускай мовы» Б. Пачобкі, выданую друкарняй газеты «Гоман», і прыйшла да пераканання, што гэтая кніжка «ні можа служыць да навукі беларускай мовы, як у пачатковых школах, так і наогул, а тым больш ні можа быць прынята ў аснову пры ўкладанні школьных падручнікаў...» [11, с. 112].

Асноўнай прычынай такога заключэння камісіі з'явілася адсутнасць у «Граматыцы» Б. Пачобкі аддзелу «Фанэтыка» і асноў транскрыпцыі, на якія яна павінна абапірацца [11, с. 112]. У заключэнні камісіі было адзначана: «яна (тракскрыпцыя – М. Ш.) рэзка праціўна таму правапісу, які прыведзен ва ўсіх беларускіх школьных падручніках і якім кіруюцца ўсе беларускія аўтары [11, с. 112].

Трэба адзначыць, што гэтых недахопаў была пазбаўлена «Беларуская граматыка для школ» Б.А. Тарашкевіча, якая ў тым жа 1918 г. у друкарні М. Кухты ў Вільні была надрукавана адначасова кірыліцай і лацінкаю. Граматыка Б. Тарашкевіча падзелена на пяць частак:

- 1.Букі – фанэтыка, стар. 7-20;
- 2.Часціны мовы, стар. 20-80;
- 3.Падзел слова, стар. 80-84;
- 4.Правапіс, стар. 84-104;
- 5.Сказ, стар. 104-112 [12, с. 247-248].

У падручніку аўтар адзначыў асноўныя рысы беларускай мовы і ахарактарызаваў навуковы прынцып, пакладзены ў падмурак граматыкі. Абапіраючыся на жывую народную гутарку і пісьмовыя стылі, што склаліся да таго часу, ён сцісла апісаў гукавую сістэму, арфаграфічны лад тагачаснай беларускай мовы, дакладна вылучыў і падкрэсліў яе асноўныя заканамернасці, удала паяднаў дыялектную аснову э пісьмовай традыцыяй, навукова абгрунтаваў адзіныя правілы напісання. У якасці ілюстрацыйнага матэрыялу ў граматыцы выкарыстаны ўрыўкі з высокамастацкіх твораў пісьменнікаў, прыказкі, прымаўкі, ідыёмы. Аўтар замацаваў фанетычны прынцып напісання галосных (перадача на пісьме акання і якання), а для перадачы зычных – марфалагічны, з некаторымі адхіленнямі ў бок фанетычнага, каб перадаць спецыфіку беларускай мовы. Сфармуляваныя Тарашкевічам правілы атрымалі ўсеагульнае прызнанне. На аснове яго граматыкі пачалі выдавацца падручнікі беларускай мовы іншых аўтараў [10, с. 370-371]. Граматыка Тарашкевіча садзейнічала ліквідацыі разнабою ў школьным навучанні і выдавецкай справе.

Такім чынам, справа з выданнем кніг паступова наладжвалася, аб чым сведчыць праведзеная ў пачатку ліпеня 1918 г. выстаўка кніжнага мастацтва. На акупіраванай тэрыторыі ў 1918 г., па падліках В.Г. Мазца, было выдадзена больш за 50 кніг [5, с. 25].

Вялікай падзеяй у культурным жыцці беларусаў з’явілася прывядзенне ў маі – жніўні 1918 г. гісторыка-этнаграфічнай выстаўкі «Вільня – Менск». Як паведамляла газета «Беларускі шлях», «Выстаўка варта таго, каб на яе паглядзелі ўсе, хто любіць нашу мінуўшчыну з яе цэннымі памятнікамі» [9, с. 154]. Дастаткова сказаць, што на выстаўцы экспанаваліся рэчы, датаваныя аж 1000 годам. Гэта сцягі, крыжы, гербы беларускіх князёў. Цэлы шэраг помнікаў складалі рукапісныя кнігі, спачатку на балгарскай мове з беларускім тлумачэннем, пасля – на беларускай мове з маляванымі мініяцюрамі накшталт фрэсак у Троіцкім замку. Асаблівую ўвагу звяртаў на сябе знакаміты «Літоўскі статут», надрукаваны у 1588 г. на той самай мове, на якой быў напісаны [9, с. 155]. Самую шматлікую частку рэчаў складалі каштоўныя старыя тканіны ручной выпрацоўкі, некалькі соцен беларускіх сялянскіх паясоў, шляхецкія і сялянскія вопраткі, славуцья слуцкія паясы. Слукіа паясы прываблівалі дзівоснай прыгожасцю і якасцю ўзораў, вышытых шаўковымі, сярэбранымі і залатымі ніцямі, разнастайнымі матывамі. Гэта былі творы мастацтва і каштавалі даволі дорага. Трэба заўважыць, што слукіа мануфактура паясоў, заснаваная яшчэ Міхалам Казімірам Радзівілам у сярэдзіне XVIII ст. (1753), выпускала за год толькі 200 паясоў [13, с. 17]. На жаль, у музеях Беларусі на цяперашні час захаваліся адзінкавыя экзэмпляры такіх паясоў, у той час, калі ў Гістарычным музеі ў Маскве іх каля 300.

На выстаўцы былі шырока прадстаўлены старыя сярэбраныя чаркі, куфлі і іншыя вырабы з гліны, каваныя жалезам скрыні, панцыры. Сярод цікавых гістарычных помнікаў вылучаліся: рыцарскі меч (XV ст.); мундзір афіцэра так званага Літоўскага ўланскага палка, у якім неслі службу толькі беларусы, штандар г. Вільні і Троцкага замка і, ўрэшце, фотаздымкі з беларускімі святынямі, замкамі і іншымі будоўлямі з дрэва і цэглы.

Галоўную частку выстаўленых прадметаў беларускай мінуўшчыны складалі знаходкі заслужанага беларускага археолага І. Луцкевіча [9, с. 155]. Частка экспанатаў была прадстаўлена з уласных калекцый А. Уласава, Р. Зямкевіча і іншых.

Значных поспехаў у справе нацыянальнага адраджэння ў час нямецкай акупацыі дасягнуў перыядычны друк. У Мінску перанейшаму працягвала сваю дзейнасць газета «Вольная Беларусь». Аднак з абвясчэннем незалежнасці Беларускай Народнай Рэспуб-

лікі (25 сакавіка 1918 г.) курс газеты змяніўся: яна пачала выступаць за незалежную дэмакратычную Беларусь, заклікала да стварэння беларускага нацыянальнага войска, крытыкавала палітыку ваеннага камунізму і «цэнтралізму» бальшавікоў. Актывіст Беларускай сацыялістычнай грамады Н. Бываеўскі (Я. Дыла) у артыкуле «Што нас чакае?» даказваў, што сацыялістычныя ідэалы застаюцца канструктыўным фактарам нацыянальнага адраджэння і несумяшчальныя з анархіяй [14, с. 12]. А. Гарун аспрэчваў пазіцыю левых сацыял-дэмакратаў і тых бальшавікоў, якія даказвалі, быццам сацыялістычны рух і нацыянальнае самавызначэнне народаў несумяшчальныя паміж сабою. На яго думку, беспадстаўнымі былі ўтапічныя мары пра стварэнне «камуністычнага раю» на зямлі ў безнацыянальным грамадстве [15, с. 354].

Газета друкавала пратэсты БСГ супраць «апекі» Германіі над Беларуссю, выступала за непадзельнасць беларускага краю, публікавала асноўныя дакументы Рады БНР, паводле якіх Беларусь абвешчана незалежнай дэмакратычнай дзяржавай, падтрымлівала праграму дэмакратызацыі краіны і яе нацыянальнага адраджэння, выступала за перагляд умоў Брэсцкага міру.

8 сакавіка 1918 г. у Мінску выйшаў першы нумар газеты «Беларускі шлях» – органа «Мінскага народнага прадстаўніцтва». Гэту штодзённую грамадска-палітычную газету нацыянальна-дэмакратычнага кірунку спачатку рэдагаваў П. Алексюк, а з другога нумара – А. Гарун. Галоўнай мэтай выдання абвешчана сацыяльна-эканамічнае і культурнае адраджэнне Беларусі, яе дзяржаўная самастойнасць і суверэнітэт [10, с. 459].

На старонках газеты грунтоўна асвятляўся нацыянальны грамадска-палітычны і культурны рух, змяшчалася інфармацыя пра дзейнасць палітычных партый і групавак, друкаваліся кароткія тэатральныя рэцэнзіі, вершы.

Газета рэгулярна друкавала перадавіцы, мела аддзелы і рубрыкі «Міжнароднае жыццё», «Весткі з Краю», «Менскае жыццё», «Весткі з Расіі», «Харчовая справа», «Маленькі фельетон», крытыкавала палітыку бальшавікоў і Савецкай Расіі, змагалася супраць русіфікацыі і паланізацыі беларускага народа, паказвала, якую карысць магла б атрымаць Германія, калі б юрыдычна прызнала стварэнне БНР. У адным з нумароў адзначалася: «Зацікаўленнасць Нямецчыны ў стварэнні Беларускай дзяржавы як буфера паміж

Польшай, Літваю, Украінай і Вялікарасеяй падказуецца ні адно палітычнымі, але і эканамічнымі прычынамі. Беларусь – край сельскагаспадарчы... Адна толькі Мінская губерня пры кепскім земляробстве дае больш як 3 мільёна пудоў хлеба... А калі з дапамогай нямецкага капіталу і тэхнікі асушыць балоты, так Мінскае палессе можа даць сена для ўсёй Нямецчыны, ні кажучы ўжо аб магчымасці развіцця скатаводства ў краі. Акрамя гэтага, Нямецчына можа атрымліваць з Беларусі вялікія запасы леса» [9, с. 152].

Газета таксама садзейнічала арганізацыі асветніцкіх гурткоў, прапагандзе беларускай культуры, развівала ідэю стварэння агульнанацыянальнай беларускай школы. Адзін з актыўных удзельнікаў беларускага нацыянальнага руху Алесь Гарун адзначаў: «Ёсць адна галіна дзяржаўна-грамадскага жыцця, якая ў цэласці і заўсёды павінна знаходзіцца ў беларускіх руках. Гэта – прасвета.

Прасвета, будучы найвялікшым пачынаннем усесветнага развіцця, можа быць у той жа час адным з наймацнейшых спосабаў палітыкі. Беларусь добра пазнала гэту ісціну на сябе. Школы, якія знаходзіліся ў чужых руках, абезсілівалі, нішчылі нацыю, не давалі ёй жыць і развівацца...

Дзеля таго прасвету паўсюды і заўсёды беларусы павінны атрымліваць за сабой» [9, с. 152].

У газеце выступалі з артыкуламі і нарысамі А. Прушынскі, І. Жывіца, З. Бядуля, А. Уласаў, У. Галубок і інш. Адначасова ў кастрычніку 1918 г. у Мінску пачаў выходзіць літаратурна-грамадскі, навукова-гістарычны і эканамічны часопіс «Варта» пад рэдакцыяй Язэпа Варонкі [16, с. 1]. Супрацоўніцтва ў штотомсячніку прымалі вядомыя беларускія палітыкі, вучоныя, пісьменнікі, сярод якіх былі Ефім Белевіч, Петрук Крэчэўскі, Адвард Будзько, Эўгені Ладноў, Змітрок Бядуля, Леанід Леўшчынка, Ясан Васілевіч, Антон Луцкевіч, прафесар Мітрафан Доўнар-Запольскі, Язэп Фарботка, Язэп Дыла, Іван Луцкевіч, Кастусь Езавітоў, Сцепан Некрашэвіч, Рамуальд Зямкевіч, Альберт Паўловіч, прафесар Ефім Карскі, Сымон Рак-Міхайлоўскі, Антон Саросек, Аркадзь Смоліч, Янка Станкевіч, прафесар Мікалай Сталяроў, Паўлюк Трэмповіч, Яўген Хлябцэвіч, Аляксандр Цвікевіч і інш.*

* Прозвішчы і імёны ўжываюцца ў такім выглядзе, у якім яны надрукаваны ў часопісе «Варта».

На першай старонцы часопіса быў змешчаны артыкул-прадмова Я. Варонкі, у якім ён выступіў з наступным зваротам: «Трэба падымаць культуру, даць развіцця маладым расткам, трэба прасвеціць і ўсведоміць народ і прасветляць здарэння справядліва, без сваіх тэндэнцый. Праўдзіваго твару падзей ніколі не сховаеш, рана або позна народ прачнецца і пратрэ заспанья вочы, пазнае ўсю правду і пакажа сваім ворагам іх месца.

Два вогнішча лунаюць каля нас, дзве рукі выцягнуты над нашай бацькаўшчынай: з захаду ненасытная ўсеабхопліваючая рука ястрэба-Польшчы, а з усходу – цяжкі казённы кулак мядведзя-Вялікарасіі. Калі ж абодва гэтыя народы суседнія і блізкія нам па крыві зразумеюць нас і адмовяцца ад сваіх благіх дамаганняў: на нашу зямлю, на нашу культуру, на нашэ сумленне, на нашу працу, на нашу свабоду??? Хто іх ведае? Ніколі яны не былі для нас сваімі. Трэба быць на варце!.. Трэба абыйсці ўсе куточки нашае бацькаўшчыны, – прыслухацца да гутаркі ў хатах і палях, і дзе хоць на хвіліну заціхне беларуская песня, дзе забудзецца аб беларускай нацыянальнай справе, там крыкнуць: «Варта! Уставай!!!» [17, с. 2-3].

У часопісу таксама былі надрукаваны юмарэскі-вершы А. Паўловіча, «Потаемнае» – апавяданне М. Гарэцкага, Ай-Кітаб-Кіцеп» – артыкул І. Луцкевіча, «Няміга і Менск» – артыкул Р. Суніцы, «Освобождение Минска» – артыкул К. Езавітава, «Аб дзяржаўным будаўніцтве» – артыкул А. Навіны і «Рождественская вертепная драма в Белоруссии» – нарыс акадэміка Я. Карскага.

Ілюстратары часопіса «Варта» сумесна з мастаком М. Валансевічам і фотамастаком К. Лукашэвічам рыхтавалі ў малюнках і фотаздымках мастацкі альбом пад назвай «Беларуская доля» [8, л. 174]. Адзначалася, што ў альбоме будуць змешчаны партрэты выдатных беларускіх дзеячоў, краявіды гістарычна значных гарадоў, фотаздымкі гістарычных будынкаў з часоў Напалеона да нашых дзён... Клішэ да фотаальбома «Беларуская доля» былі зроблены за мяжой. Мастак С. Валансевіч таксама маляваў па ініцыятыве Я. Варонкі галерэю партрэтаў беларускіх пісьменнікаў і вучоных: Францішка Скарыны, Максіма Багдановіча, Якуба Коласа, Янкі Купалы і іншых. Як адзначалася, «гэта галерэя будзе цяпер адзінаю і рэдкаснаю, бо быўшыя да гэтага часу калекцыі, напрыклад, І.Я. Варонкі, А.М. Уласава. В.Л. Іваноўскага згінулі ў 1915 г. у час адступлення і бежанства» [8, л. 208].

Важная роля ў справе беларускага нацыянальнага адраджэння і ў распаўсюджванні яго ідэй на беларусаў-бежанцаў належала газете «Белорусское эхо», якая пачала выходзіць з 30 мая 1918 г. у Кіеве на рускай мове (частка матэрыялаў друкавалася па-беларуску) [8, л. 301]. Газета мела карэспандэнтаў у буйных гарадах Украіны і Беларусі, Маскве і Петраградзе. Асноўнай задачай яна лічыла згуртаванне беларусаў, якія жылі на Украіне, забеспячэнне іх сувязі с радзімай. «Белорусское эхо» выступала за адбудову, умацаванне і незалежнасць беларускай дзяржавы, яе свабоднае нацыянальнае і эканамічнае развіццё, нацыянальнае адраджэнне, аб'яднанне ўсіх грамадскіх сіл беларускага народа дзеля рэалізацыі нацыянальных інтарэсаў, прызнанне суверэннасці Беларусі з боку суседніх дзяржаў, найперш РСФСР [18, с. 5]. Свае адносіны да накіраванай 25 красавіка 1918 г. германскаму кайзеру Вільгельму II лідэрамі БНР тэлеграмы са словамі падзякі за «вызваленне Беларусі» газета выразіла ў наступнай форме: «И когда перед Радой стала дилемма: что защищать теперь – социальные ли завоевания Российской революции с сумасшедшими декретами Ленина и компаниями, или сохранить в целостности и неприкосновенности белорусский народ и его территорию, Рада стала на последний путь... со спокойной совестью и сознанием своей ответственности, какую она берет на себя перед народом, Рада подписала эту телеграмму. Что бы ни готовила нам судьба – плаху по суду народа, или розы, устилающие нам путь к достижению единой неделимой Белоруссии – мы примем одинаково, но идем к этому с открытыми глазами – ибо только в этом в данный момент видим спасение Белоруссии» [19, с. 7].

На старонках газеты таксама змяшчаліся творы Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, У. Галубка, Ц. Гартнага, К. Каганца, А. Паўловіча, Я. Фарботкі і іншых. У сувязі з нямецкім адступленнем восенню 1918 г. газета спыніла сваю дзейнасць.

Народнаму сакратарыяту давялося рашаць яшчэ адну даволі вострую ва ўмовах нямецкай акупацыі праблему – вярнуць на Беларусь, разрабаваную ў час вайны ваюючымі бакамі, культурную спадчыну. Перад Савецкім урадам і германскімі ўладамі Народны сакратарыят узяў пытанне: спыніць ліквідацыю эвакуіраваных у свой час з Беларусі Скарбовай Палаты, Дзяржаўнага банка, губернскіх устаноў з архівамі, школ і гімназій і інш [8, л. 197]. Сітуацыя ўскладнялася імкненнем палякаў прысвоіць беларускую спадчыну.

Польскія арганізацыі таварыства «Здабыткі», раскіданыя па гарадах Беларусі, Літвы і Расіі, карыстаючыся падтрымкай польскіх каланістаў, скупілі і сабралі ўсё, што яшчэ ацалела ад вайны і рабункаў. Даволі сказаць, што бібліятэка мінскай польскай «Мацежы» з дазволу германскіх акупацыйных уладаў абабрала мінскую мужчынскую класічную бібліятэку. Як паведамляў «Мінскі Еженедельнік», палякі «забралі адтуль да 1300 кніг, сярод каторых ёсць кнігі вялікай гістарычнай вартасці, унікальны друк XVI і XVII ст.» [20. с. 173]. Каб супрацьстаяць памкненням польскіх «калекцыянераў», спускаючых беларускія скарбніцы, Я. Варонка, К. Езавітаў і Я. Бялевіч у верасні 1918 г. аднавілі дзейнасць «Беларускага таварыства апекі літаратуры і гісторыі» [8, л. 163].

Такім чынам, падчас нямецкай акупацыі БНР дасягнула значных поспехаў у культурна-асветнай галіне. Ужо ў пачатку красавіка 1918 г. беларуская мова была абвешчана дзяржаўнай і афіцыйнай мовай БНР. Вялікае значэнне Народны сакратарыят надаваў стварэнню беларускай нацыянальнай школы, выданню беларускіх кніжак і школьных падручнікаў, развіццю перыядычнага друку. Разам з тым Народны сакратарыят прыкладаў шмат намаганняў, каб вярнуць на Беларусь разрабаваную ў час вайны сваю культурную спадчыну.

Выкарыстаная літаратура:

1. НА РБ – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 21.
2. Калубовіч, Я. Крокі гісторыі: Даследаванні, артыкулы, успаміны. / Я. Калубовіч. – Беласток: ГаМакс; Вільня: Наша ніва; Мінск: Мастацкая літаратура, 1993 – 288 с.
3. НА РБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 8.
4. Найдзюк, Я., Касяк, І. Беларусь учора і сёння. / Я. Найдзюк, І. Касяк, – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 414 с.
5. Мазец, В.Г. Беларускі нацыянальна-культурны рух ва ўмовах нямецкай акупацыі (1917 – 1918 гг.). / В.Г. Мазец // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 1998. – № 4.
6. Беларуская народная музыка. // Вольная Беларусь. – 1918. – 5 мая.

7. Канчер, Е.С. Белорусский вопрос. / Е.С. Канчер. – Петроград: Издание Белорусского отдела Комиссариата по делам национальностей СКСО, 1919. – 132 с.

8. НА РБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 19.

9. Щавлинский, Н.Б. Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918). / Н.Б. Щавлинский. – Минск: Меджик Бук, 2009. – 192 с.

10. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: М.В. Біч (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – Т. 1 – 494 с.

11. Справаздача аб граматыцэ беларускай мовы Б. Пачобкі. // Вольная Беларусь. – 1918. – 19 мая.

12. Беларуская граматыка для школ. // Вольная Беларусь. – 1918. – 29 верасня.

13. Грицкевич, А.П. Слуцк: Ист. очерк. / А.П. Грицкевич. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 63 с.

14. Бываеўскі, Н. (Я. Дыла). Што нас чакае? / Н. Бываеўскі // Вольная Беларусь. – 1918 – 24 лютага.

15. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Б.І. Сачанка (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – Т. 2. – 537 с.

16. Тыгульны аркуш. // Варта. – 1918. – № 1.

17. Варонка, Я. На варце. / Я. Варонка // Варта. – 1918. – № 1.

18. Перадавіца. // Белорусское эхо. – 1918. – 3 чэрвеня.

19. Кричевский, П. Три акта. / П. Кричевский // Белорусское эхо. – 1918. – № 7.

20. Страта памятнакаў мінуўшчыны і штукаарства. // Вольная Беларусь. 1918. 30 чэрвеня.

ТРАДЫЦЫЙНАЯ КУЛЬТУРА ЖЫЦЦЯЗАБЕСПЯЧЭННЯ ДЗЯЦЕЙ У БЕЛАРУСКІХ СЯЛЯН (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XX стст.)

Якубінская А.Дз.,
кандыдат гістарычных навук., дацэнт

Працэс сацыялізацыі чалавека пачынаецца з моманту яго нараджэння і працягваецца ўсё жыццё. У кожным грамадстве дзіця нараджаецца з пэўнымі біялагічнымі ўласцівасцямі, якія культура гэтага грамадства выкарыстоўвае па-свойму, фарміруючы неабходны тып паводзінаў чалавечай асобы. Перш за ўсё, чалавек забяспечвае вырашэнне праблем, якія ўзнікаюць з асабістых патрэб яго арганізма. Кожны народ выкарыстоўвае ўласныя сродкі задавальнення “базавых патрэб чалавека”, якія складаюць комплекс “культуры першаснага жыццязабеспячэння” [10, с. 41]. “Самым важным у фарміраванні асобы чалавека і ў яго сацыялізацыі з’яўляецца вопыт, атрыманы ў раннім дзяцінстве”, які набываецца “па меры таго, як чалавек корміць і даглядае сваё дзіця” [8, с. 252]. Вопыт ранняга дзяцінства заснаваны на вырашэнні такіх першасных (базавых) патрэб чалавечага арганізму, як харчаванне, адзенне, гігіена і лячэнне, авалоданне тэхнікай цела. Задавальняючы гэтыя базавыя патрэбы, беларускія сяляне ў другой палове XIX – першай палове XX стст. ажыццяўлялі прыстасаванне дзяцей да здаровага ладу жыцця, выхаванне паўнаважных членаў сялянскай грамады. Такім чынам, для жыццязабеспячэння дзяцей у першую чаргу неабходна існаванне адпаведнага дзіцячага харчавання, дзіцячага адзення, спосабаў і сродкаў прафілактыкі і лячэння дзіцячых хвароб, спецыяльных спосабаў і сродкаў для авалодання дзецьмі тэхнікай цела.

У беларусаў ад нараджэння адзінай ежай немаўлят было матчына малако. Немаўляці звычайна давалі адну грудзь за адно кармленне, але калі дзіця падрасла да 4-6 месяцаў, то яму маглі даць за адно кармленне і абедзве грудзі. Дзіця аднімалі ад грудзей, калі яно ўжо ўсё разумела і магло размаўляць. Мацярынскае малако паступова замянялася на кароўе ці казінае малако [2, с. 8]. У перапынках паміж ежай дзіцяці давалі “сусла” – кавалак жаванага хлеба, часам з цукрам, увязаны ў спецыяльную чыстую анучку. Калі дзіця

пачынала поўзаць, яму ўводзілі дадатковую ежу – прыкорм. Першымі прадуктамі, якія ўводзіліся ў рацыён дзіцяці, былі яешня, малочныя кашы: пшанічная, грэцкая, аўсяная, ячменная, канапляная, а таксама хлеб. Так адбывалася далучэнне дзяцей да традыцый народнага харчавання беларусаў, аснову якога складаюць раслінныя стравы з круп, гародніны, мукі [12, с. 17-18]. Спецыяльнага посуду для гатавання дзіцячых страў амаль не існавала. Праўда, М.Я. Нікіфароўскі ўзгадвае так званы “горнушак” – сасуд невялікага памеру з адной ці дзвюма ручкамі, які выкарыстоўваўся спецыяльна для прыгатавання дзіцячых “кашчак” [13, с. 89]. Калі дзіця падрасцала, давалі і сырое яйка з прабітай ў шкарлупіне дзірачкай, праз якую дзіця яго высмоктвала [2, с. 14]. Вельмі карысным лічыўся свежавыціснуты сок з багатых жалезам чырвоных і чорных ягад парэчкі, багатае на фоліевую кіслату сырое салёнае сала, сырыя і печаныя яблыкі, сырая морква, асабліва падчас прарэзвання зубоў [2, с. 2]. Сярод дзіцячых страў пераважалі печаныя і вараныя, сырая садавіна і гародніна, мяса ўжывалася даволі рэдка і ўводзілася ў рацыён, калі дзіцяці было каля аднаго году. Працэдура кармлення ўключала жаванне яды перад тым, як даць яе дзіцяці, забаранялася карміць дзіця з лыжкі “наводміж” (наватмаш), бо лічылася, што гэта можа выклікаць незварэнне, таму дзіця павінна сядзець злева [3, с. 9]. Дзеці ў трохгадовым ўзросце елі ўсе стравы, што і дарослыя. Такім чынам, у беларусак склалася даволі дасканалая тэхніка кармлення, аб чым сведчыць і той факт, што працягласць кармлення грудным малаком складала 1,5 – 2 гады, пры досыць раннім уводзе дадатковай “дарослай” ежы – прыкорму.

Беларускія сяляне імкнуліся да таго, каб у рацыёне дзяцей любога ўзросту пераважалі малочныя стравы, асабліва карысным лічылася парное кароўе ці казінае малако. Зімой дзеці разам з дарослымі садзіліся есці тры разы, а летам – чатыры разы ў дзень. Таксама дзеці ў перапынках паміж асноўнымі прыёмамі ежы елі кавалкі хлеба, замочаныя ў малацэ (“рулі”) ці квасе (“цупа”, “патапцы”), у заходніх рэгіёнах Беларусі дзеці ўжывалі “каплун” – кавалкі хлеба, залітыя малаком і засмажаныя салам ці алеем з цыбуляй [7, с. 321]. Любімай стравой дзяцей былі бліны (“блінцы”, “млінцы”), якіх існавала шмат відаў: з цёртай бульбы смажылі “дранікі” (“драчы”), з мукі рабілі “ўчыняныя” (з пераквашанага

цеста) бліны, таксама пяклі аладкі з грэчневай мукі. Усе віды бліноў елі з маслам, смятанай, салам, мачалі ў засмажанае яйка. Асаблівае месца ў рацыёне дзяцей належала бульбе, з якой таўклі “таўканицу”, “кашу”, “камы”, варылі, смажылі на патэльні, запякалі (“печанка”) [7, с. 321]. Вялікае месца ў рацыёне дзяцей займалі розныя віды каш з грэчневай, пшанічнай, ячменнай і аўсянай круп, а таксама ільняное семя, з якога рабілі алей альбо таўклі крыху засмажанае семя і мачалі ў яго вараную бульбу. Вясной ежа дзяцей, як і дарослых, адрознівалася асаблівай сціпласцю, што было звязана з Вялікім пастом. Такім чынам, у беларускіх сялян адсутнічаў спецыяльны рэжым кармлення і харчавання дзяцей (акрамя немаўлят), але пэўныя асаблівасці ў дзіцячым рацыёне можна вылучыць: ужыванне дзецямі дадатковай ежы ў перапынках паміж асноўнымі прыёмамі, перавага малочных, печаных і вараных страў з мукі, круп і гародніны, а таксама ўжыванне дзецямі дзікарослых ягад, зеляніны і садавіны.

Галоўная функцыя вопраткі – стварыць чалавеку прыдатныя ўмовы для існавання ў навакольным асяроддзі і грамадстве. У традыцыйным грамадстве спецыфіка адзення вызначаецца палавой і ўзроставай прыналежнасцю чалавека, а змена вопраткі адзначае пераход да новай узроставай ступені. Адзенне адыгрывае значную ролю ў забеспячэнні здароўя дзяцей, бо садзейнічае фарміраванню іх правільнага і дасканалага фізічнага вобліку. Спецыфіка дзіцячага адзення беларусаў прасочваецца ў дачыненні да вопраткі дзяцей малодшага ўзросту. Найбольш старажытнай вопраткай немаўляці з’яўляецца “мятлік” – кавалак старой, мяккай, ношанай тканіны, у цэнтры якога рабіўся разрэз, каб пралазіла галава дзіцяці. Паводле ўяўленняў беларусаў мятлік меў ахоўны сэнс для дзіцячага здароўя, бо яго паходжанне было генетычна звязана з так званай “сарочкай” (калаплодным пузыром) [9, с. 47]. Такім чынам апрапаналі на дзіця да 4 – 6 месяцаў, адначасова загортвалі яго ў “полкі”. Звычайна для немаўляці бралі 3 пялюшкі, вырабленыя з паношанай бялізны бацькоў: адну для галавы (“пагалоўнік”), другую для таза – “падгузнік”, трэцюю – для загортвання ўсяго цела [14, с. 135].

Менавіта тугое спавіванне, па меркаванню сялянак, садзейнічала правільнаму фарміраванню дзіцячага цела. Апошні этап – звязанне дзіцяці “спавівачом” – тутім поясам, які звычайна абгортваў цела дзіцяці крыж-накрыж некалькі разоў. Семіятычны сэнс пояса

А.К. Байбурын вызначае наступным чынам: пояс не толькі вызначаў далучэнне новага чалавека да свету людзей, далейшае яго нашэнне было абавязковым з-за яго ахоўных функцый [6, с. 9]. Калі дзіця падрасла прыкладна да шасці тыдняў пагалоўнік замянялі чэпчыкам, які ўпрыгожвалі каляровымі стужкамі і каснікамі [3, с. 3]. Спавівалі дзіця звычайна прыкладна да шасці месяцаў, бо ў гэтым узросце дзяцей пачыналі прысаджваць і спрабавалі ставіць на ножкі. У гэтым узросце дзецям незалежна ад полу апраналі ільняныя сарочкі, але пояс яны працягвалі насіць. Дзяўчынку падвязвалі поясам на таліі або вышэй пад грудзмі, а хлопчык насіў пояс амаль на сцёгнах, як дарослы мужчына [13, с. 116].

У XIX – першай палове XX стст. штаны і спадніцу дзеці ўпершыню апраналі ва ўзросце 5 – 6 гадоў, што было значнай падзеяй у іх жыцці і адзначала пераход да новай полаўзроставай ступені, у якой дзяцей пачыналі зваць адпаведна іх палавой прыналежнасці: хлопчыкаў называлі “блазны”, а дзяўчынак – “блазноўкі”. На Віцебшчыне працэс апранання першых штаноў хлопчыкам і першай спадніцы дзяўчынкам суправаджаўся рытуальнымі дзеяннямі, мэта якіх – вызначыць працягласць веку чалавека. Спецыфічных галаўных убораў у хлопчыкаў не было, а дзяўчынкі з 10 – 12 гадоў пачыналі насіць вянок. Вянок маркіраваў новы сацыяльны статус дзяўчынкі, магчыма, пачатак яе ўступлення ў шлюбны ўзрост. Асноўным галаўным уборам дзяўчынак і зімой, і летам была хустка. На ногі вязалі з ільну або авечай шэрсці шкарпэткі, абувалі лапці, больш заможныя сяляне спраўлялі дзецям “абіякі” (скураны абутак на драўлянай падэшве) ці нават боцікі.

Сярод традыцыйных спосабаў прафілактыкі хвароб самае важнае месца займала асабістая гігіена дзяцей. Гэта ў першую чаргу працэдура ўмывання і купання. Так, немаўлят купалі кожны дзень, з двух месяцаў купалі праз дзень, потым праз два дні, а потым і адзін раз у тыдзень, да трох год дзеці мыліся дома, а з трох – чатырох – у лазні: дзяўчынкі – з маці, а хлопчыкі – з бацькам [3, с. 5]. Безумоўна, лекавую накіраванасць несла звычайка ліць у ваду адвары рамонка, мяты, чыстацелу, чарады. Першапачаткова малое загортвалі ў пялюшку, пад галоўку ў начоўкі клалі складзеную ў некалькі столак пялюшку ці знятую дзіцячую вопратку і дзіця апускалі ў ваду. Спачатку ваду лілі на ручкі, потым на ножкі, на живоцік, у канцы на галоўку. У канцы практыкавалася закальванне:

дзіця бралі на рукі живоцікам уніз, злівалі “летняй” (халаднейшай) вадой, і выціралі чыстай полкай [3, с. 6]. Ёсць сведчанні, што пры купанні хваравітага або слабога немаўля ў вадку ўлівалі кубак малака, клалі зерне пшаніцы, а каб яно дужэла і добра расло, рабілі своеасабліваю зарадку: калена правай ножкі злучалі з левым локцем, а правы локць з левым каленам па чарзе [2, с. 15]. Вадку пасля купання нельга было выліваць пасля заходу сонца, лепей было пакінуць на наступны дзень і выліць на ўсходзе абавязкова пад дрэўца, “каб тое дзіця расло, як дрэўца” [3, с. 6].

У традыцыйных спосабах лячэння дзіцячых хвароб вылучаюцца два накірункі – рацыянальныя сродкі – масаж, лекавыя травы і нерацыянальныя – магічныя сродкі. Вельмі часта гэтыя накірункі спалучаліся. Многія хваробы немаўлят звязваліся сялянамі з “тым” светам. Напрыклад, каб аблегчыць прарэзванне зубоў, скроні дзіцяці змазвалі сумессю матчынага малака з сокам часнаку [5, с. 12]. Пры гэтым малако трэба было “працыркнуць” праз грабеньчык [5, с. 12]. У Мядзельскім раёне Мінскай вобласці маці мезеным пальцам левай рукі змазвала дзясны дзіцяці мёдам, давала пагрызці жалезную лыжачку [3, с. 8]. Яшчэ адной хваробай немаўлят лічылася так званая “шчацінка”, якая “з’яўляецца”, на спіне дзіцяці, калі цяжарная жанчына пхне нагой хатнюю жывёлу. Лячылі “шчацінку” наступным чынам: на матчыным малацэ замешвалі невялікі кавалак цеста і качалі яго па спіне дзіцяці [3, с. 7] або клалі дзіця на тое месца, дзе ляжаў кот ці сабака і качалі яго [4, с. 5].

Досыць распаўсюджанай хваробай была “малочніца” (назва “падбела” зафіксавана ў Карэліцкім раёне Гродзенскай вобласці, “шчэміны” (у Мядзельскім раёне Мінскай вобласці) – белы налёт на языку, дзяснах, вуснах дзіцяці. У Мядзельскім раёне Мінскай вобласці налёт выціралі валасамі маці [3, с. 6], а ў Карэліцкім раёне Гродзенскай вобласці чырвоным шарсцяным касніком [2, с. 10]. Існавалі яшчэ дзве групы хвароб, якія часам атаясамліваліся, і спосабы іх лячэння былі практычна аднолькавымі – гэта “сурокі” (“зглаз”, “нярэпалахі”, “спалох”, “лякі”) і “начніцы” (“крыксы”, “плаксы”). Як адзначае П.В. Шэйн, найбольш распаўсюджанымі сродкамі лячэння сурокаў з’яўляюцца наступныя: прыём прапускання дзіцяці паміж целам і кашуляй маці або праз бацькавы нагавіцы, выціранне падолам, высмоктванне ў вобласці вачэй і

сэрца, абкурванне смеццем або валасамі таго чалавека, які сурочыў [15, с. 286-288]. Напрыклад, у Пружанскім раёне Брэсцкай вобласці “ад суроку” дзіця выціралі шапкай таго чалавека, які ўваходзіў у хату [4, с. 5]. Часам сурок мог спрычыніць начніцы, прыкметамі якіх сяляне лічылі вялікі жывоцік, начныя плачы і бяссонніцу. А.Я. Багдановіч апісвае цікавы абрад лячэння начніцаў – “паланне” дзіцяці: маці кладзе дзіця ў прыпол і некалькі разоў качае яго перад полымем печы. Грыжу таксама лячылі замовамі, абвязаўшы жывоцік дзіцяці чырвонай ніткай, якая, магчыма, сімвалізавала ахоўную сілу пояса [3, с. 10].

У Себежскім павеце Віцебскай губерні, калі бабка-павітуха выяўляла ў дзіцяці прыкметы грыжы, яна лавіла мыш, разрывала яе за заднія лапкі і прыкладала яе да грыжы [1, с. 136]. Такі магічны спосаб лячэння пры дапамозе хтанічнай жывёлы сведчыць аб успрыманні нованароджанага як прадстаўніка “таго свету”, таму і хвароба, з якой ён нарадзіўся, павінна была пакінуць яго са смерцю прадстаўніка “таго свету” – мышы. Як ужо адзначалася вышэй, разам з выкарыстаннем замоў і іншых магічных сродкаў сялянкі звярталіся таксама і да лячэння “зёлкамі”. Налічваецца каля 300 відаў раслін, якія выкарыстоўваліся беларусамі для лячэння, найвялікшую групу сярод іх складаюць расліны для лячэння страўнікавых захворванняў.

Такім чынам, у прафілактыцы і лячэнні дзіцячых хвароб праяўляўся сінкрэтызм традыцыйнага беларускага сялянскага светапогляду. Лячэнне некаторых хваробаў немаўлят, звязаных з асаблівасцямі развіцця дзіцячага арганізма, адбывалася пры дапамозе малака маці, яе валасоў ці вады з яе роту, альбо пры дапамозе мацярынскага сімвала – печы.

Прыстасаванне чалавека да навакольнага асяроддзя адбываецца пры дапамозе біякультурнай адаптацыйнай стратэгіі, якая складаецца з узаемзвязаных біялагічных і культурных спосабаў прыстасавання да навакольнага асяроддзя, у тым ліку фізічнага выхавання дзіцяці першага году жыцця [17, с. 140]. У беларусаў склаўся своеасаблівы комплекс мерапрыемстваў, накіраваных на фарміраванне дасканаллага фізічнага і псіхічнага стану дзіцяці – гэта “*матчына гімнастыка*”. Матчына гімнастыка складалася з наступных дзеянняў з дзецьмі: прысаджванне, стаўленне на ножкі, ваджэнне за ручкі, саджанне на ўлонні, масаж пасля купання

дзіцяці. Для фарміравання ў дзяцей навыкаў сядзення, стаяння, хадзьбы ў беларускіх сялян існавалі спецыяльныя спосабы і сродкі для авалодання дзецьмі тэхнікай цела, сярод якіх важную ролю адыгрывала традыцыйная дзіцячая мэбля. Першым уласным “домам” дзіцяці была “калыска” (“люлька”, “зыбка”, “калюбель”, “калібка”), куды яго клалі толькі пасля хрышчэння. Калыскі складаюць самую вялікую групу сярод дзіцячай мэблі. Т.Дз. Яцкевіч падзяляе іх па спосабе гушкання на дзве катэгорыі: зыбкі (гушкаліся зверху ўніз) і калыскі (гушкаліся збоку ўбок) [16, с. 56]. Да зыбкі прывязвалася так званая “почапка”, цягаючы за якую зыбку гушкалі [3, с. 3]. Калыскі на ножках пачалі ўваходзіць у сялянскі побыт у канцы XIX – пачатку XX стст. Дугападобныя ножкі такой калыскі звычайна аббіваліся сукном, каб калыска не стукала па падлозе, калі качалася [2, с. 9.]. Адсюль, напэўна, і назва такой калыскі – “качанка” (“качалка”). Беларускія сялянкі выпрацавалі вельмі прыдатны спосаб пераносу дзяцей за плячыма ў палатнянай або плеченай калысцы.

Для авалодання тэхнікай цела ў некаторых народаў існуюць пэўныя спосабы і прыстасаванні [11, с. 253-254]. Так, прысаджваць дзіця беларускія жанчыны пачыналі ў 4-х месячным узросце, а ставіць на ножкі ў 6 – 7 месяцаў, для чаго выкарыстоўвалі спецыяльныя прыстасаванні – “сядзёлкі” і “стойкі” (“стаёнкі”, “стаёлкі”) з прычэпленымі да іх цацкамі [17, с. 141]. Часта дзяцей саджалі ў “падушкі”, прывязваючы іх “за падпахі” поясам, і пакідалі без дагляду на некаторы час, спадзяючыся на прыказку: “Малога і анёл калыша” [3, с. 1]. Для навучання хадзьбе выкарыстоўвалі так званую “хадулю” (“хадунок”, “пахадзенька”, “хадун”), якая мела выгляд вертыкальнай жэрдкі, замацаванай у столі, да якой на вышыні 60 – 80 см ад падлогі прымацоўваўся абручык (“каблучок”), у цэнтры якога ставілі дзіця [4, с. 3]. Такім чынам, наяўнасць традыцыйнай дзіцячай мэблі, яе канструкцыя, накіраваная на стварэнне прыдатных умоў для сталення дзіцяці, ахоўная функцыя калыскі сведчаць аб існаванні ў беларускай культуры ўстойлівага ўяўлення аб каштоўнасці дзіцячага жыцця, аб асэнсаванні важнасці і адметнасці першага перыяду дзяцінства.

Асаблівасці дзіцячага харчавання і адзення ў беларускіх сялян, традыцыйныя сродкі прафілактыкі і лячэння дзіцячых хвароб, спецыяльныя спосабы і сродкі для авалодання тэхнікай цела

сведчаць аб тым, што традыцыйныя спосабы і сродкі забеспячэння здароўя дзяцей з'яўляліся асобнай часткай традыцыйнай культуры першаснага жыццязабеспячэння беларусаў.

Выкарыстаная літаратура

1. Альхимович, П.Ф. Сборник белорусских народных легенд, былин и песен с описанием некоторых обрядов, обычаев, праздников и игрish крестьян Себежского уезда Витебской губернии. / П.Ф. Альхимович // Описание рукописей учёного архива Императорского русского географического общества / под ред. Д.К. Зеленина. – Вып. 1. – Петроград : Тип. А.В. Орлова, 1914. – 483 с.
2. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НА НБ. – Фонд 6. – Воп. 14. – С. 137.
3. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НА НБ – Фонд 6. – Воп. 14. – С. 138.
4. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НА НБ – Фонд 6. – Воп. 14. – С. 139.
5. Бабуля так лячыла...: замовы ад хвароб. / склад. Г.А. Барташэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 53 с.
6. Байбурин, А.К. Пояс (к семиотике вещей). / А.К. Байбурин // Сборник музея антропологии и этнографии. – Т. 45. – СПб. : Наука, 1992. – 197 с. – С. 5–13.
7. Белорусы. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы; отв. ред. : В.К. Бондарчик [и др.]. – М.: Наука, 1998. – 502 с.
8. Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія. / М. Говард; пад рэд. П. Церашковіча. – Мінск: Тэхналогія, 1995. – 478 с.
9. Головин, В.В. Организация пространства новорожденного. / В.В. Головин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры: сб.ст. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.; сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М., 2001. – 318 с. – С. 31–60.
10. Малиновский, Б. Научная теория культуры. / Б. Малиновский – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.

11. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. / М. Мосс. / пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. – М.: Изд. фирма «Вост. лит», 1996. – 360 с.

12. Навагродскі, Т.А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стст.: аўтарэферат дыс. ... канд. гіст. нав.: 07.00.07 – Мінск, 2015. – 50 с.

13. Никифоровский, Н.Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская тип., 1895. – 154 с.

14. Покровский, Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. / Е.А. Покровский // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1884. – Т. 45. – Вып. 2. – 232 с.

15. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. / П.В. Шейн. – Т. 3. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1902. – 535 с.

16. Яцкевіч, Т. Вярбовы корчык, або чаму нельга гушкаць пустую калыску. / Т. Яцкевіч // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 4. – С. 56 – 58.

17. Яцкевіч, Т.Д. Традыцыйная дзіцячая мэбля беларусаў і яе роля ў першапачатковым фізічным выхаванні. / Т.Д. Яцкевіч // Традыцыйная фізічная культура беларусаў: гісторыя, тэорыя, практыка: матэрыялы II Рэсп. канф. па праблемах традыц. фіз. культуры беларусаў, Мінск, 15–16 крас. 1999 г. / БДПУ ім. М. Танка; рэдкал. Л.Н. Ціхаміраў [і інш.] – Мінск, 1999. – С. 140–142.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Арбузаў А.Ц.</i> Жыў, каб помнілі	5
<i>Баландин К.И.</i> Страницы истории кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ	12
<i>Баландин К.И.</i> А.Е. Журов – «комсомольский» профессор	21
<i>Божанов В.А.</i> История: трудные дороги познания	23
<i>Щавлинский Н.Б.</i> Продолжатель достойных традиций кафедры.....	35
<i>Багдановіч А.Г.</i> Вытокі беларускай хрысціянскай дэмакратыі	38
<i>Багалеўша С.В.</i> Масонскія ложы на беларуска-літоўскіх землях у XIX – пачатку XX стст.....	46
<i>Богданович А.И.</i> К вопросу о состоянии полицейской службы в Российской империи.....	56
<i>Беляев А.В.</i> Проблема формирования и функционирования национальных политических элит как фактор устойчивого развития государства.....	62
<i>Давидович А.В., Киселева С.А.</i> Деятельность БССР в ООН. Исторический опыт 50-х гг. XX в.	71
<i>Довнар Л.А.</i> Экономическая экспертиза в Беларуси в период НЭПА	81
<i>Долготович Б.Д.</i> “Трудоголик” доцент Арбузов	87
<i>Долготович Б.Д.</i> Партизанский комиссар, ученый, патриот	88
<i>Киселева С.А., Логовая Е.С.</i> Запад – Восток: культурный код XXI в.	91
<i>Кедрик Т.В.</i> Прямая перспектива в культуре Ренессанса и Нового времени	99
<i>Лепеш О.В.</i> Комитет западных губерний (1831-1848 гг.) и Западный комитет (1862-1865 гг.) – высшие территориальные комитеты по управлению территорией Беларуси в XIX в.	109
<i>Лойка Т.В.</i> Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.....	116
<i>Семёнова Л.Н.</i> История ремесленных цехов Минска в XVI–XIX вв.	123
<i>Хромченко Д.Н.</i> Один из первых.....	133
<i>Щаўлінскі М.Б.</i> Беларуская культура на завяршальным этапе Першай сусветнай вайны (1918 г.).....	138
<i>Якубінская А.Дз.</i> Традыцыйная культура жыццязабеспячэння дзяцей убеларускіх сялян (другая палова XIX – першая палова XX стст.).....	150

Научное издание

**ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
РАБОТНИКОВ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»
БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Подписано в печать 08.04.16. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 7,27. Тираж 60. Заказ 294.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.